

ПЕРЕПИСКА Г. И. ЧУЛКОВА С БЛОКОМ

Вступительная статья, публикация и комментарий
А. В. Лаврова

Во второй половине 1900-х годов Георгий Иванович Чулков (1879—1939) — один из ближайших литературных спутников Блока. Взаимоотношения Блока с Чулковым никогда не достигали такой глубины и силы духовного общения, как, например, отношения с Андреем Белым, и такой доверительности и прочности дружеских связей, как отношения с Евгением Ивановым, — роль Чулкова в жизни Блока почти всегда оставалась второстепенной, даже в месяцы их наибольшей близости. Чулков не оказывал на Блока решающего влияния, что легко объясняется достаточно скромными масштабами его литературного дарования и столь же скромным, не выходящим за пределы обычного, потенциалом личности. Всецело принадлежа по идейным устремлениям и творческим принципам к той группе «младших» символистов, ярчайшим выразителем которой стал Блок, Чулков занимал в ней своеобразное и лишь ему одному логикой судьбы по праву предназначавшееся место — деятельного организатора литературной жизни, чутко улавливавшего дух и веления времени, реципиента идей и пропагандиста художественных завоеваний («самый неистовый энтузиаст, каких я знал», — вспоминает о Чулкове М. В. Добужинский¹), литератора *par excellence*. Чулков являл собою весьма типичный и характерный пример второстепенного писателя, творчество которого значимо не столько своей неповторимой индивидуальностью, сколько общими тенденциями, умением отразить те или иные отличительные черты литературно-исторической эпохи.

В свое время эта особенность литературного профиля Чулкова была проникательно отмечена анонимным рецензентом его рассказов: «Георгий Чулков — весьма своеобразный писатель. Не обладая значительным даром ни как поэт, ни как беллетрист, ни даже как критик или теоретик современного культурного сознания, он все же занимает достаточно видное положение в современной литературе. И в известном праве на это положение отказать ему нельзя. Это право сообщают ему, прежде всего, его несомненная культурность, значительная начитанность, напряженная чуткость ко всем проблемам современной мысли и сознания в области искусства, философии, религии. И эти качества неизменно отражаются во всех работах Чулкова, делая их, несмотря на то что они не блещут непосредственным, стихийным талантом, — всегда интересными и стоящими внимания»². В этих свойствах личности Чулкова коренится одна из основных причин и «притяжений» Блока к нему, и «отталкиваний» от него: типовое, усредненное, «внешнее» в Чулкове то оборачивалось для Блока своей негативной стороной, то становилось порой значимым и притягательным. В биографии Блока общение с Чулковым вписывается в контекст его отношений с тем специфическим кругом «петербургских модернистов», который во всей своей определенности оформился в период революции 1905—1907 гг.

Знакомство Блока и Чулкова состоялось весной 1904 г. на квартире Мережковских, как сообщает сам Чулков в мемуарном очерке «Александр Блок и его время»³. Чулков, тогда только что появившийся в Петербурге и сразу же приглашенный Мережковскими на должность секретаря журнала «Новый путь», воспринимался в кругу символистов как весьма необычная фигура: автор единственной книги стихов и прозы «Кремнистый путь» (1904), выдержанной в вызывающе модернистской тональности, исполненной пафоса индивидуализма и эстетизма, — и «политический преступник», бывший студент Московского университета, поплатившийся в 1902 г. за активное участие в нелегальной деятельности и связь с социал-демократической партией тюремным заключением и изгнанием в Сибирь, в глухие места Якутии — улус Амга (где до него отбывал ссылку В. Г. Короленко), а затем освобожденный по амнистии и живший под гласным надзором полиции в Нижнем Новгороде. Столь наглядное сочетание новейших эстетических убеждений с ярко выраженным политическим радикализмом в пору, предшествовавшую революции 1905 г., еще не было характерным для символист-

ской литературной среды. Сходная судьба была лишь у вошедшего тогда же в круг деятелей «нового искусства» А. М. Ремизова, и Чулков отмечал, что они вдвоем, «как ссыльные, составляли особую литературную пару»⁴. Художники и писатели, близкие к «Миру искусства», как свидетельствует сам Чулков, смотрели в то время на него, «как на диковинку»: «Их удивляло то, что я, революционер, изведавший и тюрьмы, и ссылку, не только не равнодушен к искусству, но и проповедую какую-то эстетику, непохожую вовсе на традиционную интеллигентскую канитель. В головы петербургских эстетов никак не укладывалось, что можно совмещать в себе понимание искусства и вражду к тогдашнему политическому и социальному порядку»⁵.

Безусловно, эта особенность личности Чулкова была и для Блока на первом плане: при свойственном ему в юношеские годы общественном индифферентизме знакомство с бывшим политическим ссыльным не могло не сыграть свою роль в преодолении духовной «келейности», в пробуждении интереса к живой современности и жгучим проблемам предреволюционной действительности. Жена Чулкова Надежда Григорьевна в своих воспоминаниях о Блоке отмечает: «И он и его жена смотрели на нас с любопытством, как на революционеров»⁶. Разумеется, немало преувеличения содержится в позднейших словах Чулкова: «Мне кажется, что именно на мою долю выпало „научить“ Блока „слушать музыку революции“»⁷, — но есть в них и определенное зерно истины. В «музыке революции», в предчувствиях надвигающегося митежа Чулков различал соловьевские, «софианские» ноты, глубоко созвучные Блоку; он убежденно выстраивал соответствия между неопределенно-мистическими чаяниями и социальными идеалами, на свой лад стремился «революционизировать» соловьевскую философию и эстетику. Характерно, что именно под знаком Владимира Соловьева проходила предыстория знакомства и началось сближение Блока с Чулковым: последний сообщает, что впервые имя молодого петербургского поэта он услышал в 1903 г. от А. Н. Шмидт, фанатичной поклонницы Соловьева и автора мистического трактата «Третий Завет»⁸, которая, прочитав книгу Чулкова «Кремнистый путь», заговорила с ним о Блоке как о духовном преемнике Соловьева; первое письмо Блока к Чулкову, отправленное из Шахматова 15 июня 1904 г., извещало о встрече с той же Шмидт и содержало приглашение в Шахматово⁹; наконец, первый принципиальный спор между Блоком и Чулковым возник по поводу чулковской статьи «Поэзия Владимира Соловьева» (см. п. 3). В сходном ключе Чулков формулировал и свое общее представление о творчестве Блока этого времени. В рецензии на альманахи «Северные цветы» он указывал: «Поэзия Блока — прямая наследница поэзии Владимира Соловьева. Только влюбленность Блока более интимна и сосредоточенна и, пожалуй, более чувственна»¹⁰. О том, что с самого начала темы их общения были так или иначе связаны с соловьевской проблематикой, свидетельствует и сам Чулков: «При первых встречах моих с Блоком мы, кажется, несколько дичились друг друга, хотя успели перекинуться «символическими» словами: «софианство» сближало нас, но оно же и ставило между нами преграду. Я, причастный этому внутреннему опыту, страшился его, однако»¹¹. Хотя Блок знал и принимал Соловьева весьма избирательно, высоко ценил прежде всего его поэзию и лишь отдельные философские и критические работы, он претендовал на целостное мифопоэтическое постижение «Несказанного» в духовной личности Соловьева¹²; Чулков же подходил к Соловьеву слишком аналитически и доктринально, и это вело, с точки зрения Блока, к определенному искажению облика поэта и философа.

«Преграды», о которых говорит Чулков применительно к идейным мотивам своего общения с Блоком, объяснялись, кроме того, и специфическими различиями, казалось бы, чисто «внешнего» характера. Блок в 1904 г. был еще малоизвестным поэтом с ограниченным кругом литературных связей и знакомств, принципиально замкнутым и оберегавшим свою уединенность, между тем как Чулков, такой же начинающий писатель, став секретарем «Нового пути», по существу взял в свои руки все текущие дела этого журнала и, развивая разнообразные инициативы, быстро оказался в центре литературной жизни. «Любовь Дмитриевна, жена поэта, — вспоминает Чулков, — говорила мне впоследствии, что она и Александр Александрович смотрели на меня тогда, как на „литератора“, — термин не слишком лестный в их устах»¹³. Но при всем том Чулков спешествовал развитием собственно «литераторских» наклонностей у самого Блока. Последний в этом смысле даже ощущал известную зависимость от него, как от ответственного журнального работника и «работодателя», в особенности на фоне наступившего охлаждения в отношениях с Мережковскими и отсутствия прочных деловых связей с брюсовскими «Весами». Характерна фраза Блока в письме к матери от

29 августа 1905 г.: «Чулков по-прежнему меня очень признает»¹⁴. «Признание» Чулкова заключалось прежде всего в том, что он активно способствовал печатанию произведений Блока в «Новом пути» и в еще большей мере — в «Вопросах жизни», журнале, пришедшем на смену «Новому пути» в 1905 г. При непосредственном содействии Чулкова, руководившего литературно-критическим отделом «Вопросов жизни», в этом журнале (выходившем всего один год) из номера в номер появлялись произведения Блока, и не только стихотворения, но и статья «Творчество Вячеслава Иванова» (№ 4-5) и многочисленные рецензии, принадлежавшие к числу первых опытов Блока-критика. Выбор книг для рецензирования и стиль критических оценок Блок нередко согласовывал с Чулковым (см. п. 2).

На протяжении 1905 г. отношения Блока с Чулковым все более укрепляются. Показательно письмо Блока к матери от 12 сентября 1905 г., в котором описывается вечер 10 сентября и визит Чулкова с женой: «Говорили много интересного, просидели до 2-ого часа ночи. Я читал им много стихов, им страшно понравились сказки. Скоро, вероятно, мы пойдем к ним вечером»¹⁵. Регулярные дружественные встречи подобного рода, заполненные обсуждением литературных вопросов, проходили под знаком развивающейся революции, воспринимавшейся опять же сквозь призму «музыкальных», эзотерических соответствий. В статье «Памяти Александра Блока» Чулков подчеркивает, что именно 1905 год явился основной причиной этого сближения: «...все, для кого революция была не только внешний, социальный и политический факт, но и нечто большее, некоторое внутреннее событие, искали встреч друг с другом — даже одинокие люди, как Александр Блок»¹⁶. «Мы нашли общий язык, не для всех внятный», — пишет Чулков в воспоминаниях о Блоке¹⁷, указывая, что именно тревожные и волнующие события дня являлись тайным камертоном этих общений, хотя и редко становились непосредственным предметом обсуждения: «Я помню наши скитальчества с Блоком в белые петербургские ночи и долгие беседы где-нибудь на скамейке „Островов“. В этих беседах преобладали не „экономика“, „статистика“, не то, что называется „реальной политикой“, а совсем другие понятия и категории, выходящие за пределы так называемой „действительности“. Чудились иные голоса, пела сама стихия, иные лица казались масками, а за маревом внешней жизни мерещилось иное, таинственное лицо»¹⁸. В этих совместных наблюдениях и переживаниях, вписывавшихся в целостную лирико-символическую систему «мистицизма в повседневности», участие Чулкова сказывалось в том, что в сознание Блока со все более крепнущей силой проникали трагические социальные мотивы, образные картины, почерпнутые из окружающей действительности. Не случайно Блок посвятил именно Чулкову «Повесть» — одно из первых своих урбанистических стихотворений с ярко выраженной социальной окраской, напечатанное в № 4-5 «Вопросов жизни» (II, 163—164).

Чулков, чрезвычайно высоко ценивший поэтическое дарование Блока¹⁹, стремился сделать его ближайшим участником своих литературных планов и инициатив. Все эти начинания были направлены к тому, чтобы оплодотворить «новое искусство» духом революции, освободительного мятежа. Осенью 1905 г. Чулков задумал издать сборник «Огни», в котором должен был участвовать и Блок²⁰. В недатированном письме к Брюсову, относящемся к этому времени, он намечал программу «Огней» — «представить наших „декадентов“ в их отношении к дням мятежным. Сборник должен носить агитационный характер. Наши поэты-анархисты на этот раз должны беседовать с улицей и свои разрушительные и освободительные порывания применить к паризму и к буржуазному обществу»²¹. В другом письме к Брюсову, от 4 ноября 1905 г., Чулков упоминал уже не сборник, а журнал «Огни» — «мистический и бунтовской»²². 21-м декабря 1905 г. датировано свидетельство, выданное Чулкову на выпуск в свет журнала «Факелы»²³, однако периодического издания организовать не удалось, пришлось ограничиться альманахами того же названия, которым Чулков стремился придать пафос расплывчатого радикализма и максимализма. С «Факелами» были связаны и проекты нового модернистского театра, в разработке которых Чулков также принимал деятельное участие. Поддерживая театральные искания В. Э. Мейерхольда (своего товарища со студенческих лет), Чулков пропагандировал идеи, которые должен был нести затеянный в Москве в 1905 г. «Театр-студия»; задача его, по Чулкову, заключалась в том, чтобы «создать новый театр мистической драмы», содействовать рождению синтетического действия, в котором «вспыхнут новыми огнями мечты древних и мятежные мечты нашего времени»²⁴. «Театр-студию» так и не удалось открыть, несмотря на большие подготовительные работы, и после этого решено было в Петербурге, при непосредственном содействии Чулкова, организовать театр «Факелы» под руководством того же Мейерхольда, но и этому театру тоже

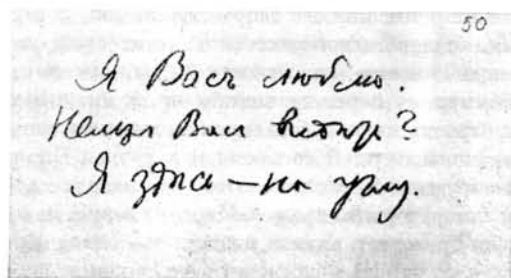
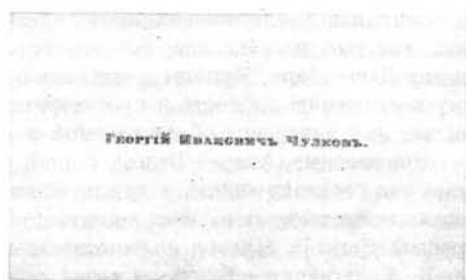
суждено было остаться в проекте. Тем не менее Чулков сумел обеспечить будущий театр пьесой, которая была написана по его просьбе в расчете на постановку в «Факелах», — это был, как известно, блоковский «Балаганчик» (см. п. 4).

Поначалу Блок без особенного энтузиазма откликнулся на предложение Чулкова развить мотивы ранее написанного стихотворения «Балаганчик» в драматические сцены, не проявил он большого интереса и к проектам нового символистского театра. «Все это строительство таких высококультурных людей, как Вяч. Иванов, и высоко предприимчивых, как Георгий Чулков и Мейерхольд, начинает мучить меня. Чувствую уже, как хотят выскоблить что-то из меня операционным ножиком», — писал он Белому 3 января 1906 г. (VIII, 146), уже согласившись, впрочем, на создание пьесы для нового театра. Однако работа его увлекла, и во второй половине января «Балаганчик» — этапное для Блока произведение, со всей определенностью заявлявшее о переоценке прежних духовных идеалов, — был завершен. Симптоматично, что именно Чулков оказался «крестным отцом» этой «мистической сатиры», как сам он определял жанр «Балаганчика». Чулков был одним из немногих близко знавших Блока и ценивших его творчество людей, которые сознательно поддерживали поэта в продолжении соловьевской мистико-эстетической утопии, которые расценивали его переход от «неподвижности», целостности былого высокого идеала Девы, Зари, Купины к «стихийному», динамичному переживанию бытия, к интуитивному постижению зыбкости и противоречивости, присущих и субстанциональным началам жизни, как внутренне обусловленный и оправданный путь. В то время как друзья Блока — «соловьевцы» (Андрей Белый, Сергей Соловьев) резко критиковали его за «надругательство» над своим прошлым, а другие близкие ему литераторы (например, Мережковские) не замечали существенных перемен в его творчестве, по-прежнему видя в поэте лишь певца Прекрасной Дамы²⁵, Чулков приветствовал эти новые тенденции и убеждал в их закономерности. В «Балаганчике» Блока он видел характернейшее выражение эпохи «переоценки ценностей», «когда поэты рискнули заподозрить многие святыни, когда какой-то страшный хмель кружил головы тем, кто полусознательно вошел в круг предчувствий, связанных с первым революционным взрывом 1905—1906 гг.»²⁶

В конце 1906 г. Чулков принимал непосредственное участие в организации постановки «Балаганчика» в Театре В. Ф. Коммиссаржевской, 10 декабря на предварительной «беседе» прочитал актерам доклад о пьесе, в котором пытался разъяснить замысел автора и значение основных образов²⁷. Позднее в перечне своих режиссерских работ Мейерхольд постановку «Балаганчика» посвятил Чулкову²⁸. Последний считал ее «вершиною творчества Мейерхольда, его наилучшим и характернейшим достижением»²⁹, находил, что в сценическом воплощении «Балаганчика» достигнута «такая гармония всей постановки, такое согласие драматурга, актеров, режиссера, какого почти никогда не бывает»³⁰. После шумевшей премьеры «Балаганчика» 30 декабря 1906 г. Чулков не раз выступал по этому поводу в печати со своей интерпретацией постановки и авторского замысла³¹. Разъяснения Чулкова сыграли немаловажную роль, поскольку пьеса Блока сразу же обросла, помимо шаблонных «антидекадентских» глумливых отзывов, произвольными и прямолинейными толкованиями, далекими от понимания сути произведения.

«Странный и страшный фарс» Блока, по мысли Чулкова, дает «новое неожиданное освещение» прежней, столь близкой поэту идеи Вечной Женственности, проводит ее через испытание «мистическим скептицизмом» — мироощущением, противостоящим духовному догматизму: «Поэт первоначально приходит к „идее неприятия мира“: эмпирический мир пошатнулся, поколебался под его пытливым взглядом <...> Здесь звучит великая и последняя насмешка над самой дорогой и уже воплощенной мечтой. Поэт с болью и с отчаянием раскрывает свое неверие в абсолютное начало, им же созданное <...> Душа Пьеро-Арлекина — это причудливое сочетание высшего знания, великой наивности, таинственной и первоначальной любви и насмешливого презрения»³². При этом, обосновывая «мистический скептицизм» как главенствующий художественный принцип в «Балаганчике», Чулков вполне мог отдавать себе отчет, что подобным «скептицизмом» в пьесе окрашены не только карикатурные образы оцепеневших мистиков — «соловьевцев», но и те «стихийные», оптимистические, коллективистские мотивы, которые были созвучны его собственной идейной проповеди; ремарка: «Шум. Суматоха. Веселые крики: „Факелы! Факелы! Факельное шествие!“ Появляется хор с факелами. Маски топлятся, смеются, прыгают» (IV, 19), — включает в себе, помимо реминисценций из блоковского стихотворения «Балаганчик» («Видишь факелы? видишь дымки?» — II, 67), и недвусмысленный проирический намек на тот театр, для которого

был написан «Балаганчик», и на тот альманах, в котором он был напечатан, а «факельный» пафос Чулкова находит свое отражение в монологе Арлекина, полного энергии, мятежности («Мир открылся очам мятежным» — IV, 20) и энтузиазма³³. Сопоставляя «Балаганчик» со средневековым мираклем, Чулков находит между ними точку соприкосновения «в одном моменте необычайной важности»: «Это — религиозная влюбленность в Изначальную Реальность и в то же время безумная и кощунственная насмешка над Ней. Быть в Нее влюбленным и Ее не пожалеть, — значит, не пожалеть и себя: вот сущность мистерии, участвовать в которой еще не всем дано...»³⁴ Блок в целом принимал трактовку «Балаганчика», предложенную Чулковым, и был благодарен ему за столь заинтересованное участие в судьбе этого произведения. В недатированном письме к Чулкову, относящемся ко времени постановки «Балаганчика», Блок признается: «Я очень нежно Вас люблю, и Вы любите меня также. Только понимайте меня так же, как поняли в том, что написали о Балаганчике (...) Пожалуйста, знайте, что я Вас люблю очень по-настоящему»³⁵.

ЗАПИСКА Г. И. ЧУЛКОВА БЛОКУ НА ОБОРОТЕ ВИЗИТНОЙ КАРТОЧКИ

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Ко времени написания и постановки «Балаганчика» относится и начало самой бурной за всю историю русского символизма «междоусобной» полемики в связи с выдвинутой Чулковым теорией «мистического анархизма». Эта полемика отразилась и во взаимоотношениях Блока и Чулкова.

Прихотливая и претенциозная идеологическая постройка «мистического анархизма», в которой должны были найти гармоническое сочетание мистические и общественные идеи, наглядно выявляла незрелость мысли, комплиментарность и эклектичность теоретических изысканий, шаткость и сумбурность логических доводов, но обладала, тем не менее, одной привлекательной особенностью, весьма характерной в целом для Чулкова, — созвучием с духовными запросами эпохи. Уже в 1918 г. Чулков вполне осознавал, что исключительно злободневность тематики привлекла столько внимания к его книге «О мистическом анархизме» (1906) — по его собственному признанию, «неудачно, неосновательно и торопливо написанной»: «Неопытный автор слишком громко, неосторожно и поспешно произнес такие слова, какие у многих были на уме, — это слова о кризисе декадентства, о зависимости этого явления от критического периода русской и, может быть, европейской культуры, о динамике религиозного творчества»³⁶. «...Все эти тогдашние мои публикации, — замечает Чулков о „мистико-анархических“ манифестах, — были весьма незрелы, неосторожны и самонадеянны, но все же в них заключалась некоторая правда, никем до меня не высказанная»³⁷.

В обосновании «мистического анархизма» нашли свое специфическое отражение настроения общественного подъема, вызванного революцией 1905 г. Социальный аспект подразумевался как непеременимое составное начало «мистико-анархических» устремлений, движимых пафосом «неприятия мира», отвержения дисгармонического, несправедливого реального мира во имя грядущего соборного, тяготеннем к «почве», к народной стихии. Своим весьма неотчетливыми и декларативными построениями Чулков ставил в преемственную связь с выдвинутой Вячеславом Ивановым идеей «кризиса индивидуализма» и магистральным для его творческого сознания «пророчеством» о наступлении новой «органической эпохи» всемирного анархического единства людей, связанных общностью религиозно-этического сознания (идущая от Хомякова идея „соборности“)»³⁸. В своих исканиях Чулков откровенно признавал себя учеником Иванова; Иванов, в свою очередь, «благословил» Чулкова, предпо-

слав его книге «О мистическом анархизме» свою вступительную статью «Идея неприятия мира и мистический анархизм» (последнее обстоятельство, безусловно, было немаловажным для Блока, находившегося в то время под сильным обаянием личности Иванова и его «дионисийской» проповеди³⁹).

Конкретную боевую задачу «мистического анархизма» Чулков видел главным образом в том, чтобы противостоять «декадентскому индивидуализму» символистского искусства — по его мысли, уже завершившего определенный предначертанный круг развития и исчерпавшего творческие потенции, присущие этому этапу. На многочисленные упреки в том, что он неосновательно пытается создать из «мистического анархизма» новое литературно-эстетическое течение, Чулков возражал не раз, настаивая на сугубо идейной, философской направленности выдвинутой им доктрины, но возражения эти по сути опровергались его же собственными весьма ответственными и самонадеянными заявлениями: «Декадентская полоса русской литературы, желанная в свое время и необходимая исторически, по-видимому сменяется новым культурным движением. Обнаженный индивидуализм сменяется мистическим анархизмом. Это новое направление в искусстве неразрывно связано с революционно-религиозным движением, которому — верим — предстоит великое будущее»⁴⁰; «...выросла новая общественность, новое идейное движение, принявшее, как принцип, известную формулу — „мистический анархизм“ <...> Декадентское движение, во главе которого стоял Брюсов, характеризуется принятием мира в его мгновенности, в его множественности и раздробленности <...> Наоборот, мистико-анархисты не принимают мира, мира как такового, и мечтают о мире преображенном. Отсюда воистину революционная непримиримость нового литературно-философского движения, которое нашло себе выражение отчасти в журнале „Вопросы жизни“»⁴¹. В статье «Молодая поэзия» Чулков прямо заявлял, что на смену «уединенному символизму» и «декадентскому эстетизму» пришло «новое литературное течение» — так называемый «мистический реализм», преемственный символизму в «декадентском» изводе, но, в отличие от него, обращенный навстречу реальному миру; при этом, по Чулкову, поэзия уходящего «декадентства» с наибольшей силой отразилась в творчестве Бальмонта и Сологуба, а новейшие эстетические тенденции — в творчестве Блока: «...для воплощения новых переживаний явилась и новая форма стиха, сочетавшая в себе и силу, и гибкость, и новую магию звуко сочетаний. Таковы стихи, например, Александра Блока»⁴².

Отношение Блока к «мистическому анархизму» (несмотря на то почетное место, которое отводилось его творчеству по чулковской философско-эстетической шкале ценностей) было двойственным: он принимал его как известное настроение, как мыслительную интенцию и отвергал как претендующую на концептуальную определенность и доказательность систему положений. Немаловажно, что «мистико-анархические» импульсы, насыщенные в значительной степени «дионисийскими» токами, были созвучны тому пониманию психологии творческого акта, которое определилось у Блока в период переоценки прежних идеалов и стремления к постижению трагической дисгармонии бытия и к стихийной раскованности самовыражения. Была созвучна Блоку и предложенная Чулковым трактовка мистицизма, под которым понималась «совокупность душевных переживаний, основанных на положительном иррациональном опыте, протекающем в сфере музыки»⁴³. Такая расширительная трактовка музыки как субстрата мистического знания, как начала, раскрывающего суть мира и единство личности с миром, оказывалась внутренне родственной блоковским мифопоэтическим представлениям. «Мистический анархизм» Блок осознал как опыт построения философской теории «на лирических основаниях» (статья «О драме» (1907 — V, 168), и в этом усматривал его сугубо национальную специфичность, что в системе духовных исканий поэта было уже само по себе интересно и ценно. Однако общая теоретическая ущербность предложенной доктрины была ясна Блоку с самого начала. Получив от Чулкова книгу «О мистическом анархизме»⁴⁴, Блок в письме к нему от 7 июля 1906 г. откровенно изложил свои впечатления: Ваши краткие статьи, как стрелы — одна за другой, — ранят, пролетая, но откуда и куда летят — неизвестно. Многие попадают прямо в сердце. Вы пишете жестоко и справедливо». I далее, в этом же письме: «Почти все, что Вы пишете, принимаю отдельно, а не в целом. Целое (мистический анархизм) кажется мне не выдерживающим критики, сравн. с частостями его; его как бы еще нет, а то, что будет, может родиться в другой области. По-моему, измени» Вы не угадали, — да и можно ли еще угадать, когда здание шатается? И то ли еще удет? Все — мучительно и под вопросом» (VIII, 158)⁴⁵.

Однако, когда в связи с разгоревшейся в 1906—1907 гг. полемикой вокруг «мистиче-

ского анархизма» началась поляризация символистских литературных сил, Блок, сочувствовавший позиции Вяч. Иванова и находившийся в близких отношениях с Чулковым (к тому же всячески подчеркивавшим эту близость), естественно, воспринимался как один из представителей группы «петербургских» модернистов, сторонников «мистико-анархических» новаций, стоявших в оппозиции к «московским», «ортодоксальным» символистам, объединенным вокруг Брюсова и «Весов». При всем том «мистико-анархические» тенденции лишь отчасти импонировали Блоку, скорее в их исходных положениях (идея кризиса индивидуализма, утверждение связи искусства с общественной жизнью, преодоление отвлеченного утопизма и т. п.), чем в последних выводах, и адептом теории Чулкова он ни в какой мере не мог себя признать⁴⁶.

То объяснение причин отмежевания Блока от «правды» «мистического анархизма», которое дает сам Чулков, имеет односторонний характер: «Первоначально Блок почтливо относился к правде, т. е., что „уж если бунтовать, так бунтовать до конца“, не останавливаясь на половине пути, но потом — под влиянием всеобщей травли — смутился и отступил»⁴⁷. Действительно, Блок в августе 1907 г. оповестил о своей непричастности к идейной платформе Чулкова письмом в редакцию «Весов» под непосредственным давлением Андрея Белого, ведшего ожесточенную борьбу с «мистическим анархизмом» (см. п. 10). Однако критическое отношение к изысканиям Чулкова возобладало у Блока задолго до того, как он прямо заявил о своей позиции; обстоятельства междоусобной полемики и «весовские» разо лачения идейно-теоретической несостоятельности «мистического анархизма» только способствовали прояснению его взглядов. Принципиальный противник всяческой доктринальности, Блок распознал в «мистическом анархизме» в первую очередь именно эту особенность. Еще в письме к Чулкову от 23 июня 1907 г. он признавался со всей откровенностью: «Я все больше имею против мистического анархизма» (VIII, 187). 1 августа 1907 г. Блок записал о Чулкове: «У него, если пафос, так похож на чужой, а чаще — поддельный — напыщенная риторика» (ЗК, 96), а 20 августа, приняв решение печатно отмежеваться от теории Чулкова, занес в записную книжку раздраженные отзывы и о «мистическом анархизме», и собственно о Чулкове: «...он совсем некультурен. Возмутительно его притягивание меня к своей бездарности» (ЗК, 97—98). Такая резкость суждений в отношении личности Чулкова была в то время скорее данью преходящим эмоциям, чем сознательной позицией, но слова, тем не менее, говорят сами за себя.

Наконец, в статье «О современной критике», опубликованной в газете «Час» 4 декабря 1907 г., Блок прямо высказал свое отношение к идейным построениям Чулкова и М. Л. Гофмана, изобретшего «соборный индивидуализм» — новую версию «мистического анархизма»: «...неудачные статьи Георгия Чулкова и Модеста Гофмана (...) еще не создают теории. Я думаю, что писателей с такими кличками и вообще не может существовать, и потому этими кличками вовсе не исчерпываются суждения даже о самих авторах их — Георгии Чулкове и Модесте Гофмане» (V, 207). При этом Блок негодовал в связи с теми преследованиями, которым подвергался Чулков в «Весах» со стороны Белого, З. Гиппиус и других критиков, считал недопустимыми личные выпады и некорректный тон в печатной полемике. «К Георгию Чулкову имею отношение как к человеку и возмущаюсь выливанием помоев на голову его как человека. Считаю это *непорядочным*», — писал он Андрею Белому 6 августа 1907 г., подчеркивая в очередной раз: «...к новейшим кудым теориям отношусь так же, как Ты» (VIII, 190, 191).

Позиция Блока по отношению к «мистическому анархизму» не сказалась отрицательным образом на его личных отношениях с Чулковым, которые сохраняли по-прежнему чрезвычайно дружественный характер. «...Одно из моих психологических свойств: я *предпочитаю людей идеям*», — заявлял Блок в письме к Андрею Белому от 15—17 августа 1907 г. (VIII, 197), подразумевая прежде всего свои отношения с Чулковым на фоне полемики вокруг «мистического анархизма». Дружественность отношений сохранялась и в те месяцы зимы — весны 1907 г., когда развивался «роман» между Л. Д. Блок и Чулковым. Желая на свой лад ответить Блоку на его бурное увлечение «снежной маской» — Н. Н. Волоховой и испытать «легкий хмель» «декадентской» вседозволенности и «легкой любовной игры», Любовь Дмитриевна остановила свой выбор на Чулкове. Глубокого чувства не возникло ни с той, ни с другой стороны, отношения были окрашены в игровые, «маскарадные» тона и как бы проецировались на образность блоковского «Балаганчика». Характерна дневниковая запись Е. П. Иванова от 12 января 1907 г.: «С Любкой от Таты ехал. Ужас. В балаганчик легче по

пасть, чем в Царство Небесное <...> Чулков в роли Арлекина»⁴⁸. Эти отношения не составляли тайны ни для родных Блока, ни в литературном окружении⁴⁹. Чулков запечатлел их в стихотворном цикле «Месяц на ущербе», опубликованном в альманахе «Белые ночи». В одном из стихотворений этого цикла отражается образ Блока и тот специфический характер общения, который связывал его с Чулковым:

И вновь ты уходишь во мрак,	И бледный монах мне знаком:
Сияя мечтой золотистой;	Мы вместе плели наши сети:
И мраком венчается брак	Любили, влюблялись вдвоем,
Невинный, святой и пречистый.	Смеялись над нами и дети.
И твой поцелуй на устах	Потом уходил он на мост
Как ядом уста опалает.	Искать незнакомки вечерней:
И мимо проходит монах	И был он безумен и прост
И молча, и строго кивает.	За красным стаканом в таверне ⁵⁰ .

Близость с «бледным монахом» не преувеличена Чулковым в этом стихотворении. Взаимоотношения с Л. Д. Блок прямого влияния на его дружбу с Блоком не оказывали. Сам Блок воспринимал все «уходы» Любви Дмитриевны как свое собственное, а не ее «преступление» (в дневниковой записи от 27 октября 1912 г. Блок вспоминает ее связь с Чулковым, в ряду других связей, как «ответ на мои никогда не прекращавшиеся преступления» — VII, 170), и — шире — ощущал семейный разлад как некое фатальное следствие общей неустроенности бытия и быта. Отношения его с Чулковым развивались тоже под знаком этой неустроенности, зыбкости, дисгармоничности, которую Блок остро чувствовал в мире и которую стремился вобрать в себя сполна. В этих настроениях, отзвук которым Блок находил у Чулкова, сказывались и мотивы этического релятивизма, и тяготения к «самосожжению», к жизни «безытной, уличной, хмельной»⁵¹, в которой опять же Чулков был неизменным спутником. Их встречи «за красным стаканом в таверне» в 1907—1908 гг. происходили часто. Симпатии Блока к Чулкову во многом объяснялись его общим тяготением к житейски раскованным, открытым отношениям без примеси дидактики и духовной регламентации, к «внеэстетическим» друзьям⁵². «...Поэт ценил во мне то, — вспоминает Чулков, — что со мною можно было говорить не по-интеллигентски, что я с полуслова понимаю его символический язык»⁵³. Фактическая непроявленность у Чулкова — при всем том, что и он был полноценным выразителем символистского мироощущения, — признаков человеческой и литературной исключительности оказывалась для Блока даже притягательным качеством в эту пору, когда он особенно тянулся к простоте во всем, к широко понятой демократичности.

Особенной теплоты отношения Блока с Чулковым достигли в 1908 г. «У меня очень дружеские и настоящие, даже трогательные отношения с Чулковым», — сообщал Блок жене 14 июня 1908 г. (VIII, 244). «Я Вас люблю», — писал он Чулкову 18 сентября того же года из Шахматова в Москву (VIII, 255), а возвратившись в Петербург, остро ощущал его отсутствие: «Отчего Вы так долго в Москве? <...> Приезжайте скорей, у меня накопилось и дум и дел — пропасть <...> Возвращайтесь, не пропадайте <...> Напишите мне еще, пожалуйста» (письмо от 4 октября 1908 г. — VIII, 255). С еще большей силой внутренняя связь с Чулковым подчеркнута Блоком в письме к нему от 7 ноября 1908 г.: «Милый Георгий Иванович, возвращайтесь в мрачный город, любимый Вами; свидимся опять; может быть, как всегда, немного не по-людски и немного странно; но видется и вместе шататься по миру судила нам Судьба» (VIII, 260). «Блок чувствует в Вас потребность», — сообщал Чулкову Городецкий 2 ноября 1908 г.⁵⁴ В сентябре 1908 г. Блок, возобновив общение с З. Н. Гиппиус и обсуждая планы совместных литературных предприятий, упрекал ее, в частности, за резкие выпады против Чулкова⁵⁵.

Относясь в целом весьма сдержанно к художественному творчеству Чулкова и не придавая ему большого значения, Блок в этот период старался не выносить критические приговоры произведениям своего приятеля и, наоборот, не упускал возможности — чаще всего мимоходом — отметить то немногое, что ему понравилось. В статье «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» («Золотое руно», 1907, № 2) Блок целиком привел к тому времени еще не опубликованное стихотворение Чулкова «Гагара» («Стоит шест с гагарой...»), желая «простыми словами певца тайги» поведать о своих надеждах на появление «настоящих людей,

с человеческим удивлением в глазах», которые «придут и заговорят на свободном языке» (V, 94) ⁵⁶. Чулков посвятил Блоку лирическую поэму «Весною на север» (давшую заглавие сборнику стихов), в которой отразил свои впечатления от путешествия по Лене вместе с другими смыслопереселенцами ⁵⁷. Получив от Чулкова книгу «Весною на север», Блок писал ему: «Спасибо <...> за надпись и за посвящение поэмы, которую люблю» ⁵⁸. Косвенным подтверждением того, что Блок считал эту поэму удачной, служит его замечание в обзорной статье «Литературные итоги 1907 года» о цикле «Обручение»: «...стихи Чулкова <...> которые я поставил бы по качеству наряду с поэмой его „Весною на север“» (V, 223). Даже в тех случаях, когда произведения Чулкова Блоку не нравились, он смягчал их оценку указанием на его творческие успехи; в той же статье он упоминал о цикле «Месяц на ущербе» в альманахе «Белые ночи»: «Стихи Чулкова здесь — хуже» (V, 223) — в сравнении с циклом «Обручение», помещенным в альманахе «Цветник Ор». В статье «О драме» Блок, признавая неудачной пьесу Чулкова «Тайга» ⁵⁹ и указывая, что «лирические пророчества» в ней «холодные, отвлеченны и непонятны», в то же время считает нужным отметить, что «„Тайга“ уступает некоторым рассказам Чулкова» (V, 181—182). И позднее Блок не упускает случая похвалить те или иные его произведения. «Мне очень понравилась Феклуша — в Новом Слове», — например, писал он Чулкову 9 мая 1910 г. ⁶⁰

Если отзывы Блока о сочинениях Чулкова предельно лаконичны и имеют характер попутных замечаний, то Чулков посвятил творчеству Блока специальную статью — «Снежная Дева» («Золотое руно», 1908, № 10). В ней он одним из первых поставил вопрос о генеалогии поэтического мира Блока: назвал его «ближайшими учителями» Жуковского, Фета и Вл. Соловьева, отметил связь Блока с немецким романтизмом и провел подробные цитатные аналогии со «Снежной королевой» Андерсена. Уже в заглавии статьи, совпадающем с заглавием одного из стихотворений Блока 1907 г., содержится указание на то, что в центре внимания Чулкова — творчество поэта последних лет. Этот акцент сделан не без полемической цели. Чулков вновь возражает Андрею Белому и другим критикам, порицавшим Блока за отход от идеалов «Стихов о Прекрасной Даме», и утверждает единство художественного мира поэта, внутреннюю преемственность в его эволюции: «Прекрасная Дамы, Незнакомка и Снежная Дева — это все образы единой сущности. И забвение прошлого, забвение прошлой иной любви не есть измена»; «Недавние литературные друзья поэта оплакивают его измену Прекрасной Даме (измену ли?); но я думаю, что нежная и тихая лирика первой любви поэта не испепелилась в новых его книгах» ⁶¹.

Однако Чулков также по-своему не удовлетворен тем этапом в творчестве Блока, который символизируется образом Снежной Девы: «высокий и опасный скептицизм» и «снежные астральные сны» все еще замыкают поэта в границах идеалистического символизма (этим термином он обозначает пройденный, «декадентский» этап «нового искусства»); спасительный же путь, по Чулкову, заключается в стремлении к познанию реального, «через оправдание земли и сораспятие с миром» ⁶². Открывающей для Блока новые творческие горизонты Чулков считает тему России, национального самосознания — в той лирической тональности, которая задана в стихотворении «Осенняя воля». Заострив внимание на этом стихотворении 1905 г. (опубликованном в первом альманахе «Факелы»), Чулков прозорливо угадал заключенные в нем образно-стилевые мотивы, которые будут в полную силу развиты в поэзии Блока 1910-х годов. «Может быть, — пишет Чулков, — Александр Блок не случайно расточал жемчуг своей очаровательной лирики; может быть, он увидит, поймет, разгадает тайну пустынной земли нашей» ⁶³. Прогнозы и надежды Чулкова совпадали с теми перспективами, которые в эту пору открывались самому Блоку и которые уже были отчасти намечены в драме «Песня Судьбы» ⁶⁴.

Дружба с Чулковым в 1907—1908 гг. отнюдь не означала, что Блок в это время полностью принимал своего спутника, со всеми особенностями его личности. 1 апреля 1907 г. Блок писал Эллису о Чулкове: «В нем есть правда, давно уже важная для меня, отчасти, может быть, враждебная мне, но — тем важнее» (VIII, 185). Противоречивое отношение к Чулкову нашло свое опосредованное отражение в «Песне Судьбы». П. П. Громов прямо утверждает, что в образе Друга Германа изображен Чулков, давая глухую отсылку на «мемуарные свидетельства» ⁶⁵. В. Н. Орлов пишет: «В *Германе* сквозят черты самого Блока, в *Фанне* — Н. Н. Волоховой, в *Елене* — Л. Д. Блок, в *Друге Германа* — Г. И. Чулкова. В самом сюжете пьесы в известной мере отразилась та житейская ситуация, в которой в 1907—1908 гг. оказались названные лица» ⁶⁶. Для соотнесения образа Друга с Чулковым имеются

Дорогой Александр Александрович!
 С радостью послала Вам «Гитару»
 Привет от Любови Дмитриевны!
 Душевно Вам
 Георгий Чулков
 Ноябрь 1908.

Стихи гонимы со стороны,
 Свободны выдох, выдох,
 Опрокинулось туловище сызнова,
 Но жалею любовь и свободу.
 Приходи, любовь моя, приходи!

Я сплю о тусклых сонных,
 О твоей нашей перной,
 О черноте лесных,
 Что сожгли золотые волосы.
 Приходи, любовь моя, приходи!

Я шаманить буду с бубном,
 Пастушо расскажи мне,
 И согрею твоем бедро
 На медвединой белий изгороди
 Приходи, любовь моя, приходи!

ПИСЬМО Г. И. ЧУЛКОВА БЛОКУ 11 НОЯБРЯ 1908 г. И ЕГО СТИХОТВОРЕНИЕ «ТАГАРА»

Автограф

Центральный архив литературы и искусства, Москва

вские основания: Друг сопровождает Германа в его скитаниях, Друг любит жену Германа Елену и сближается с нею после его «ухода» в мир, и т. д. В образно-семантической структуре драмы Друг — один из двойников-антагонистов Германа, всецело отдающегося бессознательному порыву, выразитель здравого смысла и благоразумности («...я живу во времени и пространстве, а не на блаженных островах, как вы». — говорит он Елене; IV, 106); функции его в пьесе аналогичны роли Вагнера при Фаусте в трагедии Гёте. Пригovor Другу Германа произносит Елена: «Вы, что называется, золотая середина» (IV, 153). В образе Друга сконцентрировалось то чуждое Блоку рационалистическое, прагматическое начало, которое он прозревал в личности Чулкова и которое решительно не было присуще его собственной поэтической натуре.

Но у Чулкова Блок распознавал и те негативные психологические черты, носителем которых он тогда не мог не признать также и самого себя. Это — специфически окрашенная «петербургским модернизмом» тяга к «неверности», мистической двусмысленности, зыблемости духовных и нравственных критериев. Ощутивший опасность этой «болезни», Блок со всей искренностью и откровенностью дал ее «диагноз» в статье «Ирония» (1908). Как следует из подтекста статьи, проявления этого духовного недуга Блок видит и в идеях «неприятия мира», прокламированных «мистическим анархизмом», и в той атмосфере богемного релятивизма, в которую он и Чулков погружались с воодушевлением: «Все смешано, как в кабаке и мгле. Винная истина, «in vino veritas» — явлена миру, все — едино, единое — есть мир; я пьян, ergo — захочу — «приму» мир весь целиком, унаду на колени перед Недотыкомкой, соблазну Беатриче: барахтаясь в канаве, буду полагать, что парю в небесах; захочу — «не приму» мира: докажу, что Беатриче и Недотыкомка одно и то же. Так мне угодно, ибо я пьян (...). Пьян пропней, смехом, как водкой; так же все обезличено, все «обесцещено», все — все равно» (V, 346—347). Чулков в своих воспоминаниях подтверждает правоту Блока в этой

статье: «Эта жуткая ирония <...> была культивируема всеми нами в ту петербургско-декадентскую эпоху. Эта ирония казалась необходимой, как соль к трапезе»⁶⁷.

При всем том отношения Блока и Чулкова отличались — в их основе — простотой и искренностью, душевной доверительностью, и этим в первую очередь объясняется их близость и устойчивость. Чулкову были близки и понятны те представления Блока о текучей, динамичной природе мира и внутреннего «я», те ощущения духовной раскрепощенности и спонтанности жизненного процесса, которые поэт в то время переживал как высшую ценность бытия. Блок охотно избирает Чулкова своим спутником в прогулках по городу, по пригородам Петербурга. Эти странствия имели для Блока и «надбытовое» значение; они открывали ему возможность органически воспринять и прочувствовать сложное единство и многокрасочность жизни, давали прямые творческие импульсы. В частности, 28—29 июня 1907 г. Блок сообщал жене: «...видел и Георг(ия) Ив(ановича), и Городецкого десять раз <...> ездил в море с прис(яжным) пов(еренным) Соколовым, Аничковым и Чулковым на моторной лодке. Часть этого описана в стихах <...>»⁶⁸. Упомянутое стихотворение («В северном море») вошло в цикл «Вольные мысли», который в книге Блока «Земля в снегу» (1908) был посвящен Чулкову. Посвящение Чулкову этого поэтического шедевра Блока сохранялось во всех последующих авторских изданиях «Вольных мыслей». Этот факт — яркое свидетельство того, что в пору создания цикла Чулков занимал в жизни Блока и в его внутреннем мире немаловажное место.

Примечательно также, что отчетливое влияние стихотворения «В северном море» сказалось в рассказе Чулкова «Архивариус» (1908). Герой рассказа, прозаичнейший канцелярский архивариус Шмидт, имеет свою «пламенную страсть», раскрывающую его подлинную душу, — небольшую красивую яхту. Описанная в рассказе прогулка по Финскому заливу родственна по трактовке сюжета и поэтической атмосфере со стихотворением Блока и даже имеет с ним общий эпизод встречи в море моторной лодки и парусной яхты (видимо, имевший место в действительности, если верить цитированным выше словам из письма Блока к жене: «Часть этого описана в стихах»). У Блока:

Над морем — штиль. Под всеми парусами
Стоит красавица — морская яхта. <...>
Мы огибаем яхту, как прилично,
И вежливо и тихо говорит
Один из нас: «Хотите на буксир?»
И с важной простотой нам отвечает

Суровый голос: «Нет. Благодарю».
И, снова обогнув их, мы глядим
С молитвенной и полною душою
На тихо уходящий силуэт
Красавицы под всеми парусами...

(II, 304—305)

В рассказе Чулкова аналогичная ситуация описывается «с другой стороны»:

«...мимо нас мчалась моторная лодка. Услышав громкий скрежет этой водяной машины, Шмидт нахмурил брови.

— Я не люблю этих моторных лодок, — сказал он сердито: — пусть моя яхта во время безветрия стоит недвижно, я готов остаться с ней вдвоем на много дней. Что за счастье бегать по морю на этих моторных ящерицах.

Я не стал спорить с влюбленным моряком»⁶⁹.

Рассказ «Архивариус» — один из многочисленных примеров отражения в произведениях Чулкова общения с Блоком и усвоения его творчества. Многие стихотворения Чулкова написаны под явным воздействием лирической образной системы Блока, на что не раз указывали критики⁷⁰. Мотивы блоковской лирики возникают и в прозе Чулкова. В частности, столь характерные для Блока трагически противоречивое восприятие образа России и осознание внутренней иррациональной связи темы родины с женственным началом, с образом прекрасной девушки-женщины были усвоены и Чулковым. Подобным мифопоэтическим мироощущением наделен герой его повести «Мертвецы» (1912): «И, как Россию, любил Туманов Лидию Николаевну, и, как России, боялся ее. Он боялся ее трепета, ее строгих, что-то тайное видящих глаз и ее святой бессмысленной улыбки»; «— Нет, нет, — думал Туманов, — Лидия Николаевна единственная и несравненная, родная, как Россия, близкая и чудесная...»⁷¹. Немало параллелей можно обнаружить у Блока и Чулкова также в трактовке образа Петербурга. Все эти аналогии — проводимые, разумеется, с учетом несопоставимости уровней художественного мастерства — говорят о том, что мир блоковских идей и образов был чрезвычайно притягательным для Чулкова и оказывал на него сильное влияние.

Характернейшая особенность художественной прозы Чулкова, вообще присущая повествовательным жанрам в литературе символистской эпохи, — ее автобиографизм и установка на «прототипичность». В мемуарах Чулкова «Годы странствий» описывается немало реальных эпизодов, которые потом вошли в его произведения лишь в слегка модифицированном виде: пребывание Чулкова в 1901 г. в московской тюрьме, находившейся рядом с больницей для умалишенных, куда смогла проникнуть его жена для немого общения с ним, стало фабульной канвой позднейшего рассказа «Как я бежал из тюрьмы»⁷²; история любви сибирского ссыльного Мартынова к жене другого ссыльного и товарищеский суд, устроенный по этому поводу в колонии политических, была развита в одну из основных сюжетных линий повести «Мертвецы»; в истории жизни Шурочки, героини рассказа «Шурочка и Веня»⁷³, отразились черты биографии писательницы Мирэ (А. М. Моисеевой), близкой знакомой Чулкова, и т. д. — аналогии подобного рода можно продолжать и продолжать. Общение с Блоком также оставило свой след в произведениях Чулкова. В романе «Сергея Нестроев» (1914)

в проническом свете характеризуется идея «содружества одиноких». С учредителями «кружка одиноких» — молодых людей, ставивших своей целью преодоление одиночества и душевного отчаяния, Чулков познакомился в 1908 г. у Блока, который с сочувствием отнесся к их устремлениям, распознал в них что-то живое и искреннее — в отличие от других литераторов, скептически и недоуменно воспринявших эти начинания⁷⁴. Сам Блок выведен в произведениях Чулкова под именем Герта. Этот персонаж появляется мимоходом в повести «Слепые» (1910): главный герой, Лунин, встречается в столичном театре знаменитого поэта Герта в сопровождении «высокой дамы в черном» (подразумевается Н. Н. Волохова): «...за ней следовал, никого, по-видимому, не замечая вокруг, молодой человек, бледный, безбородый, с бескровными губами, с глазами мертвенно-серыми»⁷⁵. Герт — один из основных героев рассказа Чулкова «Парадиз». Прочитав этот рассказ в журнале «Образование» (1908, № 7), Блок писал матери 7 августа 1908 г.: «Посылаю тебе № „Образования“, прочти рассказы Сологуба и Чулкова (последний — по-моему, лучшее, что он писал; я потребовал, чтобы в книжке он был посвящен мне, потому что и действующие лица — всё знакомые — Герт, конечно, я. А какой свежий и сильный рассказ, неправда ли?). Оба рассказа проникнуты какой-то влюбленностью, какой проникнут сейчас и я»⁷⁶.

В сборнике Чулкова «Рассказы» (1909) «Парадиз» был напечатан с посвящением «Александру Блоку». Сюжетную основу рассказа можно обнаружить опять же в действительном случае, в подробностях охарактеризованном в «Воспоминаниях о Блоке» Вл. Пяста. Здесь описано посещение Блоком вместе с Чулковым и другими петербургскими литераторами «одного из „злачных“ мест» и разговор с «барышней», которую просили угадать род занятий каждого из ее собеседников:

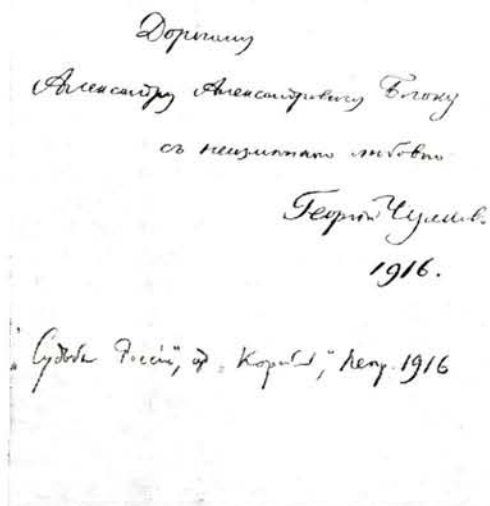
«— А вот тот, которого вы приняты за рантье, — сказал Ч(улков), — известный наш, знаменитый поэт Блок. Читали вы его стихи?

Оказалось, читала.

— Правятся?

— Правятся. Я помню: „Незнакомка“.

Говорила она все-таки без энтузиазма. <...> Однако Александр Александрович подал

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Г. И. ЧУЛКОВА
БЛОКУ НА КНИГЕ «СУДЬБА РОССИИ». ПГ., 1916
С ПОМЕТАМИ БЛОКА

Центральный архив литературы и искусства, Москва

ей свою визитную карточку; примеру его последовали и некоторые другие. Блок это делал в ту пору при каждом своем знакомстве с „такими женщинами“. Даже и настолько „мимолетном“, как это, которое не сопровождалось ничем интимным»⁷⁷.

Указывая на неточность Пяста, несколько иную версию этого эпизода сообщает Ю. Н. Верховский («Я передаю его, как он мне ярко запомнился во всей его значительности»):

«Одна певичка подошла к нашему столу <...> (мало с нами знакомый) в широкой шляпе предложил ей угадывать, что за люди тут сидят. Она плохо попадала. <...> Профессию Блока она затруднялась определить: собеседник не утерпел и тихим голосом сказал: „Александр Блок“. Она быстро встала, выпрямилась во весь рост, гордо откинув голову, подняла вытянутую руку и задыхающимся голосом торжественно произнесла:

И перья страуса склоненные

В моем качаются мозгу...

Так во второй раз явился перед нами причудливый лик подлинной славы. Александр Александрович встретил его с полным спокойствием и тихой застенчивой простотой»⁷⁸.

Центральная сцена в рассказе Чулкова — встреча писателей Александра Александровича Герта («молодой человек лет двадцати восьми, небезызвестный поэт, с бритым лицом и вьющимися белокурыми волосами»⁷⁹) и Сергея Гребнева в заведении под названием «Парадиз» с девицей Наташей, главной героиней этого повествования. Герт и Гребнев ведут разговор, вероятно, имеющий соответствия с многочисленными «ресторанными» беседами Блока и Чулкова. «— Мы с вами погибли, Сергей Андреевич, — говорил он <Герт> равнодушно и внятно, очевидно, на тему, не раз обсуждавшуюся ими: — погибли. Наша судьба на дне стакана. <...> Но все же, Сергей Андреевич, я лучше, чем вы думаете. Вам кажется, что у меня нет ничего за душой, что я *только* лирик. Но у меня есть что-то, уверяю вас. Вы вообще меня выдумали, и я, когда бываю с вами, невольно говорю и поступаю в лад с вашей выдумкой. Но я не таков»⁸⁰. Этот монолог вполне достоверно передает особенности мироощущения Блока в «богемной» ипостаси его тогдашней жизни, а также идейно-психологические коллизии его отношений с Чулковым: последний воспринимал Блока исключительно как «лирика», чуждого «теориям» и вообще «нелирическим» трактовкам действительности; Блок же старался не разрушать «выдумки» своего собеседника. Чтения «Незнакомки» в рассказе «Парадиз» не происходит, но героиня его тоже на свой лад оказывается приобщенной к миру блоковской лирики; она воображает себя египетской царицей Клеопатрой:

«Наташе мерещится желтый Нил, сфинксы, не те, что стоят на Неве, а иные, огромные, высеченные из цельной скалы с непонятными человеческими лицами.

И мерещится Наташе пустыня и среди пустыни оазис, там ее дворец.

И вот приходит полководец, закованный в латы.

— Это я, — говорит он, переступая порог, и нечтительно целует сандалии Наташи. — У меня много солдат, и большие корабли плавают у берегов моей страны. Но я все это оставил и пришел к тебе в Парадиз, моя прекраснейшая Наташа.

— Что мне твои корабли и царство? — говорит сурово Наташа: — видишь: я правлю миром. Звезды поют в честь меня и, когда встает солнце, оно делается красным, как кровь, от любви ко мне»⁸¹.

Все эти картины, рождающиеся в воображении героини рассказа Чулкова, представляют собой развернутую реминисценцию стихотворения Блока «Клеопатра» («Открыт паноптикум печальный...»), написанного в декабре 1907 г., и, в частности, слов, вложенных в «исглевшие уста» египетской царицы:

«Кадите мне. Цветы рассыпьте.

Я в незапамятных веках

Была царицей в Египте.

Теперь — я воск. Я тлен. Я прах <...>

Тогда я исторгала грозы.

Теперь исторгну жгучей всех

У пьяного поэта — слезы,

У пьяной проститутки — смех».

(II, 207—208)

Однако в мечтах и галлюцинациях Наташи в специфическом преломлении реализуется также метафорическая образная ткань стихотворения Блока «Снежная Дева»:

Но сфинкса с выщербленным ликом

Над исполнискою Невой

Она встречала легким вскриком

Под бурей ночи снеговой.

Бывало, вьюга ей осыплет

Звездами плечи, грудь и стан, —

Все снится ей родной Египет

Сквозь тусклый северный туман.<...>

И город мой железно-серый,	И я, как вождь враждебной рати,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,	Всегда закованный в броню,
С какой-то непонятной верой	Мечту торжественных объятий
Она, как царство, приняла. <...>	В священном трепете хранию.

(II, 267—268)

Последующее развитие сюжета рассказа скорее всего является плодом беллетристической фантазии Чулкова: в угаре опьянения Герт увлечен своей спутницей, называет ее Клеопатрой: «Вы настоящая женщина, и каждое движение ваше царственно, и глаза ваши прекрасны и безумны»⁸², и т. д.; ср. в «Клеопатре» Блока («У пьяного поэта — слезы»):

«Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено судьбою
Мне быть поэтом и царем!
Ты видишь ли теперь из гроба
Что Русь, как Рим, пьяна тобой?»

(II, 208)

Наташа после этой встречи не может забыть своего «светлейшего принца», разыскивает его повсюду и все больше укрепляется в сознании, что она — гордая и властная царица.

Воплощенное в образе Герта представление Чулкова о Блоке как о «безумном» (Герт говорит о Наташе: «...сумасшедшая, как и мы. И все, кто не спит в эти белые ночи, сходят с ума»⁸³) и «безответственном» лирике объяснялось, безусловно, прежде всего богатством и ни к чему не обязывающим опытом совместных блужданий по Петербургу и бдений за стаканом вина. Но это представление сказывалось и в самых общих оценках Чулковым личности поэта, определяло тот угол зрения, под которым он воспринимал блоковские искания. Такой подход со всей отчетливостью проявился в конце 1908 г., когда разгорелась полемика по поводу доклада Блока «Россия и интеллигенция». Блок и Чулков столкнулись в споре о самых коренных, глубинных проблемах русской культуры и исторического момента.

В воспоминаниях о Блоке Чулков так охарактеризовал суть этой полемики: «Доклад Блока был весьма примечателен своим пророческим духом. Поэт в самом деле с необычайной остротой предчувствовал стихийный характер надвигающейся революции. Он был сам сейсмографом, свидетельствующим, что близко землетрясение. Чувство катастрофичности всегда было присуще и мне, — и не эти предчувствия вызвали мое возражение Блоку. Мне был неприятен в его докладе тот невыносимый удушающий пессимизм, которым веяло от всего этого мистического косноязычия. Я тогда же устно и печатно возражал Блоку»⁸⁴. «Устные» возражения Чулков высказал при личном общении с Блоком (14 декабря 1908 г. Блок писал матери: «10-го спорил с Чулковым не на жизнь, а на смерть — о „России и интеллигенции“»; VIII, 268), а на публичном диспуте 12 декабря в Литературном обществе при повторном чтении доклада, встреченного резкими нападками со стороны большинства выступающих, построил свое выступление совсем в ином ключе. «Возражения были так резки и порой несправедливы, — сообщается в газетном отчете, — что Г. И. Чулков, вышедший оппонировать А. А. Блоку, неожиданно для себя встал на его защиту, доказывая, что его реферат лирический и нельзя к нему подходить с научным масштабом. «Проклятые вопросы», которые только ставит Блок, не находя им разрешения, — это внезапно раскрывшаяся одинокая душа лирика, большая и окровавленная сознанием своего одиночества и оторванности от народа, — это мучительные переживания целой группы символистов — это кризис индивидуализма, и, вместе, утешительный симптом перехода к универсализму»⁸⁵.

Отказавшись от спора с Блоком на публичном заседании, Чулков обосновал свою позицию в полемической статье «Memento mori»⁸⁶. Возражения Блоку в ней были сформулированы, впрочем, в той же тональности, что и защитная речь в Литературном обществе: это были возражения «теоретика», «универсалиста» — «лирику», «декаденту». Чулков гораздо более чутко, чем другие оппоненты Блока, отнесся к проблематике доклада. Поставленную поэтом проблему роковой разобщенности народа и интеллигенции, которую большинство блоковских критиков нашли надуманной, бездоказательной и противоречащей фактам, он считал жизненно важной и нуждающейся в осмыслении. Рациональное зерно заключалось в указаниях Чулкова на то, что Блок в своих тревожных прогнозах недооценил демократические начала, глубоко коренившиеся в широкой массе русской интеллигенции, —

их игнорирование, действительно, открывает уязвимые стороны в блоковских историософских размышлениях⁸⁷. «Образ двойника заслонил Блоку образ интеллигенции, и печать смерти на лице этого двойника Блок принял за печальный знак гибели всего нашего общества, — писал Чулков. — Но напрасно Блок возмущается за судьбу всех этих юношей и девушек, которые рассеяны теперь среди народа, — всех этих учителей, врачей, статистиков, газетных работников, пропагандистов, агитаторов, — все они *органически* связаны с народом. Они умеют и жить с народом и умирать за народ. Правда, порой между грамотным и неграмотным русским человеком бывают недоразумения, но, ведь, не очевидно ли, что дух народа не может определяться его темнотой?». Но в то же время и Чулков недооценил масштаб и остроту блоковских предчувствий. Поставленный Блоком с предельной широтой вопрос об ответственности всех мыслящих людей за современное состояние России и ее судьбу он свел к проблеме «декадентство и народ». Рознь, которую почувствовал Блок, Чулков трактовал лишь как реально существующую — и интимно-близко переживаемую поэтом — рознь между индивидуалистами, носителями «декадентского» миросозерцания и народной стихией. В соответствии с этим допущением он свел вопрос о народе и интеллигенции к своему, не раз уже ранее обоснованному, тезису о «кризисе декадентства» и поиске путей к общественности.

Общая тенденция возражений Блока на критические выступления оппонентов — в том числе и на доводы Чулкова — заключалась в том, что он настаивал на несравненно большей правоте в самой постановке наболевших трагических вопросов, чем в формулировании банальных утешающих ответов, призывал пробудиться от «аполлинического сна» традиции и заведенного порядка жизни к постижению надвигающейся катастрофической реальности. В докладе «Стихия и культура», прочитанном 30 декабря 1908 г. и заново развивавшем тему народа и интеллигенции, Блок заключал о концепции Чулкова: «...стоило ли „огород городить“, если дело идет всего только о том, что декаденты отделены от народа? И будто уж так благополучно живет уездным врачам среди русских мужиков? Откуда такой оптимизм?» (V, 352). Чулков во втором полемическом ответе Блоку, статье «Лицом к лицу», интерпретировал его взгляды на новый лад, но столь же односторонне и упрощенно: если в первом докладе Блок, по Чулкову, идентифицировал интеллигенцию с декадентами, то во втором он смешал ее с буржуазией и привилегированным дворянством, боящимися пробуждения народной стихии. Заявляя о логической несостоятельности блоковских предвещаний, Чулков вновь говорит об иррациональной основе его мировосприятия, находящегося в полной власти лирических интуиций: «...если мы забудем притязания Блока на идейную определенность, а вслушаемся в ритм его переживаний, непосредственно раскрытых в его докладе, мы должны будем признать, что ритм этот, порывистый и торопливый, воистину предвещает великий бунт. Как чайка, предчувствуя бурю, носится низко над водой, ища в чуждой ей стихии защиты от вихрей, поэт, смущенный надвигающимися грозами, обращается к народу, народности, России...»⁸⁸. Однако всем ходом своих рассуждений Чулков подводит к мысли, что эти предчувствия имеют большее значение для характеристики внутреннего мира Блока, чем для восприятия окружающей реальности. Признавая, что Блок непричастен к «мистическому анархизму», Чулков трактует его мировоззрение как «анархический мистицизм». В этот термин он вкладывает представление о подлинном, и даже разрушительном пафосе, не нашедшем идейной формы, определяемом лирикой и настроением. «Принимаю упрек Чулкова в „анархическом мистицизме“ — но сам-то он что? Раз не покаялся, — ничего не сказал, все даром, мимо», — записал Блок 30 декабря 1908 г. после прений по поводу «Стихий и культуры» (ЗК, 128). «Ответы» Чулкова не удовлетворили Блока и на этот раз, а проявленная оппонентами, и Чулковым в их числе, нечуткость к его магистральной мысли о наступающем кризисе, о том, что «в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа» (V, 359), стимулировала пробуждение у поэта мрачных настроений, ощущение полного одиночества. «Отвратительно. Один. <...> Тошно», — эти краткие фразы в записной книжке обрамляют описание прений 30 декабря (ЗК, 128).

В 1909 г. начинается новый этап в жизни и творческой эволюции Блока, отчетливо противопоставленный предыдущему⁸⁹. Характерные его черты — отказ от порываний к «общественности», усилившееся преклонение перед искусством и новое — кратковременное — исповедание «заветов» символизма, тяготение к духовной уединенности и «строгости» жизненного уклада. Непосредственным образом эти сдвиги в мироощущении Блока отразились на его отношениях с Чулковым. Последний превращается в сознании Блока в своеобразный знак уже пережитой им эпохи, в символ собственной «неверности» незыблемому идеалу. Даже

в пору своей вовлеченности в «мистико-анархическую» атмосферу Блок отдавал себе отчет в том, что эти настроения имеют наносный и преходящий характер: «...все это — не подлинный я»⁹⁰ (аналогичные слова произносит Герт Гребнев в чулковском «Парадизе»). В 1910 г. Блок уже настойчиво противопоставляет себя представлениям Чулкова о его внутреннем мире, оставшимся неизменными. В письме к Андрею Белому от 22 октября 1910 г. он заявляет: «...многие <...> считают моей истинной природой неверность, противоречивость; например — Чулков; но я не считаю этого правильным <...>» (VIII, 318)⁹¹. Стремление восстановить свою «истинную природу» заставляет Блока отдаляться от Чулкова, сознательно избегать его влияния. Характеризуя осень 1909 г. — переходный период в своей внутренней биографии, Блок даже изобрел любопытный термин: «дочулковыванье жизни»⁹². Примечательна и дарственная надпись на втором издании «Стихов о Прекрасной Даме» (май 1911 г.), в которой Блок предлагает Чулкову «узнать и эту, лучшую часть моей души»⁹³. В жизни Блока Чулков был одним из спутников, посвященных только в ту часть его души, которая выразилась в «Балаганнике», «Снежной маске» и других произведениях «критического» периода — периода «антитезы», переоценки ценностей. Характерно, что Чулков и позднее воспринимал поэта исключительно в той ипостаси, которая раскрылась ему своими интимными сторонами в 1906—1908 гг.; причастность «декадентству» и бессознательное исповедание «анархического мистицизма», по убеждению Чулкова, — неотъемлемые и неистребимые черты творческого облика Блока⁹⁴.

С формальной стороны отношения Блока и Чулкова не изменились. Встречи продолжались, хотя и стали гораздо более редкими и внешними, а потом эпизодическими (из-за продолжительного пребывания Чулкова в Москве и за границей). Однако в сознании Блока уже в 1909 г. произошло перемещение Чулкова в разряд «мнимых друзей»; задача Блока, как он ее сам себе формулирует, — жить и писать «без Чулкова, без модных барышень и альманашиков, без благотворительных лекций и вечеров <...>»⁹⁵. Связь в этой записи имени Чулкова с лекциями и «альманашиками» выявляет дополнительный негативный аспект в его личности, который выдвинулся на первый план и стал особенно раздражать Блока: завербованность Чулкова литературной повседневностью и суетой, его организаторская активность, деловитость, порой воспринимаемая как делячество. Показательно при этом, что Чулков оказывается далек от всех литературных начинаний, в которых участвует Блок в первой половине 1910-х годов. Если раньше резкие отзывы о Чулкове были у Блока эпизодическими, то теперь это имя возникает под его пером чаще всего в отрицательном смысле и превращается даже в некое мерило недостатков: в романе Л. Андреева «Сашка Жегулев» «такая неприятная неправда, надоедливо разит Чулковым» (18 декабря 1911 г.; VII, 103); стихи Вл. Пяста напоминают Чулкова «неприятной банальностью приема» (28 октября 1912 г.; VII, 174); в резком отзыве о Мейерхольде последний наречен «вторым Чулковым» (29 апреля 1913 г.; VIII, 419). Апогей этих настроений — запись Блока от 26 декабря 1911 г.: «Дай господи <...> чтобы этот Георгий Чулков окончательно отвалился от меня — со всеми своими достоинствами, но только с недостатками» (VII, 109). Прежняя теплота в отношениях воскрешает только в тех случаях, когда Чулков вызывает у Блока чисто человеческий интерес и сочувствие, в связи со своей болезнью (в 1912 г. у него был обнаружен туберкулез) или житейскими неурядицами. Описывая матери 14 февраля 1911 г. проведенный вместе с Чулковым день, Блок заключает: «Когда он уходил, я почувствовал вдруг, что он бесконечно несчастен и болен, и мне стало остро жаль его» (VIII, 329).

Идейно и литературно Блок и Чулков в 1910-е годы также двигались в разные стороны. Чулков (к этому времени уже преодолевший свой «мистический анархизм») стал предпринимать опыты обоснования символизма как целостного религиозно-философского и эстетического мирозерцания, вместе с Вяч. Ивановым и Ф. Сологубом стремился сплотить символистские литературные силы под единым знаменем; Блок в 1914 г., когда с особенной активностью предпринимались эти попытки, уже старался выйти из рамок «направления» и относился к символистской проповеди с полным равнодушием (см. п. 33). Бесконечно далек был Блок и от той формы мистического национализма, которую стал пропагандировать Чулков после начала мировой войны. Придя к пониманию германского империализма как воплощения всех губительных, антигуманных сил современной цивилизации, Чулков уверил себя в мессианской роли России и в священном религиозном значении войны, якобы способствующей осуществлению богочеловеческих целей: «Мы все видим теперь Светлую Россию. Это она встала на защиту свободы и правды вселенской»⁹⁶. Этим убеждениям Чулков остался верен

и после Февральской революции, которую он встретил с большим воодушевлением. В публицистическом журнале «Народоправство», выходившем в Москве в 1917—1918 гг. под его редакцией, Чулков немало сил приложил, для того чтобы обосновать необходимость продолжения борьбы с германским гегемонизмом и дать отпор «предательским» идеям интернационализма: «...пока прусский король мечтает править миром, народы не свернут своих красных знамен и будут защищать свободу и честь Европы»⁹⁷.

Со всей отчетливостью идейное противостояние Блока и Чулкова обнаружило себя после Октябрьской революции. В. Н. Орлов высказал правдоподобное предположение о том, что в поэме «Двенадцать» образ «писателя — витии», сетующего о гибели страны («Предатели! Погибла Россия!»), мог быть навеян Чулковым и его статьями в «Народоправстве», в частности статьей «Метель», опубликованной в начале января 1918 г.⁹⁸ Действительно, в словах «витии» сконцентрирован основной пафос чулковских публицистических выступлений в «Народоправстве». Немаловажно также, что революция в статье «Метель» символизируется Чулковым, как и позднее в поэме Блока, образом вьюги — правда, в противоположном семантическом ореоле: «Налетели бесы с визгом и воем, навалили сугробы снега, смешали его с уличной грязью, и в мутной метели исчезла строгая красавица, пропала во мгле, туманной и снежной»⁹⁹. Блок мог обратить особое внимание на эту аналогию в дни, когда он вынашивал замысел «Двенадцати».

На статью Блока «Интеллигенция и революция» Чулков откликнулся в «Народоправстве» статьей «Красный призрак». В отношении поэта к Октябрьской революции он, на свой привычный лад, разглядел лишь проявление его «анархического мистицизма» и «безответственного лиризма», предполагающих готовность погружаться в «мутный хаос» и с равным упоением внимать симфонии и какофонии. Не зная и не понимая нового Блока, Чулков предпочел сохранить верность прежнему, неподвижному представлению о нем. Он воздержался от резких выпадов и обвинений по адресу Блока и заключил свои рассуждения в примирительной тональности: «Александр Блок — романтик и лирик. Бог простит ему его заблуждение»¹⁰⁰. Блок иронически отозвался на эти слова: «Номер „Народоправства“ (23/24): Г. Чулков „прощает“ меня за статью „Интеллигенция и революция“»¹⁰¹. Примирительной укоризной проникнуто и обращенное к Блоку стихотворение Чулкова «Да, мы убоги, нищи, жалки...», датированное 30 августа 1920 г.¹⁰²

В последние годы жизни Блока его отношения с Чулковым нового развития не получили. Чулков по-прежнему жил в Москве, где, оставив публицистику, продолжал активно заниматься литературой и историко-литературными изысканиями. Блок виделся с ним в оба свои приезда в Москву, в мае 1920 г. и в начале мая 1921 г. (см. ЗК, 418). Встречи их проходили под знаком воспоминаний о давно пережитом вместе, о той поре их наибольшей близости, которая в творческой биографии Блока отмечена созданием второго тома собрания стихотворений. «...За год до своей смерти, — пишет Чулков, — Блок снова искал со мной дружеской встречи, и у нас состоялось в Москве свидание вовсе небезразличное. И он опять цитировал когда-то полюбившиеся ему мои стихи»¹⁰³.

Из выявленных до настоящего времени 61 письма Блока к Чулкову¹⁰⁴ 46 писем были впервые опубликованы самим Чулковым в сборнике «Письма Александра Блока» (с. 121—150) и в книге его воспоминаний «Годы странствий» (с. 360—382); 4 письма были впервые опубликованы в Собрании сочинений Блока в 8-ми томах (VIII, 132, 255, 259—260, 402), 4 кратких записки — в издании: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 1. Письма Александра Блока. М., 1975, с. 401—403¹⁰⁵. Остальные семь писем включены в настоящую публикацию.

Письма Блока к Чулкову от 8 декабря 1907 г., 17 марта 1915 г. и 9 ноября 1915 г. печатаются по автографам, хранящимся в архиве Чулкова в ЦГАЛИ (ф. 548, оп. 1, ед. хр. 300, л. 1, 11, 13); письмо Блока к Чулкову от 21 декабря 1909 г. — по автографу, хранящемуся в архиве Чулкова в Отделе рукописей ГБЛ (ф. 371, карт. 2, ед. хр. 56, л. 32); письмо Блока к Чулкову от 16/29 мая 1911 г. — по автографу, хранящемуся в архиве поэта-орловца Евгения Сокола (Е. Г. Соколова; 1892—1939) в Гос. музее И. С. Тургенева в Орле (ОГМТ, ф. 40, ед. хр. 11365), — письмо выявлено и любезно предоставлено для публикации А. И. Понятовским, которому выражаем глубокую благодарность; письма Блока к Чулкову от 27 февраля и 24 марта 1916 г. — по автографам, хранящимся в архиве Чулкова в Отделе рукописей ИМЛИ (ф. 36, оп. 3, ед. хр. 6)¹⁰⁶.

33 письма Г. И. Чулкова к Блоку печатаются по автографам, хранящимся в архиве Блока в ЦГАЛИ (ф. 55, оп. 1, ед. хр. 455). В публикацию не включены две краткие записки Чулкова к Блоку, воспроизведенные в издании: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 2. Письма к Александру Блоку. М., 1979, с. 480, 486.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ М. В. Добужинский. Воспоминания, т. 1. Нью-Йорк, 1976, с. 379.
- ² «Слово», 1909, № 750, 28 марта.
- ³ См.: «Письма Александра Блока со вступительными статьями и примечаниями С. М. Соловьева, Г. И. Чулкова, А. Д. Скалдина и В. Н. Княжнина». Л., «Голос», 1925, с. 93. В этом издании Чулков опубликовал значительную часть писем Блока к нему. В дальнейшем — сокращено: «Письма Александра Блока», с указанием страницы.
- ⁴ Георгий Чулков. Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., «Федерация», 1930, с. 168.
- ⁵ Там же, с. 198.
- ⁶ Н. Чулова. Воспоминания о Блоке. — В кн.: «А. Блок и современность». М., 1981, с. 338.
- ⁷ «Письма Ал. Блока», с. 109. О том, что Чулков сообщал Блоку различные сведения о ходе революционных событий, свидетельствует сам Блок в письме к матери от 29 августа 1905 г.: «...долго говорил с Чулковым обо всем, кроме «дела» <...> Узнал много о наших литераторах и о здешней революции» («Письма к родным», I, с. 139).
- ⁸ «Письма Ал. Блока», с. 91—92.
- ⁹ Там же, с. 121. Приглашением Блока в Шахматово Чулков не воспользовался. А. Н. Шмидт во время своего пребывания в Шахматово 12—13 мая 1904 г. сообщала Блоку, что туда же собирается приехать Чулков; ср. запись Блока: «Чулков придет на днях (половина мая)» (ЗК, 64).
- ¹⁰ «Вопросы жизни», 1905, № 6, с. 253.
- ¹¹ «Письма Ал. Блока», с. 93.
- ¹² См.: Д. Максимов. Ал. Блок и Вл. Соловьев (по материалам из библиотеки Ал. Блока). — В кн.: «Творчество писателя и литературный процесс». Межвузовский сборник научных трудов. Иваново, 1981, с. 187.
- ¹³ «Письма Ал. Блока», с. 96—97. Не исключено, что в первых строках стихотворения Блока, посвященного Чулкову (июнь 1905 г.): «Не строй жилищ у речных излучин, // Где шумной жизни заметен рост» — определенным образом проявилось отношение поэта к «литератору»; «шумной жизни» в стихотворении противопоставляются иные ценности — участь тихая, «как рассказ вечерний», «молчанье», «спокойных дум простота»:
 Ты иди себе, молча, к какой хочешь вечерне,
 Где душа твоя просит, там молись. (II, 65)
- ¹⁴ «Письма к родным», I, с. 139.
- ¹⁵ Там же, с. 147.
- ¹⁶ Георгий Чулков. Наши спутники. 1912—1922. М., 1922, с. 87.
- ¹⁷ «Письма Ал. Блока», с. 97.
- ¹⁸ Там же, с. 109—110.
- ¹⁹ Так, в рецензии на «Альманах к-ва „Гриф“» (М., 1905) Чулков, характеризуя помещенный в нем цикл стихотворений Блока «Город», подчеркивает новизну в блоковской трактовке урбанистической темы по отношению к признанным мастерам — Верхарну и Брюсову: «...это не тот город, который волновал Эмиля Верхарна и Валерия Брюсова: у Александра Блока нет сгущенного реализма и сочных золотых и темнозеленых тонов, характерных для гениального певца городов-пожирателей и для нашего русского поэта-скептика, который так талантливо воспользовался палитрой Верхарна. Поэзия Блока *призрачна и прозрачна*» («Вопросы жизни», 1905, № 2, с. 318).
- ²⁰ См. письмо Чулкова к Андрею Белому от 4 октября 1905 г. (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 230).
- ²¹ ГБЛ, ф. 386, карт. 107, ед. хр. 46.
- ²² Там же.
- ²³ ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 13. Журнал «Факелы» задумывался по программе: 1) беллетристика, 2) художественные репродукции, 3) философия и религия, 4) хроника культурной жизни, 5) критика и библиография, 6) общественность и политика; периодичность — два раза в месяц.
- ²⁴ Георгий Чулков. Театр-студия. — «Вопросы жизни», 1905, № 9, с. 248, 247.
- ²⁵ З. Г. Милиц. А. Блок в полемике с Мережковскими. — «Блоковский сб.», 4, с. 157.
- ²⁶ Георгий Чулков. Из истории «Балаганчика». — «Культура театра», 1921, № 7—8, с. 21.
- ²⁷ Георгий Чулков. Годы странствий, с. 222; Р. Рудницкий. В театре на Офцерской. — В кн.: «Творческое наследие В. Э. Мейерхольда». М., 1978, с. 170.
- ²⁸ В. Э. Мейерхольд. Статьи, письма, речи, беседы, ч. 1. М., 1968, с. 232.
- ²⁹ Георгий Чулков. Годы странствий, с. 221.
- ³⁰ Георгий Чулков. Наши спутники, с. 54. 18 декабря 1906 г. Мейерхольд писал Блоку после одной из репетиций: «Г. И. Чулкову очень понравился „Балаганчик“ даже

в том еще сыром виде, в каком был он на сцене сегодня» (В. Э. Мейерхольд. Переписка. 1896—1939. М., 1976, с. 81). В печатных отзывах о постановке Чулков, впрочем, упоминал и о ее несовершенствах, о «торопливости, которая чувствуется в руке режиссера» (Георгий Чулков в «Балаганчик». По поводу постановки пьесы Блока в театре В. Ф. Коммиссаржевской. — «Перевал», № 4, 1907, февраль, с. 52).

³¹ Первый отзыв о премьере «Балаганчика» Чулков дал в рецензии, помещенной в газете «Товарищ» (1907, № 154, 1 января, с. 6; подпись: Tsch.); см. также письмо Чулкова к жене от 31 декабря 1906 г. (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 264—265). Вынужденную краткость и строгую информативность этого отзыва сам Чулков объясняет следующим образом: «Редакция газеты, в которой я писал тогда театральные рецензии, отказалась на другой день поместить мою статью, благоприятную и для Блока и для режиссера, ссылаясь на то, что я слишком близко стою к поэту и к театру и потому пристрастен в моей оценке» (Георгий Чулков. Из истории «Балаганчика», с. 20).

³² Георгий Чулков. О новом театре. (По поводу новых постановок в театре В. Ф. Коммиссаржевской). — «Молодая жизнь», 1906, № 4, 27 декабря. Ср. запись Блока: «Статья Г. И. Чулкова о Метерлинке и мне в „Молодой жизни“» (№ 4) (ЗК, 87).

³³ Ср.: Т. М. Родина. Александр Блок и русский театр начала XX века. М., 1972, с. 142.

³⁴ Георгий Чулков. «Балаганчик». По поводу постановки в театре В. Ф. Коммиссаржевской. — «Перевал», № 4, 1907, февраль, с. 53.

³⁵ «Письма Ал. Блока», с. 134.

³⁶ Георгий Чулков. Красный призрак. Листки из дневника. — «Народоправство», 1918, № 23—24, 1 февраля, с. 14.

³⁷ «Письма Ал. Блока», с. 110. Начиная с 1910-х годов Чулков всемерно стремился уменьшить значение своей брошюры «О мистическом анархизме», из всех его произведений получившей наибольший общественный резонанс («...эта тема вовсе не определяет моего литературного лица: у меня, слава богу, есть девятнадцать книг, и моя брошюра лишь малый эпизод в истории моей жизни», — писал он С. А. Венгерову 23 января 1918 г. в ответ на его вопрос, касающийся «мистического анархизма». — ГБЛ, ф. 371, карт. 2, ед. хр. 8), а впоследствии старался развеять «мистико-анархические» идеи с точки зрения христианской догматики (см. его письмо к Н. Г. Чулковой от 6 января 1935 г. — ГБЛ, ф. 371, карт. 2, ед. хр. 31).

³⁸ Д. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981, с. 220.

³⁹ См.: Е. Л. Белькин. Блок и Вячеслав Иванов. — «Блоковский сб.», 2, с. 365—368; З. Г. Минц. А. Блок и В. Иванов. — В кн.: «Единство и изменчивость историко-литературного процесса». (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 604). Тарту, 1982, с. 103—107; «Из переписки Александра Блока с Вяч. Ивановым». Публикация Н. В. Котрелева. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1982, т. LX, № 2, с. 163—168.

⁴⁰ «Вопросы жизни», 1905, № 6, с. 257—258 (рецензия Чулкова на альманахи «Северные цветы»).

⁴¹ Г. Чулков. Из текущей литературы. Валерий Брюсов. I. Венок. Стихи. 1903—1905 г. — «Наша жизнь». Литературно-научное приложение, 1906, № 1-2, 15 января, с. 6.

⁴² Георгий Чулков. Молодая поэзия. — «Товарищ», 1907, № 337, 5 августа. Притягивание Чулковым Блока к своим теоретическим выкладкам вызывало проницательную реакцию у современников. Характерна пародия А. А. Измайлова на Чулкова и его «мистико-анархический» пропагандистский курс: «Мистический анархизм!.. Анархический мистицизм!.. Александр Блок!.. Александр Блок!.. Дайте попochе сахару!.. Неприятие мира... Нетленная красота... Соборный индивидуализм!.. Внутренний кризис!.. Внутренний кризис!.. Александр Блок, Александр Блок, Александр Блок!.. Мейерхольд!..», и т. д. («Незлюбимые пародии». Стихи, беллетристика, критика. Собрал Абель. <Одесса, 1909>, с. 128).

⁴³ Георгий Чулков. О мистическом анархизме. Со вступительной статьей Вячеслава Иванова «О неприятии мира». СПб., «Факелы», 1906, с. 28.

⁴⁴ Экземпляр книги сохранился в библиотеке Блока (ИРЛИ) с надписью: «Александру Блоку в знак любви — Георгий Чулков».

⁴⁵ П. П. Громов в работе «Трилогия лирических драм 1906 г.» развивает мысль о том, что в образах заговорщиков в пьесе «Король на площади» отразилось представление Блока о «мистическом анархизме» (см.: Павел Громов. Герой и время. Статьи о литературе и театре. Л., 1961, с. 477—478). Однако в тексте пьесы и в репликах заговорщиков трудно обнаружить какие-либо непосредственные соответствия именно с доктриной Чулкова, не говоря уже о том, что отвлеченная символическая образность этого произведения Блока в принципе противодействует изысканию конкретных аналогий и прототипов подобного рода.

⁴⁶ Ср.: Вл. Орлов. Пути и судьбы. Литературные очерки. Л., 1971, с. 572—573.

⁴⁷ «Письма Ал. Блока», с. 110. Как знак «отступления» Блока от «мистического анархизма» можно расценивать его намерение не участвовать в чулковском альманахе «Факелы». Отказался от участия в 3-й книге «Факелов» <...>, — сообщил Блок матери 28 сентября 1907 г. — Хулиганства больше нет, чулковские попытки тшетьны» (VIII, 210—211). Однако затем Блок все же передал для публикации в 3-й книге «Факелов» стихотворный цикл «Вольные мысли».

⁴⁸ «Блоковский сб.», 1, с. 416. «Тата» — Т. Н. Гиппиус, сестра З. Н. Гиппиус. Ср.: Вл. Орлов. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1978, с. 316—317.

⁴⁹ См. дневниковые записи М. А. Бекетовой от 4, 8 и 15 февраля 1907 г. (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 622) и дневник В. А. Щеголевой (там же, с. 851). В своих воспоминаниях Л. Д. Блок так описывает характер своих отношений с Чулковым: «Мой партнер этой игры, первая моя фантастическая «измена» в общепринятом смысле слова, наверно, вспоминает с наименьшим удовольствием, чем я, нашу нетягостную любовную игру. О, все было, и слезы, и театральный мой приход к его жене, и сцена à la Dostoievsky. Но из этого ничего не получилось, так как трезвая жена в нашу игру не входила и с удивлением переживала, когда мы проснемся, когда ее верный, по существу, муж бросит маскарадную маску. Но мы безудержно летели в общем хороше: «бег саней», «медвежья полость», «догоревшие хрустали», какой-то излюбленный всеми нами рестораник на островах с его немислимыми, вульгарными «отдельными кабинетами» (это-то и было заманчиво) и легкость, легкость, легкость... Георгий Иванович, кроме того, обладал драгоценным чувством юмора, который очень верно удерживал нас от всякого „пересола“» (Л. Д. Б л о к. Были и небылицы о Блоке и обо мне. ЦГАЛИ. Частично опубл.: ЛН, т. 89).

Характерно, что и Чулков, подобно Любови Дмитриевне, воспринимал свои отношения с ней в магической образной тональности блоковских стихов. Об этом свидетельствует эпизод в его повести «Слепые» (впервые опубликована в № 11 «Вестника Европы» за 1910 г.), обнаруживающий аналогии со строками стихотворения Блока «На островах»:

Вновь оснеженные колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влажный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у пороги саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой — с пленной — с ней.

Да, есть печальная улада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

(II, 20; стихотворение, написанное 22 ноября 1909 г., было впервые опубликовано в «Альманахе для всех» (кн. 2. СПб., 1911, с. 7—8), но могло быть известно Чулкову в рукописи или устным исполнению). В повести Чулкова «Слепые» главный герой, художник Луния (персонаж, во многом близкий самому автору), встречается с Любовью Николаевной Бешметьевой, женой его знакомого графа Бешметьева:

«— Нет, не все проходит,— как-то особенно серьезно и значительно прошептала Любовь Николаевна: — любовь не проходит. А вы? Вы могли бы влюбиться, Борис Андреевич?

Луния посмотрел в пьяные и томные глаза Любови Николаевны, на ее нежные губы и неожиданно для себя сказал:

— Да.

Когда они вышли из клуба, мартовский влажный ветер обвеял их горячие лица. Любовь Николаевна теперь не смеялась.

— Я не хочу домой,— капризно сказала она, прижимаясь к плечу Луния: — я хочу на Острова...

На Каменноостровском она торопила извозчика:

— Скорей! Скорей!

Неожиданно она запрокинула голову.

— Милый! Милый! Целуй!

Луния покорию прижал свои холодные губы к ее тоже холодным губам.

— Мы мертвые,— прошептала в ужасе Любовь Николаевна. (Георгий Чулков. Соч., т. 3. Повести и рассказы. СПб., «Шиповник», (1911), с. 74). Этот эпизод в повести «Слепые» — не единственный, имеющий прямые биографические соответствия. Сближение Луния и Любови Николаевны происходит в ночь, когда умер ее отец.— отношения Чулкова и Л. Д. Блок завязались в январе 1907 г., а 20 января скончался Д. И. Менделеев; муж Любови Николаевны граф Бешметьев общается с Кларой, «высокой женщиной с бледным овальным лицом и злыми красивыми глазами» (отзвук отношений Блока и Волоховой); Луния и Бешметьев встречаются и выпивают в кафе-шантане «Аполло» — месте, регулярно посещавшемся Блоком и Чулковым (см. п. 7), и т. д.

Любопытно, что автобиографические reminiscences, связанные с повестью «Слепые», возникают у Чулкова много лет спустя, когда он описывает встречу с Л. Д. Блок на вечере памяти Ф. Сологуба в Ленинграде 1 февраля 1928 г.: «На Сологубовском вечере была Л. Д. Блок (...). Она сказала: «Двадцать один год тому назад, в этот самый день, мы ехали с Вами ночью мимо дома моего отца, когда он умирал». Сказала и заплакала. Все мы несчастные и слепые» (письмо к Н. Г. Чулковой от 2 февраля 1928 г.— ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 482).

⁵⁰ «Белые ночи. Петербургский альманах». СПб., 1907, с. 67.

⁵¹ Георгий Чулков. Александр Блок и его время.— «Письма Ал. Блока», с. 119.

⁵² См. вступительную статью З. Г. Минц к переписке Блока с Вл. Пястом (ЛН, т. 92, кн. 2, с. 177).

⁵³ «Письма Ал. Блока», с. 115.

⁵⁴ ЛН, т. 92, кн. 3, с. 338.

⁵⁵ См.: З. Г. Минц. А. Блок в полемике с Мережковскими.— «Блоковский сб.», 4, с. 160, 162.

⁵⁰ Стихотворение «Гагара» было опубликовано в кн.: Георгий Чулков. Весною на север. Лирика. (СПб.), «Факелы», 1908, с. 83. 11 ноября 1906 г. Блок писал Чулкову: «Не позволите ли Вы мне цитировать стих. с гагарой на шесте в статье, которую я пишу? Очень бы нужно. Если позволите, пришлите его <...>» («Письма Александра Блока», с. 136). В тот же день Чулков выслал Блоку автограф стихотворения (см.: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 2, с. 480—481). В письме от 6 августа 1907 г. к Андрею Белому, намекавшему в отзыве об альманахе «Цветник Ор» («Весы», 1907, № 6, с. 68—69) на сходство образа «светловзора» из статьи «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» с Чулковым, Блок отрицал связь этого образа с автором «Гагары»: «Уже не думал ли Ты, что я его называю „светловзором“?» (VIII, 189). Однако, кроме Чулкова, другого человека в кругу знакомых Блока, который «провел несколько лет в Сибири, среди тайги, в центре шаманства», как сообщается о «светловзоре» (V, 93), насколько известно, не было. Скорее всего образ «светловзора» в статье — вымышленный, условно-поэтический, но для его создания Блок воспользовался деталями биографии Чулкова, а также впечатлениями, почерпнутыми из его рассказов о тайге и шаманстве.

⁵¹ Георгий Чулков. Весною на север, с. 74—75. Посвящение было сохранено при переиздании поэмы в кн.: Георгий Чулков. Соч., т. 4. Стихи и драмы. СПб., «Шиповник», <1911>, с. 17.

⁵² Письмо от 3 ноября 1907 г. — «Письма Ал. Блока», с. 139. Книга «Весною на север» сохранилась в библиотеке Блока в ИРЛИ; надпись: «Александру Блоку Георгий Чулков. 1907».

⁵³ Георгий Чулков. Тайга. Драма. СПб., «Оры», 1907. Экземпляр книги имеется в библиотеке Блока (ИРЛИ), надпись: «Александру Блоку „светлейшему принцу“ в знак любви Георгий Чулков. 18 апреля 1907 г.».

⁵⁴ «Письма Ал. Блока», с. 150. «Феклуша» — рассказ Чулкова, опубликованный в журнале «Новое слово» (1910, № 5, с. 43—45), а также в газете «Биржевые ведомости» (1910, № 11693, 3 мая), вошел в 3-й том «Сочинений» Чулкова. Уже после выхода в свет «Дневника» Блока (т. 1—2. Л., 1928), содержавшего целый ряд негативных оценок Чулкова в записках 1910-х годов, последний подчеркивал, что Блок, тем не менее, признавал его творческие завоевания. 2 февраля 1935 г. Чулков записал: «Я медленно развивался и созрел как писатель. И почерк мой установился и окреп довольно поздно. Александр Блок, который (несмотря на брань в дневнике) признавал меня поэтом, не успел, однако, прочесть того, что я считаю наиболее удачным и совершенным. Даже стихов, изданных в 1922 г., Блок не знал. Удивительно не то, что он меня бранил в дневнике, а удивительно, что он все-таки признавал меня «в кредит». В сущности я стал настоящим писателем после Октябрьской революции, а у меня репутация дореволюционного литератора» (Г. И. Чулков о в. Откровенные мысли. — ГБЛ, ф. 371, карт. 2, ед. хр. 1, л. 9—9 об.).

⁵⁵ Георгий Чулков. Покрывало Изиды. Критические очерки. М., 1909, с. 85, 86.

⁵⁶ Там же, с. 87.

⁵⁷ Там же, с. 88—89.

⁵⁸ 4 мая 1908 г. Блок читал первую редакцию «Песни Судьбы» на квартире у Чулкова (см. письмо Блока к матери от 3 мая 1908 г. — VIII, 240). Отношение Чулкова к этой пьесе Блока было достаточно сдержанным. В статье «О лирической трагедии» («Золотое руно», 1909, № 11—12) «Песня Судьбы», наряду со «Слепыми» М. Метерлинка, рассматривается им как образчик лирической драмы, лишенной подлинно сценического действия и не открывающей путей для будущего театра: «Les Aveugles» Метерлинка или „Песня Судьбы“ Александра Блока — вот воистину мир, лишенный плоти и жизни, мир теней и мечтаний, театр неподвижный, чуждый событиям. Как литературные произведения прекрасны, быть может, эти лирические драмы Блока и Метерлинка, но как театр они не существуют. Лирика настолько преобладает в этих пьесах, что они теряют драматургическую форму, как бы растворяются в поэтической влаге, становятся аморфными и бездейственными» (Георгий Чулков. Соч., т. 5. Статьи 1905—1914 гг. СПб., «Шиповник», 1912, с. 223). Далеко не во всем принимал Чулков и критические опыты Блока (в этом, безусловно, проявлялась реакция на отмежевание поэта от «мистико-анархических» построений). В статье «Около быта» («В мире искусств», 1908, № 6-7) Чулков противопоставляет Блока — «безумного лирика и высокого поэта» — Блоку, «который пишет не всегда складные теоретические статьи и „письма в редакцию“» (Георгий Чулков. Покрывало Изиды, с. 113).

⁵⁹ Павел Громов. Герой и время, с. 515.

⁶⁰ Примечания Вл. Орлова в кн.: Александр Блок. Собр. соч. в 6-ти томах, т. 3. М., 1981, с. 430.

⁶¹ «Письма Ал. Блока», с. 116. См. также два шуточных стихотворных экспромта Блока, относящихся к этой сфере его отношений с Чулковым, — «Чулков и я стрелой амура...» и «Чулков „Одною ночью“ занял...» (II, 362—363).

⁶² ЛН, т. 89, с. 206.

⁶³ Георгий Чулков. Соч., т. 1. Рассказы, кн. 1, СПб., «Шиповник», <1911>, с. 158. Отзыв Блока об «Архивариусе» см. в прим. 7 к п. 16. Отметим попутно, что рассказ Чулкова был не единственным произведением тех лет, генетически связанным с «Вольными мыслями». В частности, поэту В. А. Юнгера (члену «Кружка молодых», другу С. Городецкого и знакомому Блока) принадлежит стихотворение «Отплытие», написанное под отчетливым воздействием сюжета и образно-стилевой структуры блоковского стихотворения «В северном море». «Отплытию» Юнгера предпослана помета: «Териоки. Посв. „Лорне-Дун“» (название яхты); опи-

сывается в нем, таким образом, северо-восточное побережье Финского залива, как и в стихотворении Блока («Сестрорецкий курорт»):

Мы в море сумрака, в невнятном лунном мире.
Чуть зблется пустынное стекло.
Лениво вспыхивает яркое весло.
То три, то две, потом опять четыре
Луны качаются у самых ног. Маяк
Сигарным огоньком посвечивает в мрак.
Двух-трех матросов сонные фигуры...
Шаги во тьме и чей-то голос хмурый...
И все мостки, и стадо сонных яхт.
И целый лес снастей, и шорох на мостках...
Потом протяжный крик «дежурный», и проворно,
Как льдина призрачна, едва озарена,
Восстав крылом огромным полотна,
Пошла на взморье царственная «Лорна».
Волна загорбилась, завилась у руля...
Прости, тяжелая земля!..

(Владимир Ю н г е р. Песни полей и комнат. (1911—1913). СПб., «Цех поэтов», 1914, с. 31.)
⁷⁰ К. Чуковский в статье «Третий сорт» («Весы», 1908, № 1) язвительно замечает, что чуковский шаман (подразумевается поэма «Шаман» из книги Чулкова «Весною на север») «похож на Александра Блока» (см.: Корней Ч у к о в с к и й. Собр. соч. в 6-ти томах, т. 6. М., 1969, с. 69). Ю. Н. Верховский, в целом благожелательно отнесшийся к сборнику «Весною на север», указывал в рецензии: «...всего слышнее отзвуки Александра Блока. Они заметны в большой части книги и прежде всего — в фактуре стиха, в причудливой музыке и в намеренной асимметрии и стихов и строф» («Слово», 1908, № 473, 3 июня).

⁷¹ Георгий Ч у л к о в. Соч., т. 6. Рассказы и повести. СПб., «Шиповник», (1912), с. 95—96, 103. Неопределенные медитации Туманова («сны наяву») также обнаруживают связь с образностью блоковской лирики. Наблюдения за туманной завесой на берегу Лены — «голубой мглой, завесившей один из ближайших островов» — порождают у героя «воспоминание об одном гробе»: «...несколько мгновений он был уверен, что за этою завесою таится нечто бывалое, что надо спешить туда, что можно еще спасти кого-то, кто погибает сейчас. Ему представилось, наконец, что там стоит гроб, а в гробу спит девушка и надо разбудить ее» (там же, с. 53). Ср. стихотворение Блока «Вот он — ряд гробовых ступеней...» (1904):

Ты покоишься в белом гробу.
Ты с улыбкой зовешь: не буди <...>
Я отпраздновал светлую смерть,
Прикоснувшись к руке восковой,
Остальное — бездонная твердь
Схоронила во мгле голубой.

(I, 323)

⁷² См.: Георгий Ч у л к о в. Люди в тумане. Книга рассказов. М., «Северные дни», 1916, с. 151—166.

⁷³ Там же, с. 101—118.

⁷⁴ О «содружестве одиноких» подробнее см.: А. А. Б л о к. Письма к Конст. Эрбергу (К. А. Сюннербергу). Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова. — В кн.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год». Л., 1979, с. 152—153. «Очень много и важно говорили», — сообщал Блок матери 24 ноября 1908 г. о визите участников «содружества» А. С. Андреева и М. Либерсона («курсистки»), которые «третьего дня» провели у него «целый день» («Письма к родным», I, с. 235). Блок пытался заинтересовать «одинокими» З. Н. Гиппиус, которая в письме к нему от 11 декабря 1908 г. дала резкую отповедь наивным притязаниям кружка (см.: З. Г. Минц. А. Блок в полемике с Мережковскими, с. 165—167). Скептической, хотя и не столь непримиримой, была и реакция Чулкова, который описал встречу у Блока с «симпатично-наивными борцами с одиночеством» в очерке «Самоубийцы» («Речь», 1912, № 64, 6 марта):

«Года два тому назад к одному петербургскому литератору, у которого я в то время был в гостях, пришли студент и курсистка (видимо, имеются в виду А. С. Андреев и Мария Либерсон. — А. Л.). Они просили этого литератора принять участие в каком-то „обществе борьбы с одиночеством“. Мы разговорились. Но как я ни старался выяснить, что эти молодые люди разумеют под одиночеством, выходило что-то неопределенное, и даже как-то по-детски наивное, но в то же время я видел, что эти „борцы с одиночеством“ по-настоящему взволнованы своим делом. Они не раз упоминали о том, что были в их среде случаи самоубийства от одиночества.

— Как же с этим бороться? — спрашивал я.

А надо интимнее общаться друг с другом. Все члены общества должны иметь возможность во всякое время навещать друг друга.

— А если у меня нет подходящего настроения, чтобы общаться?

— Этого не должно быть. Вот один товарищ пошел в гости, а его не приняли. Он к дру-

тому пошел, тому тоже было некогда. И третий тоже был занят... Товарищу стало очень скучно. Он и отравился.

Я только руками развел. И смешно мне было, и грустно чрезвычайно». (Георгий Чулков в. Вчера и сегодня. Очерки. М., «Северные дни», 1916, с. 62—63).

В романе «Сережа Нестроев» сходная проповедь вложена в уста гимназистки Васильковской, произносящей ее на «сходке» в доме «радикального» гимназиста Грюнвальда; в утрированно-шаржированном виде Чулков излагает идеи «кружка одиноких» и даже те частные примеры и «проекты», о которых он узнал от участников кружка:

«— Я против одиночества, господа, т.е. я буду говорить от „лиги борьбы с одиночеством“, господа,— лепетала гимназистка. <...> Мы все очень страдаем от одиночества. С этим, господа, надо бороться. Наша лига ставит себе это целью. Так вот, мне поручили предложить вам соединиться с нашей лигой. Не хотите ли вместе бороться с одиночеством? <...> Одиночество — это когда кому не с кем поделиться своими чувствами. У меня есть знакомый реалист, Митя Завьялов, так он даже отравился уксусной эссенцией от одиночества. Его едва спасли. Теперь он член нашей лиги, и я уверена, что он не отравится больше уксусной эссенцией. А то был случай с Катей Букиной. Она впала, знаете, в тоску. Пошла в гости к одной подруге, а ей сказали, что подруги дома нет, а на самом деле, представьте, подруга была дома. Тогда она к другой знакомой пошла, а знакомая говорит: „Я, голубчик, не могу с тобою быть сегодня. Я в кинематограф общала пойти“. Такое совпадение. Букина пошла и нашатырного спирта приняла. Обожаю себе весь рот. Едва ее привели в чувство. Вот что значит одиночество.

— Как же думаете бороться с таким явлением? — нетерпеливо спросил Грюнвальд.

— Очень просто. Каждый член нашей лиги при вступлении дает честное слово, что он никогда не откажется от общения с тем, кто страдает от одиночества. И у нас есть такое правило, что ключи должны быть общие.

— Какие ключи?

— Ключи от комнат. Всякий член лиги во всякое время к другому члену может прийти, и тот должен его принять.

— Но, ведь, это не всегда удобно, однако,— чуть улыбнулся Грюнвальд. (Георгий Чулков в. Сережа Нестроев. М., «Северные дни», 1916, с. 118—119).

С проповедью, которую в романе Чулкова произносит представительница «лиги борьбы с одиночеством», имеются прямые аналогии в «Воззвании к одиноким», открывающем брошюру М. Либерсона «Страдания одиночества» (СПб., 1909): «...чтобы уничтожить страшный призраок одиночества и *внутренне* сблизить людей, необходимо прежде всего разрушить *внешние перегородки* взаимной отчужденности и уничтожить нелепый предрассудок знакомства и незнакомства. Мы хотим, чтобы не было ни одного человека, которому *некуда пойти*. Мы хотим, чтобы приход *незнакомых* сделался таким же обычным и принятым, как приход старых знакомых», и т. д. (с. 8). Брошюра М. Либерсона, включавшая подборку цитат из многочисленных писем на тему одиночества и его преодоления, имела в шахматовской библиотеке Блока; дарственная надпись: «Автор Блоку» (П. А. Жуков. Шахматовская библиотека Бекетовых — Блока. — В кн.: Труды по русской и славянской филологии. XXIV. Литературоведение. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та, вып. 358). Тарту, 1975, с. 411.)

⁷⁵ Георгий Чулков в. Соч., т. 3. Повести и рассказы, с. 51.

⁷⁶ «Письма к родным», I, с. 224. Упомянутый рассказ Ф. Сологуба — «Опечаленная невеста». Г. Э. Тастевен писал Чулкову 15 августа 1908 г.: «С большим интересом читал Ваш рассказ в „Образовании“, где Вы вывели Блока <...>» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 333). Сам Чулков также выделял рассказ «Парадиз» в ряду своих беллетристических произведений. Сборнику своих избранных рассказов и повестей, составленному в 1931 г. и не вышедшему в свет, он дал заглавие «Парадиз»; тексту рассказа в макете этого издания предпослано посвящение «Памяти Александра Блока» (ЦГАЛИ, ф. 2208, оп. 2, ед. хр. 686, л. 18).

⁷⁷ «Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 1. М., 1980, с. 390—391.

⁷⁸ Ю. Верховский. В память Александра Блока (Отрывочные записи, припоминания, раздумья). — В кн.: «А. Блок и современность», с. 355.

⁷⁹ Георгий Чулков в. Соч., т. 1. Рассказы, кн. 1, с. 197.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же, с. 195.

⁸² Там же, с. 199.

⁸³ Там же, с. 198.

⁸⁴ «Письма Ал. Блока», с. 112—113.

⁸⁵ З. Ж. <З. А. Жилкина?>. В литературном обществе. — «Слово», 1908, № 650, 14 декабря, с. 5. Ср. письмо Л. Д. Блок к А. А. Кублицкому-Пиотгух от 14 декабря 1908 г. (наст. т., кн. 3, с. 341).

⁸⁶ «Речь», 1908, № 315, 22 декабря, с. 3.

⁸⁷ См.: Д. М. Аксенов. Поэзия и проза Ал. Блока, с. 368.

⁸⁸ «Золотое руно», 1909, № 1, с. 106. Судя по письму Г. Э. Тастевена к Чулкову, относящемуся к началу февраля 1909 г. (наст. т., кн. 3, с. 347—348), последний пытался приостановить печатание своей статьи о Блоке в «Золотом руно», но высказал это намерение слишком поздно, когда номер журнала уже был готов к выходу.

⁸⁹ См. подробнее: З. Г. Минц. Блок и русский символизм. — ЛН, т. 92, кн. 1, с. 138—142.

⁹⁰ Письмо к Андрею Белому от 23 сентября 1907 г. (VIII, 209).

⁹¹ Ср. позднейшую оценку Чулкова в дневниковой записи Блока от 17 февраля 1913 г. об А. Н. Толстом: «По-видимому, теперь *его* ставляет Чулков: надсмешка над своим, что могло бы быть серьезно, и невероятные положения (...)» (VII, 221).

⁹² Запись от 1 декабря 1912 г. (VII, 188). Это «дочулковывание» чаще всего выражалось в совместных увеселительных предприятиях. Ср. письмо Чулкова к жене от 7 марта 1911 г. «Вчера я встретился с Блоком и мы изрядно выпили. Однако, по обыкновению, когда мы бываем вместе, вино на нас не действует или полудействует, так что мы остаемся и трезвыми, и нравственными сугубо» (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480); Блок сообщил матери 8 марта: «Я тут покутил два дня с Чулковым и Судейкиным» («Письма Александра Блока к родным», т. 2. М.—Л., 1932, с. 133). 5 апреля 1911 г. Чулков вновь писал жене: «...недели две тому назад я с Блоком кутил-таки и потратился (стыдно! стыдно!)» (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480).

⁹³ ЛН, т. 92, кн. 3, с. 139.

⁹⁴ См.: «Письма Ал. Блока», с. 95, 107.

⁹⁵ Запись от 11—12 июня н. ст. 1909 г. (ЗК, 145).

⁹⁶ Георгий Чулков. Сатана. М., «Жатва», 1915, с. 4 (предисловие «От автора», март 1915 г.).

⁹⁷ Борис Кремнев <Г. И. Чулков>. Наступление. — «Народоправство», 1917, № 1, с. 19, См. также: Георгий Чулков. Михаил Бакунин и бунтари 1917 года. М., 1917.

⁹⁸ Вл. Орлов. Поэма Александра Блока «Двенадцать». Страница из истории советской литературы. Изд. 2. М., 1967, с. 54—55. В. Н. Орлов отмечает, что «даже внешний облик „вития“ („длинные волосы“) не лишен в данном случае портретного сходства с Чулковым.

⁹⁹ Георгий Чулков. Метель. Листки из дневника. — «Народоправство», 1918, № 20, 8 января, с. 6.

¹⁰⁰ Георгий Чулков. Красный призрак. Листки из дневника. — «Народоправство», 1918, № 23—24, 1 февраля, с. 15. В связи с этим укажем на неточность характеристики выступления Чулкова в статье З. Г. Минц «Блок и русский символизм»: «Г. Чулков громит Блока в статье „Красный призрак“» (ЛН, т. 92, кн. 1, с. 154); чулковская критика в данном случае строится совсем в ином регистре.

¹⁰¹ Запись от 4 марта 1918 г. (ЗК, 393).

¹⁰² Стихотворения Георгия Чулкова. М., «Задруга», 1922, с. 41. Перепечатано в публикации Ю. М. Гельперина «Блок в поэзии его современников» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 570).

¹⁰³ Георгий Чулков. Годы странствий, с. 224. Ср. свидетельство Н. А. Нолле-Коган в воспоминаниях о приезде Блока в Москву в мае 1920 г.: «Мы (...) приглашаем к себе его друзей, тех, которых он хочет видеть, — Георгия Чулкова, Вячеслава Иванова» («Александр Блок в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1980, с. 367).

¹⁰⁴ Сам Чулков сообщал П. Е. Щеголеву 13 сентября 1921 г., что у него имеются 53 письма Блока (ИМЛИ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 498).

¹⁰⁵ В этом издании письмо Блока к Чулкову от 10 января 1908 г. ошибочно указано в перечне опубликованных писем Блока, не находящихся на государственном хранении (с. 428); однако оно хранится в Отделе рукописей ИМЛИ (ф. 36, оп. 3, ед. хр. 5).

¹⁰⁶ В издании «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог» эти два письма, а также письмо, хранящееся в Музее И. С. Тургенева в Орле, не учтены.

1. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

(Петербург. 1 июня 1904 г.)

Многоуважаемый Александр Александрович!

Цензор погубил три стихотворения: «Мой любимый, мой князь...», «Я меч заостренный...», «Был вечер яростно-багровый...». Остальные пойдут в *июне*¹. Корректуру держит Петр Петрович². Пусть сам за нее и отвечает. В июне же пойдут рецензии о Вяч. Иванове и о Бальмонте³, а рецензия о Брюсове пойдет в июле рядом со статьей Белого тоже о Брюсове⁴.

Жму Вашу руку.

Искренно Ваш Георгий Чулков

1 июня 1904 г.

¹ Речь идет о подборке из двенадцати стихотворений, предложенной Блоком для публикации в журнале «Новый путь»; опубликовано было лишь девять стихотворений (1904, № 6, с. 26—34; перечень их см.: ЛН, т. 92, кн. 1, с. 463). Еще в письме к Блоку от 1 мая 1904 г. редактор «Нового пути» П. П. Перцов высказывал опасения, что стихотворения Блока могут быть отвергнуты духовной цензурой: «Стихи думаю поместить в № 6, если...» встретится препятствий» (ЛН, т. 92, кн. 1, с. 462; публикация И. И. Аброскиной). Два из отвергнутых стихотворений — «Я — меч, заостренный с обеих сторон...» и «Мой любимый, мой князь, мой жених...» — были впервые опубликованы в книге Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (М., 1905), стихотворение «Был вечер яростно багровый...» — в газете «Речь» (1907, 25 декабря). 15 июня 1904 г. Блок отвечал Чулкову из Шахматова: «Спасибо Вам за извеще-

ние о судьбе моих стихов и рецензий. Еще не видал июньской книжки „Нового пути“, не знаю, что сделали цензура и Петр Петрович» («Письма Ал. Блока», Л., «Колос», 1925, с. 121). В тот же день Блок писал Е. П. Иванову: «От Чулкова получил письмо, июньской книжки „Нового пути“ еще не видал» (VIII, 106). См. также: Петр Петрович. Ранний Блок. М., «Костры», 1922, с. 25—26.

² П. П. Перцов. Июньский выпуск «Нового пути» был, по его собственному признанию («Ранний Блок», с. 25), последним номером журнала, который он редактировал.

³ Рецензии Блока на книги «Горные вершины» К. Бальмонта и «Прозрачность» Вяч. Иванова («Новый путь», 1904, № 6, с. 200—206; V, 534—540). Рукописи рецензий Блок выслал Перцову из Шахматова 27 апреля 1904 г. (Петр Петрович. Ранний Блок, с. 38—39); последний отвечал ему 1 мая: «Рецензии о Бальмонте и Иванове — прекрасны <...> Сдал их в набор для № 5» (ЛН, т. 92, кн. 1, с. 462). Однако в майском номере «Нового пути» поместить рецензии не удалось; свою досаду в связи с этим Блок выразил в черновом неотправленном письме к Перцову: «С большим удивлением я увидел, что мои рецензии на книги Бальмонта и Вяч. Иванова, с которыми Вы торопили меня и которые были посланы в набор <...> — не напечатаны в майской книжке „Нового пути“⁴. К чему же было так торопиться?» (ЗК, 64—65).

⁴ Рецензия Блока на книгу Брюсова «Urbi et orbi» («Новый путь», 1904, № 7, с. 202—208; V, 540—545); статья Андрея Белого «Поэзия Валерия Брюсова» была опубликована в том же номере «Нового пути» (с. 133—139). Перцов попросил Блока написать рецензию на «Urbi et orbi» в письме от 1 мая 1904 г. (ЛН, т. 92, кн. 1, с. 462); Блок отправил ее текст вместе с письмом к Перцову от 10 мая 1904 г. (VIII, 100—101).

2. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

⟨Петербург. 22 мая 1905 г.⟩

Дорогой Александр Александрович!

Относительно Дымова я уже написал заметку. Он мне нравится ¹.

О Л. Семенове и других из «Содружества» делайте рецензии для июля или августа.

Л. Семенов — талантлив, но мне совсем чужой. Если будете о нем писать — умоляю — не называйте его гением, право...²

Если что-нибудь хотите поместить в июне, присылайте рукописи не позднее 28—30 мая ³. Стихи Ваши, вероятно, пойдут в июньской книжке, — в ней же — С. Соловьев ⁴.

Вяч. Иванов уехал ⁵, но мы всегда с людьми: на днях приезжает Брюсов ⁶; Над(ежда) Григ(орьевна) и сестра моя ⁷ — на даче, в Райволе, а я буду в Петербурге до 1 июля.

Мой искренний привет Любови Дмитриевне. Жму Вашу руку.

Душевно Ваш / Георгий Чулков

22 мая 1905 г.

¹ Осип Дымов (Осип Исидорович Перельман; 1878—1959) — прозаик, драматург, журналист, близкий к символистским кругам. 19 мая 1905 г. Блок писал из Шахматова Чулкову, предлагая очередной материал для «Вопросов жизни»: «Можно мне написать „литературную заметку“ об изданиях „Содружества“, если она еще не написана Вами? При этом мне хотелось бы упомянуть только несколько Маковского (не хочется начинать с брани) и остановиться особенно на Л. Семенове и Дымове (то и другое Семенов прислал мне). О Габриловиче, может быть, лучше написать совсем отдельно и в заметке совсем не упоминать о нем. Впрочем, может быть, Вы найдете более удобным написать отдельные рецензии обо всех. Если можно, сообщите мне об этом. <...> Читали ли Вы Дымова? Мне нравится многое, особенно — „Весна“. Но иногда, вместо того, чтобы проникать в свое, он скользит по поверхности чужих слов, и тогда приходится пропускать страницы» («Письма Ал. Блока», с. 123—124). Упоминаемые Блоком издания «Содружества» — вышедшие в Петербурге в 1905 г. в свет «Собрание стихотворений» Л. Семенова, «Собрание стихов» С. Маковского, сборник рассказов О. Дымова «Солнцеворот» и брошюра Л. Габриловича «Новейшие русские метафизики (идеализм П. Струве)». К «Содружеству» примыкали также Ю. Озаровский, Н. Рерих, С. Рафалович, Л. Вилькина, А. Руманов. Издательскую деятельность этого объединения литераторов предполагалось начать со сборника «Содружества», однако 9 января 1905 г. Дымов извещал Л. Н. Вилькину: «Со сборником решено сильно обождать. На очереди отдельные выпуски: сочинения Маковского, Дымова, Рафаловича, Габриловича, Вилькиной и др.» (ИРЛИ, ф. 39, ед. хр. 858). Издания осуществлялись на паях; деятельностью объединения руководил Совет «Содружества» (см. письма С. К. Маковского к Вилькиной за 1905 г. — ИРЛИ, ф. 39, ед. хр. 879).

Рецензия Чулкова на «Солнцеворот» Дымова была опубликована в «Вопросах жизни» (1905, № 6, с. 260—262; подпись: Г. Ч.). В ней была отмечена связь Дымова с повествовательной манерой Чехова, который, по мысли Чулкова, «вышел из реализма» и наметил пути к символизму; в этом направлении развивается и творчество Дымова: «...его образы нередко так значительны, что невольно видишь в них *символы*» (с. 261).

² В ответном, недатированном, письме Блок писал Чулкову: «Л. Семенова я не буду называть гением, но его стихи мне нравятся, как и Вам. <...> Некоторую „чуждость“ стихов Семенова понимаю» («Письма Александра Блока», с. 125). Леонид Дмитриевич Семенов (1880—1917) — поэт-символист и прозаик, товарищ Блока по университету. О взаимоотношениях Блока и Семенова см.: Ю. К. Герасимов. Об окружении Александра Блока во время первой русской революции. — «Блоковский сб.», 1, с. 539—544. См. также: «Л. Д. Семенов-Тянь-Шанский и его „Записки“». Публикация З. Г. Минц и Э. Шубина. Вступ. статья З. Г. Минц. — Труды по русской и славянской филологии. XXVIII. Литературоведение. («Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 414»). Тарту, 1977, с. 102—146. Чулков охарактеризовал Семенова в своих воспоминаниях «Годы странствий» (М., 1930, с. 175—177).

Предложение написать статью об изданиях «Содружества» и, в частности, о «Собрании стихотворений» Л. Семенова исходило непосредственно от него самого. В первой половине мая 1905 г. Семенов писал Блоку: «Посылаю Вам мой сборник и вот о чем прошу. О моем сборнике Вы напишите — мне *письмом*, очень ценю Ваше мнение. Рецензию о стихах пишите Вы или попросите Чулкова. Это Ваше дело. Не стесняйтесь и ругать. Но о Маковском предложите писать Чулкову — если считаете нужным ругать. Я сам почти согласен с Вами в оценке его стихов, но как человека его ценю и не хотел бы огорчать, не хотел бы, чтобы руготня шла от Вас, потому что питаю замыслы *Вас* увидеть в нашем содружестве. Пока многое мне в нем не нравится — по погодите, и из него кое-что выйдет. Маковский же в высшей степени дельный, деятельный, образованный, воспитанный человек, без которого бы — как человека, а не поэта, конечно, наше содружество никогда бы и не вышло. Очень талантливым кажется мне Дымов и Габрилович <...> Может быть и Вы напишете в „Вопросы“ Ж(изни)“ рецензию о нас, напишите ее обо мне и упомяните хоть вскользь о Маковском как о поэте консервативном, одним словом хоть как-нибудь не слишком *обидно*» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 399). Рецензия Блока на «Собрание стихотворений» Л. Семенова была напечатана в «Вопросах жизни» (1905, № 8, с. 194—197; V, 589—593); другие издания «Содружества» в ней не упоминались.

³ В июньском номере «Вопросов жизни» была помещена (за подписью «Ал. Бл.») рецензия Блока на два перевода с латинского — «Амур и Психея» Апулея и «Наука любви» Овидия (с. 240—242; V, 578—581).

⁴ В июньском номере «Вопросов жизни» были опубликованы цикл Блока из десяти стихотворений под заглавием «Нечаянная Радость» (с. 152—161) и стихотворение Сергея Соловьева «Ифигения в Авлиде» (с. 82—83).

⁵ Вяч. Иванов, живший в Петербурге в первой половине мая в отеле «Сан-Ремо» (Невский пр., 90), 15 мая приехал в Москву. О своем предстоящем приезде он сообщал Брюсову письмом от 11 мая 1905 г. (ГБЛ, ф. 386, карт. 87, ед. хр. 3).

⁶ 18 мая 1905 г. Брюсов писал Чулкову: «Через неделю, числа 27, буду проездом в Петербурге. Если Вы к этому времени будете еще в городе, позвольте посетить Вас» (Георгий Чулков. Годы странствий, с. 324).

⁷ Надежда Григорьевна Чулкова (урожд. Петрова, в первом браке Степанова; 1874—1961) — жена Г. И. Чулкова. Сестра — вероятно, Анна Ивановна Ходасевич (урожд. Чулкова, в первом браке Гренцон, 1887—1964). Вторая сестра Чулкова — Любовь Ивановна Рыбакова (урожд. Чулкова, 1882—1973), автор «Воспоминаний из детской жизни о Георгии Ивановиче» (ГБЛ, ф. 371, карт. 5, ед. хр. 39).

3. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

⟨Райвола.⟩ 11 июля 1905 г.

Дорогой Александр Александрович!

Ваше письмо дос тавило мне огромное наслаждение. Одна из многих «правд», заключенных в Соловьеве, выявлена Вами прекрасно¹. Очень жалею, что Вы не позволяете напечатать этого письма². Отбросив вступление и конец, можно было бы печатать его, ничего не изменяя. Я и сам чувствую всю значительность того Соловьева, о котором говорите Вы, и моя статейка не имела другой цели, как только поставить *вопрос*, ибо я вообще считаю себя правым только *в вопросе*; я — ведь — человек и, как человек, гневаюсь, когда торопливо *отвечают обидными словами*. Но ваши слова не обычные слова, а символы. Их я с радостью принимаю, как живую воду, и люблю Блока — поэта и Соловьева — пророка³.

Спасибо за приглашение на будущее лето: теперь я все равно не сумел бы приехать⁴. Живем мы с Над(еждой) Григ(орьевной) в Финляндии; адрес такой:

Райвола, дача Якова Фирсова. Бываю часто в Петербурге. И я, и Над(ежда) Григ(орьевна) шлем Вам и Любви Дмитриевне наш искренний привет. Всего хорошего.

Любящий Вас Георгий Чулков

Написано на бланке журнала «Вопросы жизни».

Ответ на письмо из Шахматова от 23 июня 1905 г. (VIII, 126—129), в котором Блок полемизировал со статьей Чулкова «Поэзия Владимира Соловьева» («Вопросы жизни», 1905, № 4—5, с. 101—117).

¹ Основная идея статьи Чулкова «Поэзия Владимира Соловьева» заключалась в том, что стихи Соловьева, в отличие от его религиозно-метафизической системы, раскрывают «великий, черный разлад» в душе философа, обусловленный неприятием земного мира и земной любви. «Поэзия смерти празднует свою черную победу в стихах Соловьева, — утверждает Чулков. — Мы не хотим отрицать, что в трагическом мирозерцании монаха-поэта есть истинное величие. Мы желали только отметить, что душевное настроение, которое преобладало у Соловьева, несовместимо с любовью и творчеством здесь, на земле. Между сияющей ледяной вершиной и цветущей долиной разверзается пропасть. Перебросить через эту пропасть мост не сумел Соловьев, как не сумело это сделать все историческое христианство» («Вопросы жизни», 1905, № 4—5, с. 113). Блок в своем письме к Чулкову возражал против его рассуждений о «трагическом разладе, аскетическом мирозерцании и черной победе смерти» у Соловьева (VIII, 127), ссылаясь прежде всего на собственные поэтически-интуитивные впечатления и переживания.

В то же время А. В. Карташев (религиозный мыслитель, близкий по убеждениям к Мережковскому) находил, что в своей статье Чулков поставил вопрос о мирозерцании Соловьева и о его соотношении и связи с «историческим христианством» чрезвычайно остро и правильно, с позиций нового религиозно-философского сознания. «Сейчас прочитал Вашу статью, — писал он Г. И. Чулкову 17 мая 1905 г. — Испытывал любимое наслаждение, привычное, скажу не стыдись, мистическое пророческое волнение, какое захватывает меня при мыслях об этой теме. Да, мы охвачены принципом влюбленности в мир, влюбленность — единственное притяжение для нас в религии, в предстоящем ренессансе. <...> А последняя черта — знак творчества, показатель, что *этому* мы и должны отдаться всей душой, чтобы похитить новый факел с неба. Мы хотим *этого* ренессанса и никак не изжитых и неинтересных для нас церковных реформаций. Пусть на них спотыкаются Соловьев и его верные ученики. <...> Наш ренессанс *будет* назван конечно *нехристианским*, ибо он дерзко, диаметрально будет противоречить историческому христианству. Но мы — революционеры, сходясь по существу, разделимся (а мож(ет) б(ыть) и нет) на сознающих себя нехристианами и христианами (я — в последней группе). Но мы не можем ненавидеть друг друга, потому что нас опьяняет одно вино, одна влюбленность, одно творчество» (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 3, ед. хр. 13).

Развернутую полемику с концепцией Чулкова содержит статья С. Н. Булгакова из его авторского цикла «Без плана» («Вопросы жизни», 1905, № 6, с. 293—317). Тезисы Чулкова обосновываются, по утверждению Булгакова, «благодаря одностороннему цитированию, преувеличенному подчеркиванию одного из мотивов и замалчиванию других»: «...подлинный Соловьев в своих стихотворениях вовсе не тот скорбный и анемичный монах, какого рисует нам Чулков, а тот же могучий дух, многогранный, многообъемлющий, каким мы знаем его и в философских творениях» (Там же, с. 295, 299—300). Два месяца спустя в «Вопросах жизни» в отделе «Из частной переписки» был опубликован «Ответ г. Чулкову по поводу его статьи „Поэзия Владимира Соловьева“» Сергея Соловьева (1905, № 8, с. 230—237), в котором, в опровержение идей Чулкова, утверждалось, что «в стихах Соловьева поэзия жизни празднует свою победу», что «Владимир Соловьев никогда не враждует со стихией плотской жизни» и «в развитии христианского догмата <...> видит последовательное проведение принципа неразрывности неба и земли в едином божественном проявлении» (с. 232, 234). Отвечая на замечания Андрея Белого по поводу статьи «Поэзия Владимира Соловьева», высказанные в письме к Чулкову, последний сообщал ему в письме от 8 июля 1905 г.: «По поводу моей статьи писал мне Блок, С. Соловьев, Карташев и др. Я прошу всех высказаться в отделе «Из частной переписки». <...> А я — равно всем чужой — смотрю со *сторон* и, быть может, волнуясь, но *один и по-своему*» (ГБЛ, ф. 25, карт. 25, ед. хр. 12). Ср. примечания Чулкова в кн. «Письма Ал. Блока» (с. 154—156). Статья о Соловьеве вошла в кн.: Георгий Чулков. Сочинения, т. 5. Статьи 1905—1911 гг. СПб., «Шиповник», 1912, с. 101—117. Некоторые выводы и формулировки Чулкова, вызвавшие наибольшие возражения, были при переиздании статьи сняты или смягчены.

² В письме от 23 июня 1905 г. Блок попутно замечал: «Мне хочется написать Вам именно так, без теорий, а *облик во мне живущий*, и просить Вас не показывать письма» (VIII, 128).

³ Блок отвечал Чулкову 19 июля 1905 г.: «Спасибо за Ваши слова. Пожалуй, лучше все-таки не печатать моего письма к Вам, я не знаю, как отнеслись бы родные Соловьева к чуть-чуть разоблачительному духу его. Ведь у меня не только личные впечатления, а и наивные разговоры с С. Соловьевым и другими. Да и не хочется утверждать так мелко сказанное о Мережковском и Розанове, ведь здесь следовало опереться на ряд рассуждений» (VIII, 132).

⁴ Блок писал Чулкову 23 июня: «Мы с Любой ужасно жалеем, что не можем пригласить Надежду Григорьевну и Вас к нам. Дело в том, что мы живем не одни, а с родственниками, часть которых, как мы убедились по приезду А. Белого и С. Соловьева, страшно тяготеет к

близкими нам разговорами и страдает от них чуть что не физически. Я думаю, что это скоро прекратится, т. е. мы будем жить в более согласном обществе, и, может быть, на будущее лето Вы с Надеждой Григорьевной посетите нас» (VIII, 129).

4. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

20 января 1906 г. <Петербург> Саперный, 10, кв. 55

Дорогой Александр Александрович!

Если Вы успеете доставить рукопись арлекинады дней через пять-шесть, Вс. Эм. Мейерхольд сумеет поставить эти сцены одновременно с музыкальным вечером числа 8—10 февраля¹.

Даже те три сцены, о которых Вы мечтали, дадут драгоценный материал для «Факелов» — театра и сборника². Пишите, не стараясь развивать действие подробно и строить «настоящую» пьесу.

Привет Любовь Дмитриевне и Александре Андреевне³!

Любящий Вас Георгий Чулков

Р. С. Вс. Эм. Мейерхольд присоединяется к моей просьбе и шлет свой привет.

¹ На следующий день, 21 января, Блок отвечал Чулкову: «Надеюсь, что успею написать балаган, может быть даже раньше, чем Вы пишете. Вчера много придумалось и написалось. Как только кончу, дам Вам знать» («Письма Ал. Блока», с. 131). Речь идет о пьесе Блока «Балаганчик». 23 января 1906 г. Блок писал Чулкову: «„Балаганчик“ кончен, только не совсем отделан. Сейчас еще займусь им» (там же, с. 132). 24 января он сообщил Андрею Белому: «Я написал балаган для Факелов, кажется его будут играть на маслянице» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 171). Ср.: IV, 567.

Идея создания драматического произведения на основе стихотворения Блока «Балаганчик» («Вот открыт балаганчик...»), написанного в июле 1905 г. (II, 67—68), принадлежала Чулкову, который вспоминал: «В конце 1905 года я предложил Александру Александровичу разработать в драматическую сцену тему этого стихотворения. Я просил у него эту вещь для альманаха „Факелы“, который я в то время подготавливал к печати. Блок согласился» (Георгий Чулков. Из истории «Балаганчика». — «Культура театра», 1924, № 7—8, с. 21). Предполагалось, что пьеса Блока будет поставлена Мейерхольдом в новом театре «Факелы», который в конце 1905 — начале 1906 г. пытались организовать Чулков и В. Э. Мейерхольд, при поддержке ряда литераторов и художников (см. примечания В. Н. Орлова в кн.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 168; ЛН, т. 92, кн. 3, с. 238). 3 января 1906 г. Блок сообщал Андрею Белому: «Только что вернулся с большого собрания, где *Факелы* и *Жупелы* обсуждали свои театры <...> выяснилось, что мне придется читать на литературном вечере в пользу театра и писать пьесу, развивая стихотворение „Балаганчик“» (VIII, 146; об этом собрании см. также письмо Мейерхольда к Брюсову от 6 января 1906 г.: «В. Э. Мейерхольд. Переписка. 1896—1939». М., 1976, с. 59). Организовать театр «Факелы» не удалось («Наши с Мейерхольдом попытки найти средства для устройства театра „Факелы“ оказались тщетными», — свидетельствует Чулков в воспоминаниях «Годы странствий», с. 216) и постановка «Балаганчика» в феврале 1906 г. не состоялась; в конце января Мейерхольд уехал из Петербурга в Нижний Новгород, а затем в Тифлис, где возобновил деятельность Товарищества новой драмы: 26 января Белый писал Блоку: «Саша, мне очень хотелось бы быть на первом представлении „Балаганчика“, очень хотелось бы. Напиши точно число, когда он пойдет» («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 172). Блок отвечал 28 января: «Ты спрашиваешь о представлении „Балаганчика“. Его теперь не будет. Чулков, по обыкновению, все это рассказывал преждевременно, а теперь оказывается, что и „Факелы“ осуществятся не раньше осени (почти наверно)» (VIII, 148). Однако осенью 1906 г. Мейерхольд стал ведущим режиссером Театра В. Ф. Коммиссаржевской, и идея самостоятельного театра «Факелы» тем самым исчерпала себя.

² Пьеса Блока «Балаганчик. Лирические сцены» была опубликована в альманахе «Факелы» (кн. 1. СПб., 1906, с. 199—211), скомплектованном и выпущенном в свет в апреле 1906 г. по инициативе Чулкова и под его руководством.

³ А. А. Кублицкая-Пиоттух, мать Блока.

5. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

<Петербург. 17 ноября 1906 г.>

Дорогой Александр Александрович!

Приходите в субботу, в 10 ч. вечера, 18 ноября в ресторан «Кин» в Фонарном пер. Там будет, быть может, что-нибудь смешное. Пишу Вам по просьбе П. Ярцева¹. Будет, вероятно, Ф. Сологуб².

Денег много не нужно, да и без денег можно.

Крепко жму Вашу руку.

Душевно Ваш Георгий Чулков

P. S. Кабинет — наверху.

Открытка — бланк журнала «Вопросы жизни». Адрес: «Пет(ербургская) Сто(р)она». Лахтинская ул., д. 3, кв. 44». Почт. шт.: 17.11.06. Помета Блока: «1906».

¹ Петр Михайлович Ярцев (1871—1930) — заведующий литературным бюро Театра В. Ф. Коммиссаржевской в сезоне 1906—1907 гг.; театральный критик, драматург, режиссер. См. о нем: Борис З а й ц е в. Москва. Мюнхен, 1973, с. 73—81. В конце ноября 1906 г. Блок передал Ярцеву рукопись пьесы «Незнакомка», постановка которой была намечена Мейерхольдом в Театре В. Ф. Коммиссаржевской. См. письмо Блока к Мейерхольду от 6 декабря 1906 г. («Новый мир», 1979, № 4, с. 160).

² В тот же день Чулков отправил аналогичное приглашение в ресторан «Кин» Ф. Сологубу: «Там будут актеры. Сюннерберг и еще кое-кто. Кабинет — наверху. Пишу Вам по просьбе Ярцева» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 746). Адрес ресторана «Кин» — Фонарный пер., 9.

6. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

⟨Петербург⟩ 13 марта 1907 г.

Дорогой Александр Александрович!

Вернулась Любовь Дмитриевна или нет? ¹ Если вернулась, пожалуйста, передайте ей мое письмо ². Если нет, оставьте его до ее приезда.

Весной выходит в Петербурге «Невский альманах». Будет издан хорошо, с обложкой — вероятно — Бакста. Приглашают Вяч. Иванова, С. Городецкого, Сологуба, Вас и нек(оторых) др(угих); «реалистов» совсем не будет. Вам предоставлено право печатать что Вы хотите без вмешательства редакции. Желают получить от Вас не сколько стихотворений. Будет особый отдел, в котором поместят четыре имени: Ваше, мое, Вяч. Ив(анова) и Городецкого. Гонорар будет ³.

В среду в 7 ч. веч. на Высших Женских Курсах состоится мой реферат «Утверждение личности и Эрос». В числе оппонентов будут главари петерб(ургского) позитивизма и — с другой стороны — Вяч. Иванов, А. Мейер и еще нек(оторые) ⁴. Очень хотелось бы, чтобы и Вы пришли. Тогда зайдите ко мне часов в 6 в среду.

Любящий Вас верно Георгий Чулков

¹ 28 февраля 1907 г. М. А. Бекетова записала в дневнике: «Люба уехала на масляницу с Мусей в Боблово. И превесело уезжала. Это еще раз доказывает мне, что никакой любви у нее к Чулкову нет <...>» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 623; Муся — Мария Дмитриевна Менделеева (в замужестве Кузьмина; 1886—1952), младшая сестра Л. Д. Блок); 12 марта: «Люба вернулась, но я ее не видала» (там же). 28 февраля Л. Д. Блок отправила Блоку письмо, в котором описывала зимнее Боблово и сообщала о намерении завтра съездить в Шахматово (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 161, л. 13—15).

² Переписка Чулкова и Л. Д. Блок не сохранилась. Л. Д. Блок сообщает, что Чулков в 1930-е годы возвратил ей ее письма, и приводит в воспоминаниях одно из них. (Л. Д. Б л о к. Были и небылицы о Блоке и обо мне. — ЦГАЛИ).

³ Имеется в виду издание: «Белые ночи. Петербургский альманах». СПб., изд. т-ва Вольная типография, 1907. Книга была отпечатана в июне 1907 г. с обложкой работы Добужинского. Все упомянутые Чулковым авторы участвовали в альманахе, однако «особого отдела», объединявшего произведения Блока, Чулкова, Вяч. Иванова и Городецкого, в нем не было; видимо, по замыслу Чулкова, этот «особый отдел» призван был манифестировать сообщество писателей — приверженцев идей «мистического анархизма». Блок опубликовал в альманахе цикл из 15 стихотворений «Томления весны» (с. 7—34) и стихотворение «Белые ночи» (с. 235), Чулков — цикл из семи стихотворений «Месяц на ушерб» (с. 63—71) и поэму «Шаман» (с. 101—109). 19 июля 1907 г. А. А. Кондратьев сообщал Б. В. Беру, что альманах «Белые ночи» «редактировали Блок и Чулков» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 286). Блок, безусловно, принимал близкое участие в составлении и издании альманаха (ср. п. 8); скорее всего, по его инициативе в «Белых ночах» появились прозаические этюды «Всадник» Е. П. Иванова (с. 73—91) и «Белая ночь и мудрость» Н. П. Ге (с. 93—99); ср. запись Блока, относящуюся, видимо, к марту 1907 г.: «Жёне о „Белых ночах“» (ЗН, 93; Женья — Е. П. Иванов).

⁴ Среда — 14 марта. Александр Александрович Мейер (1875—1939) — религиозный философ и публицист.

7. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

〈Петербург. 11 апреля 1907 г.〉

Дорогой Александр Александрович!

Если Вы не суеверны и не боитесь коварных предсказаний Любви Дмитриевны, зайдите ко мне сейчас или через полчаса, и мы поедем в «Аполло»¹. Денег не надо много. А если у Вас ничего нет, то я заплачу за билеты, а нам больше ничего не нужно².

С великим наслаждением и странной тревогой перечитал Вашу «Снежную Маску»³. Изумительная, магическая книга!

Жму Вашу руку.

Любящий Вас Георгий Чулков

Передайте, пожалуйста, мой привет глубокоуважаемой Любви Дмитриевне!

11 апреля 1907 г.

¹ «Аполло» — петербургский кафе-шантан, где Блок и Чулков встречались за бутылкой вина (комментарий Чулкова к письму Блока к нему от 11 апреля 1907 г. — «Письма Ал. Блока», с. 163). Адрес театра-концерта «Аполло» — Фонтанка, 13.

² В тот же день Блок ответил Чулкову: «Приходите лучше сейчас к нам. <...> В „Аполло“ не хочется, да и не могу. Голова болит. Придете?» (там же, с. 138).

³ Два экземпляра отдельного издания «Снежной маски» (СПб., «Оры», 1907) Блок послал с надписями Чулкову и Н. Г. Чулковой 11 апреля 1907 г. («Письма Александра Блока», с. 138); оба экземпляра погибли на второй год революции в Царском Селе, где была оставлена библиотека Чулкова (там же, с. 163—164; ср.: ЛН, т. 92, кн. 3, с. 137). Летом 1920 г. Чулков сообщал Конст. Эрбергу: «В Царском Селе остались у меня рукописи, письма и книги (15 больших ящиков). Все это находилось в квартире Семена Ильича Штейна, д(ом) кн. Урусова, Безмянный пер. Он — Штейн — теперь давно уже не отвечает на письма и телеграммы. Нельзя ли справиться о судьбе моего архива и книг через кого-нибудь, кто живет в Царском, например, через Иванова-Разумника?» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 285).

8. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

〈Петербург〉 8 мая 1907 г.

Дорогой Александр Александрович!

Не хотите ли поехать в «Вену»? Может быть, найдем там Попова. Тогда заставим его издать «Белые Ночи»¹. Но если это только *вероятно*, то уже *несомненно* то, что мы будем пьяны, а это не так плохо, как иные думают.

Сейчас ехать в «Вену» рано, но Вы зайдите ко мне: мы сначала поедем в дом Мурузи: мне надо увидеть по делу Карташева².

Ваш Георгий Чулков

Р. С. Уехала Любовь Дмитриевна или нет?³

¹ «Вена» — известный петербургский ресторан, где пребывала обычно литературная богема. — Попов, кажется, владеец книжного магазина на углу Невского, близ Аничкова моста, издатель, с которым, вероятно, предстояла деловая встреча Г. И. Чулкова в ресторане «Вена» (комментарий Г. И. Чулкова к письму Блока к нему от 9 мая 1907 г. — «Письма Ал. Блока», с. 170). Михаил Васильевич Попов — владеец книжного магазина на Невском пр., 86. Переговоры с Поповым велись и до 8 мая. 1 мая 1907 г. А. А. Кондратьев сообщал Б. В. Беру, что виделся на днях в ресторане «Вена» с Блоком и Чулковым: «Они только что явились после объяснения с М. Поповым, который взялся издать им альманах „Белые ночи“» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 280). Адрес ресторана «Вена» — ул. Гоголя, 13, на углу Гороховой ул. Ср.: «Видели в „Вене“ и А. Блока. Поэт сажился в стороне, один или с кем-нибудь из близких друзей, не вступал в споры и разговоры, молчал и наблюдал. <...> Он замкнут в себе и не разговорчив. <...> У него застывшее, спокойное бледное лицо, холодный взгляд, неподвижная поза...» («Десятилетие ресторана „Вена“». Литературно-художественный сборник. СПб., 1913, с. 57—58).

На следующий день, 9 мая, Блок писал Чулкову: «Простите, что отвечаю по почте. <...> Вчера Ваше письмо не застало нас. Были ли Вы в Вене и что Попов?» («Письма Ал. Блока», с. 148).

² Подразумевается квартира Мережковских (живших тогда в Париже) в так наз. доме Мурузи — большом доходном доме на углу Литейного проспекта, Пантелеймоновской улицы и Спасо-Преображенской площади (Литейный пр., 24). В отсутствие Мережковских там проживали сестры З. Н. Гишпиус Т. Н. и Н. Н. Гишпиус и Антон Владимирович Карташев (1875—1960), религиозный мыслитель, профессор Духовной академии.

³ Блок отвечал 9 мая: «Л. Д. уезжает только завтра <...>» («Письма Александра Блока», с. 148). 10 мая Л. Д. Блок уехала в Шахматово. 11-м мая датировано ее письмо к Блоку, отправленное со станции Подсолнечная Московской губернии (ближайшей от Шахматова), в тот же день она написала Блоку из Шахматова (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 161, л. 16—19). В примечаниях к письму Блока к жене от 13 мая 1907 г. ошибочно указано, что Л. Д. Блок уехала из Петербурга в Шахматово 6 мая (ЛН, т. 89, с. 194).

9. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

(Петербург 1. 13 июня 1907 г.)

Дорогой Александр Александрович!
Напишите мне, пожалуйста, два слова о «Весах». Как Вы это чувствуете? Мне очень стыдно за Зинаиду Николаевну и Белого. И что же это такое, наконец? ²

Любящий Вас Георгий Чулков

P. S. Возвращаю Вам с благодарностью мой долг.

13 июня 1907.

¹ О том, что Чулков находился в Петербурге, можно судить по его письму к М. А. Кузмину от 15 июня 1907 г., вместе с которым он высылал экземпляры только что вышедшего альманаха «Белые ночи»: «Сегодня, сейчас уезжаю в Финляндию» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 439).

² Подразумевается 5-й, майский номер «Весов» за 1907 г., в котором были напечатаны статьи «На перевале. VII. Штемпелеванная каша» Андрея Белого (с. 49—52; подпись: Борис Бугаев) и «Трихина» З. Н. Гиппиус — отзыв о журнале «Перевал» (с. 68—72; подпись: Товарищ Герман). Статья Белого представляет собой памфлет, направленный против «петербургских модернистов», с выпадами по адресу «мистического анархизма» и новейшего творчества Блока; З. Н. Гиппиус в своей статье, негативно оценивая деятельность «Перевала», попутно высмеивает Чулкова и, в частности, его отзыв о «Балаганчике», помещенный в «Перевале»: «...над Блоком он так надрывается, что за Блока страшно. Блока Чулков прямо износил, истер. По поводу одного „Балаганчика“, этой милой, не новой и никакого ни для кого не имеющей значения вещицы, — Чулков до сих пор высипает, раз за разом, свой горох. В „Перевале“ сызнава только что высипал. Блок — „избранник“, около Блока полезно сыпать, думает Чулков. Блок, этот талантливый, цельный, всегда очень благородный поэт, — лишь страдательное лицо по отношению к Чулкову. Сущность Блока — вообще пассивность. Благодаря ей, вероятно, он не спасся от „Перевала“. <...> Зачем он пишет в „Перевале“ свои детские, несчастенькие статьи о „Михаиле Бакунне“, — срываясь из „общественности“ на Деву радужных ворот? Ну какой он „общественник“! Его насильно ставят на чужое место, он насильно смешон, — в противоположность Чулкову, который смешон „по собственной глупой воле“, говоря языком Достоевского. Не будь „Перевала“, этого специального места позора, да не будь суетливого, услужливого Чулкова, — никогда бы не очутился Блок в таком ненужном положении, а продолжал бы сохранять свое скромное достоинство тонкого, нежного лирика <...>» (с. 71). Резкие полемические выпады Андрея Белого, З. Н. Гиппиус, Эллиса и других «весовцев» против «петербургского модернизма», «мистического анархизма» и непосредственно против Чулкова в последующих номерах «Весов» стали определять основное содержание критического отдела журнала. Особенно насыщен был нападениями на Чулкова и «петербуржцев» следующий, июньский номер журнала; С. М. Городецкий писал Чулкову 15 июля 1907 г.: «Шестой номер Весов возмущил всех» (ГБЛ, ф. 371, карт. 3, ед. хр. 11).

23 июня Блок отвечал Чулкову: «„Весы“ не удивили меня. Думаю в конце следующей своей статьи «Золотом руне» (о лирике) сделать маленький P. Scr. о том, что напрасно критики «Весов» касаются личностей и посвящают летучие манифесты темам, которые требуют, по важности своей, серьезных статей» (VIII, 187). В статью «О лирике» («Золотое руно», 1907, № 6) Блок, однако, такого «постскриптума» не добавил, но позднее высказал свое осудительное отношение к полемическим приемам Андрея Белого и З. Н. Гиппиус в статье «О современной критике» («Час», 1907, № 61, 4 декабря; V, 207—208). 6 августа 1907 г. Блок писал в этой же связи Андрею Белому: «Критики, основанной на бабьих сплетнях (каковую позволила себе особенно Зин. Гиппиус в статье о «Перевале» по поводу меня и Чулкова), — не признаю. Считаю, что такая критика должна оставаться на совести ее сочинителя» (VIII, 189).

10. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

20 августа 1907 г.

Дорогой Александр Александрович!

Ничего не имею — конечно — против желания Вашего отказаться печатно от мистического анархизма, но очень прошу Вас об одном: позвольте мне пред-варительно ознакомиться с этим Вашим «письмом в редакцию». Ведь, я нигде

и никогда — насколько помнится — в печати Вас не называл «мистикоанархистом» и за мнения других не отвечаю. Вас «мистикоанархистом» называли мои критики, а не я. Я дружески прошу Вас не придавать Вашему письму такой формы, которая дала бы повод думать, что именно я Вас записывал в адепты моей теории: это было бы неправдою¹. Я сам пишу статью по поводу «*Mercure de France*» (возражаю Семенову), где и заявляю о том, что не считаю возможным кого-либо приписывать к «мистическому анархизму» в качестве его сторонника и выразителя². Мало того, из цитат из меня, которые приводит Семенов, это уже видно. Я пишу: «*L'anarchisme mystique n'est pas une école littéraire*» *. И в конце статьи: «*Quant aux recueils des Flambeaux, ils ne défendent les idées mystico-anarchiques (que dans les articles theoriques) et excluent tout programme de la rubrique de la poésie. Ici, à côté des oeuvres de Viatcheslav Ivanov, je publie avec joie celles de Léonide Andreieff, Feodor Sologoub, Alexandre Blok, (L. Zinovieff-Hannibal), S. Gorodetzky et quelques autres...*» **³.

Я, конечно, предпочел бы, чтобы Ваше «письмо» появилось в «Золотом Руне», а не в «Весех». Ведь в «Весех» оно появится рядом с новым манифестом, и для читателей будет ясно, что Вы солидарны с теми, которые бросают в меня камни. Во всяком случае я верю, что Вы не станете торопливо посылать в «Весы» документ, которым будут пользоваться, как орудием против меня, московские декаденты и свора газетных фельетонистов⁴. Неужели не можете Вы, дорогой Александр Александрович, подождать с этим письмом до нашего свидания!

Ведь надо это сделать так, чтобы не умножились нечистые по существу своему статейки, направленные против линии Вячеслава Ивановича. Или Вы теперь другого мнения? Умоляю Вас: храните душу «незыблемой»⁵.

Любящий Вас Георгий Чулков

Передайте, пожалуйста, мой привет Любви Дмитриевне.

Адрес Андреева: Куоккала, дача Фиельд, Леон(и)д(у) Никол(аевичу) А(ндрее)ву⁶.

Письмо цитировалось ранее (в отрывках) в публикации Вл. Орлова «Александр Блок и Андрей Белый в 1907 году» (ЖН, т. 27—28. М., 1937, с. 401).

¹ 17 августа 1907 г. Блок писал Чулкову из Шахматова: «„Весы“ меня считают „мистическим анархистом“ из-за „*Mercure de France*“. Я не читал, как там пишет Семенов, но меня извещил об этом Андрей Белый, с которым у нас сейчас очень сложные отношения. Я думаю так: к мистическому анархизму, по существу, я совсем не имею никакого отношения. Он подчеркивает во мне не то, что составляет сущность моей души: подчеркивает мою *зыблемость, неискренность* (<...>) я не относился к мистическому анархизму никогда как к теории, а воспринимал его лирически. По всему этому не только не считаю себя мистическим анархистом, но сознаю необходимость отказаться от него *печатно*, в письме в редакцию, например, „Весов“. Пока это не сделаю, меня все будут упрекать в том, к чему я не причастен» (VIII, 204).

Поводом для этого письма послужила публикация (под рубрикой «*Lettres russes*») статьи русского корреспондента парижского журнала «*Mercure de France*» Е. П. Семенова «*Le Mysticisme anarchique*» (1907, t. LXVIII, № 242, 16 juillet, p. 361—364), в которой современные русские поэты были разделены по трем группам — на «декадентов» (в свою очередь разделявшихся на «парнасцев» и «чистых декадентов»), «неохристианских романтиков» и «мистических анархистов»; к последним причислены Вяч. Иванов, Блок, С. Городецкий и Чулков. Семенов указал, что его статья основывается на беседе с Чулковым. О появлении этой статьи Блоку сообщил Андрей Белый в письме от 10—11 августа 1907 г.: «...разве Вы не зарегистрированы в мистико-анархисты, когда „*Mercure de France*“ объявляет об этом на всю Европу. (<...>) По-моему Вы обязаны заявить *печатно* о Вашей неприкосновенности к той тенденции, которую Вам навязывают. Иначе получается впечатление, что вы идете на идейных помочах Георгия Чулкова. (<...>) С одной стороны частное письмо, где Вы называете „*куцыми теоретиками*“ Ваших друзей, с другой стороны „*Mercure de France*“, провозглашающий о Вашей солидарности с этими „*куцыми теоретиками*“. И „Весы“ считают Вас мистическим анархистом».

² «Мистический анархизм не является литературной школой» (франц.).

³ * Что касается сборника *Факелы*, они защищают мистико-анархические идеи лишь в теоретических статьях и *исключают всякую программу под рубрикой поэзии*. Здесь, наряду с произведениями Вячеслава Иванова, я с радостью публикую и произведения Леонида Андреева, Федора Сологуба, Александра Блока, Л. Зиновьевой-Аннибал, С. Городецкого и некоторых других... (франц.)

(«А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 195, 196; по просьбе Блока Белый в письме к нему от 21 августа 1907 г. дополнительно привел цитаты из статьи Семенова в «Mercure de France» — там же, с. 212). В письме к Белому от 15—17 августа Блок утверждал: «Да, я признаю себя виновным в „потакательстве“, которое выразилось в том, что я допускаю *такие* заявления, как в „Mercure de France“. Не оправдываюсь. Потому сочту своим долгом сказать *нет* этим теориям в письме в редакцию „Весов“» (VIII, 202).

² «Мой ответ „Mercure de France“» Чулкова был опубликован в журнале «Перевал» (№ 10, 1907, август, с. 50—51). «В июльском номере „Mercure de France“ появилась статья о „мистическом анархизме“, — писал Чулков. — В этой статье г. Семенов беспристрастно и объективно излагает мои взгляды, и я очень ценю это внимательное отношение уважаемого журнала к „Факелам“ и моим книжкам. Но в той части статьи, где г. Семенов характеризует современные литературные школы и группы, на мой взгляд есть принципиальная ошибка. <...> Г-н Семенов делит представителей нашей новой литературы на три группы: на декадентов, на неохристиан и мистиков-анархистов <...> остается невыясненным вопрос, *что* служит критерием этой классификации — метод ли художественно-поэтических приемов или известное мировоззрение и мироотношение. Благодаря этому смешению двух принципов, можно истолковать „мистический анархизм“ как некоторое литературное течение, претендующее на значение литературной школы. Между тем, это неверно». Далее Чулков приводит те же слова, которые он ниже цитирует в настоящем письме к Блоку.

³ С сокращениями цитируются высказывания Чулкова, приведенные в статье Е. Семенова («Mercure de France», 1907, t. LXVIII, № 242, p. 362, 364).

⁴ «Письмо в редакцию» Блока, датированное 26 августа 1907 г., в котором он выражал несогласие с «тенденциозной схемой» Семенова и заявлял: «...высоко ценя творчество Вячеслава Иванова и Сергея Городецкого, с которыми я попал в одну клетку, я никогда не имел и не имею ничего общего с „мистическим анархизмом“, о чем свидетельствуют мои стихи и проза» (V, 675—676), — было опубликовано в «Весах» (1907, № 8, с. 81). Рукопись его Блок отослал для публикации в «Весах» Белому 26 августа, в сопроводительном письме указав, что специально не упоминает «имени гонимого бедняги Чулкова» (VIII, 205). В тот же день Блок в письме к Чулкову привел текст своего «Письма в редакцию» и сообщил, почему он решил направить его именно в «Весы»: «...глубоко уважаю „Весы“ (хотя во многом не согласен с ними) и чувствую себя связанным с ними так же прочно, как с „Новым путем“. „Весы“ и были и есть событие для меня <...>» (VIII, 206). В этом же письме Блок со всей решительностью заявил: «Подчеркнуть мою несolidарность с мистическим анархизмом в такой решительной форме считаю своим *мистическим долгом теперь*. Мистическому анархизму я никогда не придавал значения, и он был бы, по моему мнению, забыт, если бы его не раздули теперь. Что касается этого раздувания его („Весами“), то на это есть *реальные* причины у них, которые я могу уважать, хотя и не совсем согласен с ними» (VIII, 207). Ср. запись Блока от 20 августа 1907 г.: «Действительно, с мистическими анархизмами в литературу проникла какая-то негодная струя. Отношение к культуре не бережно. <...> Напишу письмо в редакцию „Весов“ по поводу идиотского сообщения „Mercure de France“» (ЗИГ, 97, 98).

⁵ В письме к Чулкову от 17 августа 1907 г., объясняя внутренний смысл своего отмежевания от «мистического анархизма» (подчеркивающего «зыблемость» его души), Блок цитировал стихотворение С. Городецкого «Диавол» (Сергей Городецкий. Перун. Стихотворения лирические и лиро-эпические. СПб., «Орм», 1907, с. 10): «Я же

неподвижность не нарушу
И с высоты не снизойду,
Храня незыблемую душу
В моем неслыханном аду»

(VIII, 204; в оригинале у Городецкого 4-й стих: «В моем невиданном аду»; в принадлежавшем Блоку экземпляре сборника «Перун» (Библиотека ИРЛИ, шифр: 94 5/60) цитированное четверостишие отчеркнуто на полях). Отвечая Чулкову 26 августа на настоящее письмо, в котором идея «незыблемости» связывается с верностью «линии» Вяч. Иванова, Блок вновь подчеркивал: «Я и отказываюсь решительно от „мистического анархизма“, потому что хочу сохранить „душу незыблемой“» (VIII, 205).

⁶ Блок запрашивал адрес Л. Андреева в письме к Чулкову от 17 августа 1907 г. (VIII, 204). Однако с письмом к Андрееву Блок тогда, по всей вероятности, не обратился. Личное знакомство Блока и Андреева состоялось, видимо, 15 сентября 1907 г. (см.: В. Беззубов. Леонид Андреев и традиции русского реализма. Таллин, 1984, с. 228—229).

11. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

«Петербург» 29 августа 1907 г.

Дорогой Александр Александрович!

Я получил из «Золотого Руна» три обширных послания с приглашением принять в нем снова участие¹.

Медлю с ответом только потому, что не знаю Вашего отношения к «Золотому Руну» и ко мне. Очень хочу увидеть Вас. Когда Вы будете в Петер-

бурге? Бога ради, известите меня².

Жму Вашу руку.

Любящий Вас Георгий Чулков

Передайте — пожалуйста — мой привет Любови Дмитриевне.

Мой адрес: Зоологический пер., д. 5.

¹ Чулков вышел из состава сотрудников «Золотого руна» с № 4 за 1907 г. Инициатива приглашения Чулкова возобновить в нем деятельное сотрудничество исходила от секретаря «Золотого руна» Г. Э. Тастевена, оказывавшего в это время решающее влияние на выработку идейной платформы журнала и стремившегося, после разрыва «Золотого руна» с «Весами» в августе 1907 г., к установлению прочного союза с петербургскими модернистами — в частности с Вяч. Ивановым, Блоком и Чулковым. 20 августа 1907 г. редактор-издатель «Золотого руна» Н. П. Рябушинский обратился с письмом к Чулкову, в котором выражал надежду на его «активное сотрудничество в создании идейной физиономии журнала»; при этом текст письма — рукой Тастевена, подпись — Рябушинского (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 298). Редакция «Золотого руна» рассчитывала обрести в лице Чулкова деятельного полемиста, способного вести активную борьбу с «Весами». См. также письма Тастевена к Чулкову, относящиеся к концу августа — началу сентября 1907 г. (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 297—302). Переписка Тастевена с Блоком этого же времени, безусловно также затрагивавшая вопросы реорганизации «Золотого руна», по всей вероятности, не сохранилась.

² 4 сентября Блок отвечал Чулкову: «Ваше письмо мне только что переслали из Шахматова. Приехать-то мы приехали, но сидим в какой-то отчаянной конуре в ожидании квартиры, которую нашли на Галерной, 41, кв. 35. (...) Конечно, господа, соглашайтесь на приглашение „Руна“. Почему Вы медлите ответом? Отношения мои к Руно пока — прежние, пишу критику. И к Вам я совсем не изменился (...) я по-прежнему „лично“ отношусь к Вам с нежностью, а к мистическому анархизму — отрицательно» («Письма Александра Блока», с. 145). Чулков сообщает в своих комментариях к этому письму: «...заведующий редакцией Генрих Эдмундович Тастевен, по соглашению с издателем, обратился к Г. И. Чулкову с предложением вновь составить редакцию и пригласить сотрудников. От непосредственного редактирования „Золотого руна“ Г. И. Чулков отказался, по нежеланию переезжать в Москву, но изъявил согласие на руководство журналом, оставаясь в Петербурге» (там же, с. 169). Говоря о «руководстве» «Золотым руном», Чулков несколько преувеличивает собственную роль в делах журнала; переговоры относительно «руководства» «Золотым руном» велись осенью 1907 г. не с ним, а с Вяч. Ивановым, который уклонился от выполнения этой обязанности (ср.: ЛН, т. 92, кн. 3, с. 302). Однако с осени 1907 г. Чулков становится ведущим сотрудником «Золотого руна» и оказывает определяющее воздействие на его идейно-эстетическую линию и полемическую тактику. О возвращении в состав сотрудников «Золотого руна» «ввиду реорганизации редакции» и «изменения программы журнала» Чулков заявил в коллективном письме в редакцию, подписанном также Л. Андреевым, И. Бунным и Б. Зайцевым («Золотое руно», 1907, № 7-8-9, с. 160).

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

Фотография с дарственной надписью

Г. И. Чулкову, 1907

Литературный музей, Москва

12. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

(Петербург. 17 сентября 1907 г.)

Дорогой Александр Александрович!

Устраивается журнал «Луч». Кажется, это будет приятный журнал. Я в нем пока не участвую, потому что его редактор полемизировал с «Товарищем» — и мне неудобно сейчас выступать в этом журнале, но люди «независи-

мые» — по-моему — могут там работать¹. Сологуб дал сказочку². Дайте им стихотворение³.

Любящий Вас Георгий Чулков

17 сентября 1907 г.

¹ Имеется в виду издатель журнала «Луч», публицист Самуил Соломонович Зусман (псевдоним: Гарт; 1880—?), редактором журнала была обозначена Н. П. Боровская. «Товарищ» — петербургская газета либерального направления, издававшаяся экономистом и публицистом Л. В. Ходским; Чулков постоянно публиковал в ней театральные рецензии. С газетой «Товарищ» Зусман полемизировал в политических статьях, которые публиковал в 1907 г. в петербургской газете «Слово»: «Конституции или севрюжины» (№ 136, 29 апреля; подпись: Гарт), «По поводу победы большевиков на лондонском съезде» (№ 159, 27 мая; подпись: Гарт), «Справедливое признание „Товарища“» (№ 162, 31 мая; подпись: Г.), «Нездоровый и здоровый социал-демократизм» (№ 218, 5 августа; подпись: С. Г.), «Знаменательные резолюции» (№ 220, 8 августа; подпись: С. Г.), «Укрепление Думы» (№ 229, 18 августа, подпись: С. Гарт) и др. Кроме того, в газете «Слово» в 1907 г. постоянно помещались анонимные редакционные статьи, содержавшие полемику с «Товарищем», к сочинению которых Зусман также мог иметь прямое отношение.

Хлопоча о судьбе журнала «Луч», Г. И. Чулков писал также Конст. Эрбергу 5 октября 1907 г.: «Опять у меня — Сем(ен) Сем(енович) Гарт, уверяет, что первый номер вышел неудачным по недоразумению, согласен предоставить Вам все культурные отделы. Попробуйте взять на себя *общую* редакцию этих отделов: может быть, что-нибудь и выйдет из этого журнальчика (...). Поставьте журнал на ноги: тогда, быть может, и я войду в него через некоторое время» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 285).

² В № 1 «Луча» (1907, октябрь, с. 7—9) была помещена «сказочка» Ф. Сологуба «А третий — Дурак», в № 2 (1907, октябрь, с. 4) — его же стихотворение «День сгорал, недужно бледный...».

³ В журнале «Луч» Блок опубликовал стихотворения: «Я ухо приложил к земле...» (№ 1, с. 6), «Ты не пленишь. Не жди меня...», «Травы спят красивые...» (№ 2, с. 14—15), статью «Пробуждение весны» (о пьесе Ф. Ведекинда) (№ 1, с. 12—14) и прозаический этюд «Сказка о той, которая не поймет ее» (№ 2, с. 4—8). Общение Блока с редакцией «Луча» завязалось сразу же после получения письма Чулкова. 20 сентября 1907 г. Блок сообщал матери: «Появился на моем горизонте новый тип подобострастных людей: сейчас ушел приходивший второй раз редактор нового журнальчика „Луч“ (...), который кланяется чуть не в пояс, говорит на каждую фразу „спасибо“ и оставляет денежные авансы» (VIII, 207). Издание «Луча» прекратилось на втором номере. Кроме Блока и Сологуба, в журнале участвовали М. А. Кузмин, А. Н. Толстой, Я. В. Гордин; Гарт помещал в нем передовые политические статьи.

13. БЛОК — ЧУЛКОВУ

⟨Петербург.⟩ 8.XII.07.

Дорогой Георгий Иванович.

Очень прошу Вас — нельзя ли напечатать в «Факелах» вот это объявление? Оно — тоже творческое¹.

Ваш Ал. Блок

¹ В альманахе «Факелы» (кн. 3. СПб., изд-во Д. К. Тихомирова, 1908), вышедшем в свет в январе 1908 г., никакого объявления, имеющего прямое отношение к Блоку, не было помещено.

14. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

⟨Петербург. 24 мая 1908 г.⟩

Дорогой Александр Александрович!

У меня сидит Сологуб и сейчас придет Кузмин. Очень желаем Вас видеть. Мы послали записку Валентине Андреевне. Может быть, и она придет¹.

Ваш сердечно

Георгий Чулков

24 мая 1908 г.

Ждем Вас до 10½ часов. Или предупредите по телефону.

¹ О взаимоотношениях Блока с Валентиной Андреевной Шеголевой см.: «Блок и В. А. Шеголева». Сообщение Е. Ю. Литвин и С. С. Гречишкина. — ЛН, т. 92, кн. 3, с. 850—856. Шеголева была приятельницей Н. Г. Чулковой.

Маловероятно, что Блок откликнулся не предложению Чулкова. Этим же днем датировано письмо Блока к Щеголевой, из которого можно заключить, что он стремился тогда избежать встреч с нею: «Если бы Вы знали, как я *не могу* сейчас, главное — внутренне не могу: так сложно и важно на душе. Сегодня получил Ваше письмо и думал; но — не могу, право, поверьте. И еще — я, должно быть, уеду на той неделе в деревню» (VIII, 242). В записи об этом вечере в дневнике М. А. Кузмина (от 25 мая) о Блоке нет упоминаний: «Был у Чулковых; с ним заходил к Сологубу» (ЦГАЛИ, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 53, л. 203; сообщено К. Н. Суворовой).

15. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

⟨Петербург. 27 мая 1908 г.⟩

Дорогой Александр Александрович!

А я — ведь — был в 1½ у Доминика! ¹ Что же Вы?

Бога ради, поскорее возвратите мне сегодня рукопись и книжку.

Я завтра должен сдать рукопись в редакцию, а мне еще надо ее кончить и переписать ².

Любящий Вас Георгий Чулков

27 мая 1908 г.

¹ Написано после назначенной, но несостоявшейся встречи с Блоком. Имеется в виду ресторан «Доминик» (Невский пр., 24).

² Либо в ответ на настоящее письмо, либо еще до его получения Блок отправил Чулкову полупутливое письмо, датированное тем же днем («27 мая 1908 года»): «Извините, что вчера в припадке умиоуступления, вызванного нетрезвым состоянием, я: 1) самовольно похитил тот ладан, на который Вы дышали, и сделал на нем несоответствующую надпись, — а также — все Ваши имена, отчества, фамилии и сметы приходов, расходов и обоев, 2) самовольно уснул в 12 часов и не явился в срок, назначенный мною в ресторацию. <...> Упомянутые предметы прилагаю при сем» («Письма Ал. Блока», с. 146). Судя по текстам обоих писем, Блок накануне захватил с собою творческую рукопись Чулкова, предназначавшуюся для публикации, и его записную книжку.

16. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

СПб. 9 июня 1908.

Дорогой Александр Александрович!

Я теперь совсем пайнька. Очень мало пью, почти не каламбурю и прилежно сочиняю повесть ¹. Но в тот последний вечер, когда мы пили кианти — это была не последняя бутылка: и Ваши предчувствия относительно моих штанов оправдались: все по-прежнему ².

Как Ваш роман? Убедили ли Вы Вашего возлюбленного, что Вы не Дора? Или он по-прежнему уверен в том, что Вы не Вы? ³

Что нового в Петербурге? Ничего: газеты уверяют, что Чулков заключил с Блоком блок и они вдвоем «фланируют» по Летнему саду ⁴.

Архаично! — А в «Утре» (понедельник) какая-то сволочь — Петроний — пишет ⁵:

Точно так же Тарасов не представляется мне стоящим в слишком большом отдалении от К. Бальмонта, а Георгий Чулков от Блока, когда пишет о своей героине, что она «черной верой крещена». Потому что у Блока еще раньше спрошено:

«Какою верой крещена?»

И если б этот вопрос был обращен к поэзии зачинателя мистико-анархизма, ей пришлось бы стыдливо ответить:

— Блоковской! *

Зная Вашу любовь к «письмам в редакцию» ⁶, уверен, что Вы поспешите с опровержением.

Ну, еще что? Посылаю Вам своего «Архивариуса» ⁷.

А Вы все-таки к первому июлю возвращайтесь с новой Фаиной ⁸. А раньше, пожалуй, и не надо. Днем приходится сидеть дома, но ночи в Петербурге не

* Слова «Точно так ∞ Блоковской!» — текст газетной вырезки, вклеенной в письмо.

хуже, чем в Шахматове. Право! И не потому, что мне хочется «соблазнять, соблазнить»⁹.

Целую Вас.

Любящий Вас Георгий Чулков

Передайте, пожалуйста, мой привет глубокоуважаемой Александре Андреевне.

Письмо направлено в Шахматово, куда Блок приехал 4 июня (см.: ЛН, т. 89, с. 232).

¹ О каком произведении Чулкова идет речь, неясно.

² Блок замечал в ответном письме от 14 июня: «Жаль, что штанов Вы не приобрели. Советую: бывают — вполне терпимые — от 6 до 8 рублей с полтиною» («Письма Ал. Блока», с. 147).

³ Блок отвечал 14 июня: «Романтическому корреспонденту ответить не умею, так как он продолжает уверять, будто я — Дора. Я хотел бы убедить его в том, что я — Ксения, и что у меня большие синие глаза с поволокой и волосы — с синеватым отливом. Но так как я заранее убежден, что он этому не поверит, то кажется переписка наша прервется» (там же, с. 147). Подразумевается эпизод, обозначенный в записи Блока: «Роман в письмах. *Рукавишников*» (ЗК, 107), — литературная игра, проводившаяся по взаимной договоренности Блоком и Иваном Сергеевичем Рукавишниковым (1877—1930), поэтом и прозаиком, близким к символистам. 25 мая 1908 г. Рукавишников прислал Блоку рукопись своего стихотворения «Вешаю свиток в притворе храма...» с сопроводительной запиской: «Здравствуйте, Александр Александрович! Вот Вам начало. Мой адрес пока городской. Как только перееду, напишу. Пожалуйста, и Вы поступите так же. Жму руку. Ваш Иван Р.» («Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 2, с. 396). Приводим в выдержках стихотворение Рукавишникова:

Вешаю свиток в притворе храма.
Читай мольбу мою та, кого жду.
Пусть же придешь ты в молчанье храма,
Сказав душою: — Ищу и найду.
Кто ты будешь — не знаю и знаю.
Ухожу из храма: в храме тоска.
Я мир отвергаю. Я мир проклинаю.
Отзовись. Я жду двойника.
<.....>

Явись. И будь моей, как хочешь.
Двойник! Открой свой Лик Любви.
Мы разрешим с тобой, — ведь хочешь? —
Загадку Смерти и Любви.

Я не знаю тебя.
Но я верю в тебя.
А зову я тебя:
Дора.
Не обманешь меня.
Осчастливишь меня.
Знаю: Ищешь меня,
Дора.

Девять дней протекут. И в забытый храм
Приду я в последний раз.
И увижу: Там этого свитка нет.
И висит там свиток твой.
Появись! Отзовись! Скажи: — Вот я! —

Двойник мой. Двойник мой. Дора моя!
Золотистая...

(Иван Рукавишников. <Соч.> Кн. 10. Стихотворения. М., «Московское книгоиздательство», 1915, с. 102—103). 25-м мая 1908 г. датировано ответное стихотворное послание Блока, опубликованное затем под заглавием «Незнакомка — смертному» с посвящением Ивану Рукавишникову («Лебедь», 1909, № 8, с. 1) и начинающееся строками:

В глубоких сумерках притвора	И вот тебе — ответный свиток
Прочла я длинный свиток твой:	На том же месте, на стене,
Ты — не угадчик. Я — не Дора,	За то, что много страстных пыток
Но страстен голос твой земной.	Ты ведал на пути ко мне.

Впоследствии послание было переработано в стихотворение «В глубоких сумерках собора...» (См.: II, 338—339, 446—448). Ответ Рукавишников на стихотворение «Незнакомка — смертному» — послание «Стихам Александра Блока» («Тебе, незнаемая, нелюбимая...»), содержащее строки:

Каким путем пришла ты в храм
покинутый?
Вела тоска тебя? Вела Любовь?
Иль оскорблен тобою храм покинутый?
И ты — лишь Смех, а не Любовь...

Я звал лучистую...
Я Дору чистую,
Звезду, обещанную небом, звал,
Я обнял огненную, золотистую.
И вот я лед поцеловал.

Ты слишком счастливо, ты слишком радостно
Поешь уверенность свою и власть.
И звон души твоей поет не благостно,
Для той души, которой жить нерадостно,
Для той души, в которой так нерадостно,
Погибла страсть,
Земная страсть.

(Иван Рукавишников. <Соч.> Кн. 10. Стихотворения, с. 145—146). В письме от 14 июня 1908 г. Рукавишников призывал Блока продолжать поэтическую переписку: «Что же это, Александр Александрович! Я получил всего один свиток. Давно-давно. Ответил. Писал Вам, дней 7 назад, уже отсюда, из Островков. Не знаю, где Вы. Советую и прошу поскорее приехать сюда. Скоро бы окончили. Итак, Вас ждет здесь Ваша комната, Нева, лес, тишина. И я. Напишите же. И в а н.» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 387). Письмо Рукавишникова к Блоку от 29 июня 1908 г. содержало повторное приглашение приехать в Островки и ответить на стихотворное послание: «Что это Вы, право, не пишете? Я говорю о той нашей начатой вещи. Без больших промежутков лучше было бы. А так — ослабеет внимание, упадет интерес. Помните, при последней встрече в Петербурге, я просил Вас приехать ко мне. Вы хотели, помнится мне, приехать в июле. Приедете? Напишите. Если надумаете, помните, что здесь у меня места много: друг другу мешать не будем. А в притворе храма всегда можно написать хотя бы несколько строк. Потом яснее станет. Итак, жду письма. И такого, и такого» (там же). Блок, однако, на эти предложения не откликнулся, уже утратив, по всей видимости, интерес к идее стихотворной переписки-мистификации; отношения его с Рукавишниковым после этого эпизода нового развития не получили. Образ Доры воспет Рукавишниковым также в стихотворениях «Накануне счастья жизни...» и «Дора восточная» («В память ушедшей из жизни Доры...»). Возможно также, что с темами поэтической переписки с Блоком соотносится стихотворение Рукавишникова «Ксения». См.: Иван Рукавишников. <Соч.> Кн. 10. Стихотворения, с. 21—22, 86—87, 110.

⁴ Источник сведений не установлен.

⁵ Далее вклеена газетная вырезка — фрагмент из статьи Петрония (псевдоним Петра Моисеевича Пильского (1876—1941), литературного критика и журналиста) «Впечатлительное племя» («Утро», 1908, № 2, 9 июня), в которой разоблачалась подражательность литературной манеры у «большинства современных авторов»; в частности, строки из стихотворения Чулкова «Зачем пришла ко мне в тайгу?...»:

И Темноокая Жена
Там, где белеет сонный иней,
Со мной давно обручена,
И черной верой крещена
В тайге холодной, темносиней

(Георгий Чулков. Весною на север. Лирика. [СПб.], 1908, с. 49), — возводились Пильским к стихотворению Блока «Ушла. Но гиаинты ждали...» (1907):

И, миру должному подвластна,
Меж всех — не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена.

(II, 258).

⁶ Намек на «Письмо в редакцию» «Весов» (см. п. 10, прим. 3) и «Письмо в редакцию» газеты «Свободные мысли», опубликованное 21 января 1908 г. (V, 676), в котором Блок возражал против упоминания его имени в афишах, сообщающих о литературных вечерах. Блок замечал в ответном письме к Чулкову от 14 июня: «Вот свинья — Петроний. Но ведь не стоит писать больше писем в редакцию, это повлечет за собою новые нарекания» («Письма Ал. Блока», с. 147).

⁷ Имеется в виду рассказ Чулкова «Архивариус», напечатанный в газете «Речь» (1908, № 136, 8 июня). Блок отвечал Чулкову 14 июня: «За „Архивариуса“ спасибо, я его еще раньше прочел, здесь получается — „Речь“. Мне очень нравится, а Мария Андреевна говорит, что его сжатость доказывает настоящее мастерство» («Письма Ал. Блока», с. 147; Мария Андреевна — тетка Блока М. А. Бекетова). «Архивариус» вошел в кн.: Георгий Чулков. Соч., т. 1. Рассказы, кн. 1. СПб., «Шиповник», <1911>, с. 154—159. См. также вступ. ст., с. 380.

⁸ Вероятно, подразумевается новая, переработанная редакция пьесы «Песня Судьбы»; первоначальную редакцию Блок читал 4 мая 1908 г. на квартире у Чулкова (см. IV, 579). 14 июня 1908 г. Блок отвечал Чулкову: «Меня уже тянет в Петербург, но раньше 1 июля не приеду (...) я, кажется, так допишу Песню Судьбы» («Письма Ал. Блока», с. 147). То же намерение Блок выражал и в письме к жене от 14 июня (VIII, 243), а 24 июня сообщал ей, что «Песня Судьбы» «кончена вчера» (VIII, 245); см. также письма Блока к жене от 19 и 21 июня 1908 г. (ЛН, т. 89, с. 237—238).

⁹ Намек на заключительную строфу стихотворения Ф. Сологуба «Когда я в бурном море плавал...» (1902) — обращение к дьяволу:

Тебя, отец мой, я прославлю
В укор несправедному дню,
Хулу над миром я восславлю.
И, соблазняя, соблазню.

(Федор Сологуб. Стихотворения. («Библиотека поэта», большая серия). Л., 1975, с. 279).

17. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

⟨Петербург⟩ 11 сентября 1908

Дорогой Александр Александрович!

Высоко ли Ваш земляной диван? ¹ «Пляшет ли веселье»? ² Нет ли у Вас Холеры? А у нас Она очень есть ³.

Говорят, «на почве» алкоголизма развиваются холерные микробы. Sic! Нехорошая «почва»!

Николай Павлович Рябушинский, как Вам известно, стрелялся ⁴. Этот романтизм возбудил во мне живую печаль и нежность. От избытка чувств послал в Руно телеграмму.

Лечусь от холеры красным вином.

Сочинил два рассказа: 1) «Распятые Лилии» ⁵ — 2) «Невеста» ⁶.

Очень хорошие рассказы.

Пришлось взять из «Слова» статью о Вас. Вот так Штильман! ⁷

Любите меня. Любите меня. Любите меня.

Мой привет Любови Дмитриевне и Александре Андреевне!

После 15, вероятно, буду в Москве. Пишите в «Руно» на мое имя.

Жму Вашу руку.

Сердечно Ваш Георгий Чулков

¹ В ответном письме из Шахматова от 18 сентября Блок сообщал: «Земляной диван вырос, порублено много деревьев, земли изрыта и т. д.» (VIII, 254). О строительных работах в шахматовской усадьбе Блок писал и Е. П. Иванову 3 сентября: «Живем хорошо — копаюсь в земле, строю забор, рублю лес» (VIII, 251—252). «Земляной диван» был сооружен Блоком вместе с Любовью Дмитриевной в 1904 г. «В то лето, — вспоминает М. А. Бекетова, — занялись они устройством своего сада. Прежде всего соорудили дерновой диван. Его устроили в углу, где сходились две линии забора. Диван сработан был основательно и вышел очень удобный, широкий, с высокой спинкой. Блоки очень его любили и называли „канapé“ в память стихотворения Болотова „К дерновой канapé“. С боков, по сторонам его, посадили они два молодых вяза, привезенных из Боблова. Деревья эти разрослись очень пышно; через несколько лет они сошлись ветвями и осенили канapé» (М. А. Бекетова. Александр Блок. Биографический очерк. 2-е изд. Л., «Academia», 1930, с. 89). О стихах А. Т. Болотова «К дерновой канapé» Блок упоминает в письме к Брюсову от 23 февраля 1904 г. (VIII, 89). Как сообщает П. А. Жуков в воспоминаниях «Впервые в Шахматове. Лето 1924 года», «дерновой диван» уцелел после разгрома усадьбы («Revue des études slaves». 1982, t. LIV, fasc. 4, p. 748).

² Парафраз строк из стихотворения Блока «Осенняя воля» (1905):

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!

(II, 75)

В статье о поэзии Блока «Снежная Дева» Чулков писал в связи со стихотворением «Осенняя воля»: «Здесь нет славянофильской Руси, что бы ни думал сам поэт. Здесь есть пушкинское «от стихийно-родного к всемирному». Нищий, распеваящий псалмы — сколько здесь мучительной любви к бродяжничеству! (...) Сколько здесь мятежной тоски! И какие открываются надежды! Если поэт сумеет сорвать коварную снежную маску, если он сумеет отделить случайный образ облыстелыницы от первоначального стихийного символа, мы можем возлагать на него нашу надежду» (Георгий Чулков. Соч., т. 5. Статья 1905—1911 гг. СПб., «Шиповник». 1912, с. 52).

³ Ср. фразу в письме Блока к Е. П. Иванову от 13 сентября 1908 г.: «...желаю вам всем быть здоровыми, чтобы миновала вас эта страшная холера (Чулков пишет мне о ней хотя и юмористически, но с большой буквы)» (VIII, 253).

⁴ Н. П. Рябушинский (1876—1951) — редактор-издатель «Золотого руна». «Хорошо ли, что Вы послали телеграмму Рябушинскому? Не было ли ему от этого тяжело?» — писал Блок Чулкову 18 сентября (VIII, 254). 11 сентября 1908 г. газета «Русское слово» сообщала: «Третьего дня, в 12-м ч. ночи, покушался на самоубийство издатель „Золотого руна“ Н. П. Рябушинский (...)» Н. П. Рябушинский стрелялся и ранил себя в бок, задев левое легкое (...) Как в большинстве подобных случаев, молва связывает покушение на самоубийство с расстройством личных дел покушавшегося; 12 сентября та же газета извещала, что здоровье Рябушинского «не внушает опасения». В «Русских ведомостях» указывалось, что «причиной самоубийства послужило неудачное издательство, что сильно расстроило г. Рябушинского» (1908, № 210, 11 сентября). «Подстрелился Н. Рябушинский (...)», — сообщал секретарь „Весов“ М. Ф. Ликиардопуло Брюсову 12 сентября 1908 г. — Причина — безденежье, осталось у него только 10—12 тысяч годового дохода» (ГБЛ, ф. 386, карт. 92, ед. хр. 22).

⁵ Сохранились авторизованная машинопись рассказа «Распятые лилии» (дата под текстом: 1905 г.) и корректура-верстка, датированная октябрём 1908 г. и предназначавшаяся, судя по шрифтовым особенностям, для «Золотого руна» (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 110, л. 5—19). В «Золотом руне» этот рассказ, затрагивающий в условно-символической форме тему революции и последующего контрреволюционного террора, напечатан не был; по всей вероятности, он так и остался неопубликованным.

⁶ Рассказ «Невеста» был опубликован в «Новом журнале для всех» (1908, № 1, ноябрь, с. 21—43), вошел в кн.: Георгий Чулков. Соч., т. 1. Рассказы, кн. 1, с. 111—138.

⁷ Статья Чулкова о Блоке «Снежная Дева» была опубликована в «Золотом руне» (1908, № 10, с. 51—54; подпись: Борис Кремнев), вошла в кн.: Георгий Чулков. Покрывало Изида. Критические очерки. М., 1909, с. 81—90; Георгий Чулков. Соч., т. 5. Статьи 1905—1911 гг. СПб., «Шиповник», 1912, с. 46—53. Григорий Николаевич Штильман (1877—1916) — юрист и публицист, один из редакторов петербургской газеты «Слово»; был лично знаком с Блоком и Чулковым.

18. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

(Москва. 2 октября 1908 г.)

Дорогой Александр Александрович!

Простите великодушно, что до сих пор не вернул Вам долга ¹.

Меня надул журнал «Северное сияние», откуда я должен был получить деньги ². Верну Вам мой долг лишь недели через две: надо мобилизовать всю армию!

Мой адрес: Москва, у Арбатских ворот, меблир(ованные) комн(аты) Счастливой. Останусь здесь еще на месяц.

«Золотое Руно», вероятно, будет издавать мою книгу критических статей ³.

Если Вы еще не уехали в Петербург, приезжайте ко мне, в Москву. Москва может быть фантастической в иные ночи.

Жду от Вас вестей!

Любящий Вас нежно и верно

Георгий Чулков

2 октября 1908.

Статью о Вас напечатаю в «Руне» ⁴.

¹ Блок отвечал Чулкову 4 октября из Петербурга по возвращении из Шахматова: «...Ваше письмо получил я на станции, уезжая. Не беспокойтесь о долге, пожалуйста, и отдайте его лишь тогда, когда Вам будет не трудно» (VIII, 255).

² В московском ежемесячном иллюстрированном журнале «Северное сияние» тогда печаталось стихотворение Чулкова «Слова» («Слова и облачны, и лживы...») (1908, № 1, ноябрь, с. 80).

³ Речь идет о книге статей Чулкова «Покрывало Изида», вышедшей в свет в издании «Золотого руна» в ноябре 1908 г. Переговоры о ее издании велись с лета 1908 г. Так, 15 августа 1908 г. секретарь «Золотого руна» Г. Э. Тастевен писал Чулкову: «Николай Павлович несколько колеблется относительно издания (...) Мне лично очень хотелось бы видеть Вашу книгу в издании „Золотого руна“, это очень утвердило бы нашу позицию» (ГБЛ, ф. 371, карт. 4, ед. хр. 69).

⁴ См. п. 17, прим. 7.

19. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

<Москва.> 7 октября 1908.

Милый и дорогой Александр Александрович!

Остаюсь в Москве еще недели на три¹: печатаю в изд(ании) «Золотого Руна» книгу критическ(ых) очерк(ов) «Покрывало Изида» (увы! совсем без денег пока)². Но, кажется, что это лишь внешний повод, чтобы остаться здесь. При-знаюсь, я несколько влюбился в эту провинциалку-Москву и в ее невинный разврат. Что-то есть в ее тупиках, горбатых переулках и кремлевских стенах — какая-то безысходная сладость³.

Как жаль, что Вас здесь нет. Я нашел здесь странных и красивых людей, которые не боятся вдыхать эфир. И это ребяческое преступление покорило мое слабое и пьяное сердце...⁴

Но днем я все-таки работаю и успел написать еще один рассказ — «Белая Криница»⁵.

Очень люблю Вас.

Георгий Чу л к о в

Белый недавно ходил по залам литер(атур)н(ого) кружка и говорил всем встречным, что он ищет Г. И. Чулкова, чтобы мириться, и что он чувствует себя виноватым. Я надеюсь, что он был пьян⁶.

Пишите мне!

Адрес: Воздвиженка, меблир(ованные) комн(аты) Счастливой. Передайте, пожалуйста, мой привет Любви Дмитриевне.

¹ Блок спрашивал Чулкова в письме от 4 октября: «Отчего Вы так долго в Москве? (...) Есть ли что-нибудь хорошее или таинственное в Вашем пребывании в Москве? Или только дела? Возвращайтесь, не пропадайте. (...) Напишите мне еще, пожалуйста» (VIII, 255).

² См. п. 18, прим. 3.

³ Косвенным откликом на эти признания Чулкова можно считать слова Блока в письме к нему от 7 ноября 1908 г.: «Московские северные сияния слишком общедоступны, а московские лебеди — какие-то кривоносые. Ведь ибсеновские „королевские мысли“ рождаются все-таки в Петербурге, и настоящая северная чума свирепствует здесь. В Москве ужасно, должно быть, уютно, а поистине неприятно — здесь» (VIII, 260; в тексте содержится намек на журналы «Северное сияние» и «Лебедь», начатые изданием в Москве осенью 1908 г.).

⁴ Это пристрастие Чулкова нашло отражение в его рассказе «Сентябрь», опубликованном в «Золотом руне» (1908, № 11-12, с. 50—55) и вошедшем в сб. Чулкова «Рассказы» (кн. 1. СПб., «Шиповник», 1909); см. также: Георгий Чу л к о в. Соч., т. 1. Рассказы, кн. 1, с. 160—172. В письме к А. А. Кублицкой-Пиоттук от 12 ноября 1908 г. Л. Д. Блок сообщала, что в Петербург только что возвратился Чулков, «нахулиганивший в Москве, вплоть до нюханья эфира и ссор в ресторанах» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 338); в примечаниях к этому письму (с. 339) ошибочно указано, что «московский опыт» Чулкова с вдыханием эфира лег в основу его рассказа «Ева» и что этот рассказ был опубликован в «Золотом руне» в 1909 г.; см. п. 22, прим. 2.

⁵ Рассказ «Белая Криница» был опубликован в журнале «Лебедь» (1908, № 2, с. 7—12); вошел в сб. Чулкова «Рассказы» (кн. 1). См. также: Георгий Чу л к о в. Соч., т. 1. Рассказы, кн. 1, с. 94—103.

⁶ Личные отношения между Андреем Белым и Чулковым были разорваны в результате резких полемических нападок Белого на теорию «мистического анархизма» и непосредственно на Чулкова. Много позднее Белый признавался: «Я в этой полемике был особенно ужасен, несправедлив и резок (...) стал для меня «Чулков» — символом; полемизировал я не с интересным и безукоризненно честным писателем, а с «мифом», возникшим в моем воображении» (Андрей Б е л ы й. Начало века. М.—Л., 1933, с. 387—388). В ответном письме от 10 октября Блок замечал: «Что касается Белого, то, думаю, что ему всерьез взбрело в голову, что он должен помириться с Вами. Но, вероятно, не надолго. Ах, какой запутавшийся человек» («Письма Ал. Блока», с. 146). Примирение между Белым и Чулковым тогда не состоялось.

20. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

<Петербург.> 5 декабря 1908.

Дорогой Александр Александрович!

Пожалуйста, зайдите ко мне сегодня вечером и, если можн(о), принесите Ваш реферат о народолюбии, дабы я мог подготовиться к ответу¹. Или, по крайней мере, принесите Ваши тезисы: я что-то не очень их припоминаю, грешен. Может

быть, сегодня вечером у нас будет Вера Евгениевна Копельман² — и больше никого. Пожалуйста, приходите³. Я не зашел к Вам сейчас, потому что чувствую себя туберкулезно.

Кланяюсь Любви Дмитриевне.

Любящий Вас Георгий Чулков

¹ Имеется в виду текст доклада Блока, прочитанного 13 ноября 1908 г. в петербургском Религиозно-философском обществе и опубликованного под заглавием «Россия и интеллигенция» в «Золотом руне» (1909, № 1, с. 78—85). Первоначальный вариант заглавия — «М. Горький и народ (по поводу „Исповеди“ Горького)» (V, 742). В сборнике Блока «Россия и интеллигенция» (М., «Революционный социализм», 1918; изд. 2 — Пб., «Алконост», 1919) доклад напечатан под заглавием «Народ и интеллигенция» (см. V, 318—328). Доклад вызвал оживленную полемику на следующем заседании Религиозно-философского общества 25 ноября (V, 743) и был повторен 12 декабря в петербургском Литературном обществе (под заглавием «Обожествление народа в литературе», которое дал С. А. Венгеров), в прениях участвовал Чулков. Именно это заседание подразумевает Чулков в своем письме. Свои возражения Блоку Чулков изложил в статье «Memento mori» («Речь», 1908, № 315, 22 декабря). Подробнее о содержании полемики между Блоком и Чулковым см. во вступ. статье, с. 383—384.

² Вера Евгеньевна *Беклемишева* (в замужестве *Копельман*, 1881—1944) — жена С. Ю. Копельмана, одного из владельцев издательства «Шиповник»; секретарь «Шиповника», писательница, переводчица. Воспоминания ее о Блоке («Встречи») см. в работе Р. Б. Заборовской «Новое об Александре Блоке» («Книги. Архивы. Автографы». Обзоры, сообщения, публикации. М., 1973, с. 42—56).

³ 6 декабря 1908 г. Блок писал матери о встрече накануне: «... скучал у Чулковых с Городецкими и Копельманами» («Письма к родным», I, с. 237).

21. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

(Петербург. 21 февраля 1909 г.)

Милый Александр Александрович!

Как здоровье Любви Дмитриевны? ¹ Не можете ли Вы зайти ко мне? Я буду рад Вас видеть.

Ваш сердечно Георгий Чулков

21 февраля

Я был у Вас вместе с Верой Евгениевной, которая вас приветствует.

Мой адрес: Лиговка, «Версаль»².

П р и п и с к а В. Е. К о п е л ь м а н :

Георгий Иванович похитил меня из «Шиповника» и завез к Вам, теперь везет дальше куда-то. Прислуга Ваша говорит, что Любовь Дмитриевна лучше. Очень радуюсь за вас обоих. Жму руку.

В. Е.³

¹ 2 февраля 1909 г. родился, а 10 февраля умер сын Л. Д. Блок Дмитрий. 3 февраля 1909 г. Н. Г. Чулкова отправила Блоку письмо:

«Дорогой Александр Александрович, Пожалуйста, сообщите нам, как здоровье Любви Дмитриевны. Городецкий говорил Георгию, что Любовь Дмитриевна уже четыре дня в больнице.

Жму Вашу руку. Н. Чулкова»

(ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 456). Блок отвечал в тот же день:

«3 II <19>09.

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Григорьевна.

Вчера утром у Любы родился мальчик. Пока все слава Богу. Боли были ужасные — трое суток.

Преданный Вам Александр Блок.

Хочу зайти к Вам на днях. Георгия Ивановича приветствую». (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 446; на письме примечание Н. Г. Чулковой: «Александр Александрович Блок, не застав меня дома, оставил эту записку о рождении мальчика Мити (...»).

² Меблированные комнаты «Версаль» (Лиговская ул., 35). 20 февраля 1909 г. Чулков сообщал А. Л. Волюнскому: «Живу я теперь на Лиговке, в „Версале“» (ИРЛИ, ф. 673, ед. хр. 125).

³ В. Е. Копельман в воспоминаниях о Блоке сообщает: «Очень жаль, что большое на восьми страницах письмо Алек[сандра] Александровича ко мне погибло вместе со всем архивом изд. „Шиповник“» — и делает примечание: «Письмо А. Блока было написано в ответ на

мое письмо по поводу болезни Л(юбови) Д(митриевны) и смерти ребенка» («Книги. Архивы. Автографы», с. 53). Писем В. Е. Копельман в архиве Блока не имеется; впрочем, не исключено, что мемуаристка подразумевала лишь воспроизводимую здесь приписку к письму Чулкова.

22. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

Томилино. 17 марта 1909.

Милый Александр Александрович!

Я сегодня люблю Вас. Напишите мне о себе. Я живу под Москвой, в уединении: сосны, снег и ни единого человека¹. Только дровосеки стучат. Встаю в семь часов утра, иду через поле, в деревню: глазам больно от снежного сияния.

Пишу рассказ — «Ева»².

«Полуночного света» Мережковские испугались. Ах, какие нехрабрые! Ах, какие немудрые! И ничего-то не поняли...³

Кланяюсь Любови Дмитриевне. Как ее здоровье?

Дружески жму Вашу руку.

Любящий Вас Георгий Чулков

Пишите мне по адресу «Золотого Руна»⁴.

¹ Ср. письмо Чулкова к Конст. Эрбергу от 2 апреля 1909 г.: «Живу я с Над(еждой) Григ(орьевной) на даче в Томилине. Сосны, снег, пустыньность <...> Скоро нас удалят из Томилино. Буду, вероятно, томиться не в Томилине, а в Москве»; 9 апреля он извещал Эрберга, что «теперь переехал в Москву — на месяц, вероятно» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 285).

² Рассказ «Ева» был опубликован в газете «Правда живая» (1909, № 18, 31 марта), вошел в кн.: Георгий Чулков. Рассказы, кн. 2, СПб., «Шиповник», (1910), с. 145—164.

³ Свой рассказ «Полуночный свет» Чулков читал 31 января 1909 г. в Петербурге на квартире Е. Е. Лансере (см. письмо Чулкова к Конст. Эрбергу от 30 января 1909 г. — ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 285). По всей вероятности, Чулков предложил «Полуночный свет» для публикации в журнале «Русская мысль», где в 1909 г. беллетристическим отделом заведовал Д. С. Мережковский, но рассказ был отвергнут. 9 апреля 1909 г. Чулков сообщил Конст. Эрбергу: «Я теперь работаю над „Полуночным светом“: пишу его заново. Кажется, теперь выходит лучше» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 285); на следующий день, 10 апреля, он писал публицисту И. В. Жилкину: «Я жил под Москвой — в уединении, зарывшись в сугробах, среди сосен. Работал. Заново написал „Полуночный свет“, первоначальную редакцию которого слышала Зинаида Андреевна» (ЦГАЛИ, ф. 200, оп. 1, ед. хр. 95; упоминается З. А. Жилкина, жена И. В. Жилкина). «Полуночный свет» опубликован в кн.: Георгий Чулков. Рассказы, кн. 2, с. 77—117. «Испуг» Мережковских Чулков объяснял, видимо, тем, что «Полуночный свет» был полон аллюзий из современной петербургской литературной жизни (неясно, были они усилены или смягчены при переработке рассказа). В образе одного из героев рассказа, известного писателя Сергея Савинова, отразились черты Вяч. Иванова, молодой жены Савинова Людмилы — жены Иванова Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, друга Савинова Анны Николаевны Калиновской — теософки Анны Рудольфовны Минцловой, близкой к кругу Иванова; в квартире Савиновых происходят собрания литературных знаменитостей по пятницам — аналогично «средам» на «башне» Вяч. Иванова; писатель Иван Иванович Кассандров, говорящий о «параличе церкви» и о необходимости связи религии с общественной борьбой, в схематическом виде излагает идеи Д. С. Мережковского (там же, с. 94—95), и т. д.

⁴ Блок ответил Чулкову с опозданием — письмом, датированным апрелем 1909 г., в котором извещал о намерении вскоре уехать в Италию (VIII, 282). Чулков получил его не позднее 9 апреля: в этот день он сообщил Конст. Эрбергу о «хорошем письме» от Блока (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 350).

23. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

(Углич.) 4 июля 1909.

Дорогой Александр Александрович!

В Италии Вы или где? И как живете?¹

Я вот уже три недели в Угличе. Здесь тишина, старина, бор сосновый, Волга... Церквей больше, чем жителей. Иногда за обедней, кроме священника, ни души. Какие здесь восходы! Какие закаты!² Одно плохо — луна. Мучает меня: по ночам сам не свой. Вас я люблю нежно. Привет Любови Дмитриевне.

Георгий Чулков

P. S. Скоро еду по Волге³.

Открытка. На обороте — фотографический снимок: Углич. Храм Воскресения Христова. Упраздненный монастырь.

¹ Письмо отправлено в Шахматово. Из заграничной поездки Блок вернулся 21 июня, 29 июня уехал в Шахматово.

² В очерке «Вчера и сегодня. Листки из дневника», рассказывая о том, как он встретил начало мировой войны в швейцарском санатории, Чулков написал: «Я почему-то вспомнил об Угличе, закрыл глаза, и передо мною развернулась широкая даль, Волга, замаячили паруса, златоглавые церковки засияли на синем небе. Боже мой! Какая печаль около этих угличских церквей! Все они воздвигнуты, должно быть, «на крови», как та, что во имя царевича «убиенного»» («Народоправство», 1917, № 6, 9 августа, с. 4).

³ Путешествие Чулкова по Волге было непродолжительным; 12 июля 1909 г. он уже сообщал жене, что приехал в Киев (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480). 16 сентября 1909 г. Чулков писал П. Е. Щеголеву: «Я скитался по России — по Волге, Днепру и всяческим иным местам» (ИМЛИ, ф. 28, оп. 3, ед. хр. 497).

24. БЛОК — ЧУЛКОВУ

⟨Петербург. 21 декабря 1909 г.⟩

Дорогой Георгий Иванович.

Вчера я лежал в постели в жару, оттого Вас и не впустили. Только что вернулся, как простудился ¹. Как только поправлюсь, опять уеду — в Ревель ². Очень трудные дела.

Ваш Ал. Б л о к

21 XII

¹ Письмо написано по возвращении из Варшавы, где 1 декабря скончался А. Л. Блок, отец поэта. В тот же день Блок писал М. А. Кузмину: «...только что вернулся из Варшавы, болен, и очень тяжело в семье» («Блоковский сб.», 2, с. 362); матери: «...я приехал из Варшавы третьего дня утром с бронхитом и вчера даже лежал <...> надо будет высидеть дома, что меня даже устраивает, потому что, по правде сказать, здесь я не имею особенного желания видеть кого-либо» («Письма к родным», I, с. 295).

² В тот же день Блок писал матери: «В Ревель (т. е. не в Ревель, а к вам) очень хотим приехать мы оба» — т. е. вместе с женой («Письма к родным», т. I, с. 295). 28 декабря Блок сообщал в письме к матери: «Я еду завтра вечером <...> и, значит, буду в Ревеле 30-ого утром, в 10 часов. Люба на следующий день» (там же, с. 300).

25. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

⟨Нескучное.⟩ 23 мая 1910.

Дорогой Александр Александрович!

Только сегодня получил Ваше письмо. Я — в деревне. Мой адрес: село Нескучное, Харьковской губернии, Харьковского уезда, Веселовской волости, имение Лансере ¹.

Здесь хорошо: цветет белая акация; поют соловьи, как сумасшедшие, днем и ночью; люди вокруг милые, тихие, нежные... Сейчас была гроза, и сад так благоухает, что голова кружится ².

Старая усадьба наша стоит на берегу речки Муромки, в коей водятся огромные щуки; а по ту сторону речки — вишневый сад. Там хутор художницы Серебряковой ³.

Что Вы теперь делаете, милый Александр Александрович? Я езжу верхом (и прескверно), играю недурно в лаун-теннис и сочиняю повесть ⁴. А по вечерам, когда все спят, читаю «La Divina Commedia» ⁵.

Мой привет Любови Дмитриевне!

Любящий Вас нежно Георгий Чу л к о в

Ответ на письмо Блока от 9 мая 1910 г., посланное из Шахматова в Петербург («Письма Ал. Блока», с. 150).

¹ Нескучное — усадьба в 30 верстах от Харькова, принадлежавшая семье Лансере. Чулков и Н. Г. Чулкова были близко дружны с семьей Лансере, в том числе и с художником Е. Е. Лансере. «Два-три года я часто встречался с этой семьей и даже одно время жил в квартире доброй и гостеприимной Екатерины Николаевны Лансере, урожд. Бенуа, на улице Глинка, против Николая Морского», — вспоминает Чулков («Годы странствий», с. 201).

² 15 мая 1910 г. Чулков писал Конст. Эрбергу: «Я — в имении Лансере, — село Нескучное <...> Поют петухи, жаворонки, лягушки, соловьи... Такая трескотня и гомон! А тут еще

Друзьям
 Александру Александровичу Блоку
 «В зимней тишине бала»,
 впрямь и потопом
 Георгий Чулков
 1911

Друзьям
 Александру Александровичу Блоку
 «В зимней тишине бала»,
 впрямь и потопом
 Георгий Чулков
 1912.

М. IV, Стихи — Чулков,
 Г. Чулков.

М. V, Стихи — Чулков, Г. Чулков.

ТИТУЛЬНЫЕ ЛИСТЫ ТОМОВ III, IV И V СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ Г. И. ЧУЛКОВА. М., 1911—1912 гг. С ДАРСТВЕННЫМИ НАДПИСЯМИ АВТОРА И ПОМЕТАМИ БЛОКА. См. и с. 415

Центральный архив литературы и искусства, Москва

заливаются хохлушки. Страна веселая. А какие запахи! Одним словом, я принимаю мир» (ИРЛИ. ф. 474, ед. хр. 285).

³ Художница Зинаида Евгеньевна Серебрякова (1884—1967), сестра Евгения Евгеньевича Лансере, жила в Нескучном с весны 1906 г. почти безвыездно. Чулков познакомился с нею летом 1910 г. См.: «Годы странствий», с. 202—203. В 1911 г. в Нескучном она выполнила портрет Н. Г. Чулковой (см.: В. П. Князева. Зинаида Евгеньевна Серебрякова. М., 1979, с. 58—60), в 1910 г. — портрет Г. И. Чулкова (воспроизведен на фронтисписе в кн. Чулкова «Годы странствий»).

⁴ Речь идет, видимо, о повести «Дом на песке», опубликованной в журнале «Новая жизнь» (1910, № 1, с. 37—92, 1911, № 2, с. 64—88, № 3, с. 305—360) и вошедшей в кн.: Георгий Чулков. Соч., т. 3. Повести и рассказы. СПб., «Шиповник», 1911.

⁵ «Божественная комедия» Данте.

26. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

⟨Москва. 6 января 1911 г.⟩

Милый Александр Александрович!

Пришлите мне бога ради Вашу новую книгу! ¹ Я живу уединенно и молчаливо. В Петербурге буду в начале января ². Мой адрес: Плющиха, Грибоедовский пер., д. 8, кв. д-ра Четверикова. Как живете Вы и Ваша поэма? ³ Любящий Вас неизменно

Георгий Чулков

Открытка с фотоснимком Тайницкой башни Кремля. Датируется по почт. шт.

¹ Возможно, что просьба Чулкова не подразумевает какого-либо определенного издания: «новой книги» Блока к этому времени не было напечатано. Ср.: ЛН, т. 92, кн. 3, с. 139.

² Чулков посетил Блока в Петербурге 16 января. На следующий день Блок писал матери: «Вчера прибежал Чулков, сидел весь день; это не было трудно, как я думал. Я ему сказал, как относиться к его литературе и к его порханию над жизнью, он принимал это, не обижаясь» («Письма к родным», т. II, с. 412).

³ Имеется в виду поэма Блока «Возмездие», истоки замысла которой восходят к декабрю 1909 г. 7-м июня 1910 г. датированы первые наброски поэмы в записной книжке, августом-сентябром 1910 г. — черновик первой редакции поэмы («Отец»); в январе 1911 г. Блок написал так называемую «вторую редакцию» третьей главы, которая по первоначальному плану мыслилась как самостоятельное произведение («Возмездие (Варшавская поэма)»). См.: Александр Блок. Собр. соч., т. 5. Изд-во писателей в Ленинграде, 1933, с. 164—181, 217 (редакция текста Иванова-Разумника).

Милому
Александру Александровичу
Блоку
с любовью дружески
и нежно
Георгий Чулков
1911.

М. 10, Коллеж - рюа, 63.

27. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

〈Париж. 7/20 мая 1911 г.〉 63. Rue Monsieur
le Prince¹.

Дорогой Александр Александрович!

Париж не только французский город: он и наш русский (не потому, конечно, что здесь много «соотечественников»), а по существу, по традиции, по 1789 и по 1848 гг. * Все камни и картины, театры и небо, Сена и кафе — все это наше, необходимое, печальное и милое, предсмертное и влекущее². Приезжайте сюда, дорогой. Обнимаю Вас нежно.

Георгий Чулков

Привет Любови Дмитриевне.

Над〈сжда〉 Григ〈орьевна〉 кланяется.

Открытка. На обороте — репродукция картины: Puvris de Chavannes. Pauvre pêcheur. Musée de Luxembourg, Paris.

Датируется по почт. шт.: Paris. 20.5.1911.

¹ Чулков уехал в Париж 21 апреля/4 мая 1911 г. Н. Г. Чулкова жила там с марта 1911 г. Сообщаемый адрес — Hôtel de l'Univers.

² Впечатления Чулкова от пребывания в Париже в 1911 г. отражены в его очерках, объединенных под заглавием «Письма из Парижа» (Георгий Чулков. Вчера и сегодня. Очерки. М., «Северные дни», 1916, с. 114—134). Частично «Письма из Парижа» вошли в книгу Чулкова «Годы странствий» (с. 247—259).

28. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

Париж. 〈13〉/26.VI.1911.

Дорогой Александр Александрович!

Бога ради, приезжайте в Париж. Это необходимо¹. И жары здесь нет никакой и не будет. Какие здесь темные каштаны! Какие камни седые и «видавшие виды»! И как благоуханны леса вокруг Парижа! Обнимаю Вас нежно и люблю.

Георгий Чулков

63, rue Monsieur le Prince.

Открытка. На обороте репродукция — барельеф с изображением Леды (XVI в.), Musée de Cluny. Почт. шт. получения: 16.6.11.

¹ Ср. письмо Чулкова к Говст. Эрбергу от 9 июня 1911 г.: «Вот уже месяц, как я в Париже, а работаю мало (<...> Зато Париж хорош и многообразен: каждый день открываешь в нем что-нибудь новое» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 285).

29. БЛОК — ЧУЛКОВУ

〈Петербург. 16/29 мая 1911 г.〉

Дорогой Г〈еоргий〉 И〈ванович〉,

целую Вас, завтра уезжаю в Шахматово¹. Измотался здесь. М〈ожет〉 б〈ыть〉, увидимся летом в Париже².

Ваш Ал. Блок

Надежде Григорьевне поклон.

СПб. 16/29 мая 1911.

* Это случайный пример только — эти даты. 〈Примечание Чулкова〉

Ответ на п. 28. Открытка с репродукцией «С.-Петербург. Сальный буян».

¹ В двух письмах к матери от 11 мая 1911 г. Блок извещал, что приедет в Шахмат. о утром 18 мая («Письма к родным», II, с. 140).

² Блок отправился в заграничное путешествие 5 июля и возвратился в Петербург 7 сентября 1911 г. С Чулковым Блок в Париже не встретился (см. п. 30, прим. 2).

30. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

Yport. <14>/27.VII.1911

Милый Александр Александрович!

Я на берегу моря, в Нормандии, в местечке Yport. Здесь безлюдно, дико и глухо. Веет ветер соленый, пахнет рыбой и морской травой¹. Жаль, что не встретились мы с Вами в Париже!² Недели через 3 вернусь в Россию³.

Ваш Георгий Чулков

Открытка. На обороте — фотоснимок: Yport. La Jetée un Jour de Tempête.

¹ Свое пребывание в Ипоре (близ Руана) Чулков описал в очерке «Нижняя Сена» (Георгий Чулков. Вчера и сегодня, с. 134—139). Очерк перепечатан также в книге Чулкова «Годы странствий» (с. 259—264). 2 августа (н. ст.) он сообщал Мейерхольду: «Я прожил в Париже три месяца, а теперь живу в Нормандии, у моря, в диком и глухом местечке Ипоре. Недели через две вернусь в Париж, а потом в Петербург» (ЦГАЛИ, ф. 998, оп. 1, ед. хр. 2597). В тот же день Чулков писал Конст. Эрбергу: «Я теперь живу с Над(еждой) Григ(орьевной) в Ипоре, в Нормандии, на берегу моря. Здесь очень уединенно и провинциально. Море, как всегда, многолико, а жизнь наша однообразна: ложимся спать в 10 ч., встаем в 7; едим креветок; пьем сидр. Я пишу небольшую повесть...»; 21 августа (н. ст.) Чулков сообщал ему: «Только сегодня вернулся в Париж. Жили мы месяц у моря, в Ипоре. Ездили по окрестностям, по нормандским деревушкам. На обратном пути побывали в Руане, где дивные церкви-невеселые, каких нет в Париже» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 285).

² Блок был в Париже 8/21—9/22 июля, проездом из Германии в Аберврак — портовый городок в Бретани (см.: «Письма к родным», II; с. 146—147).

³ «Я сейчас только что приехал в Петербург», — сообщал Чулков жене в Париж 22 августа (ст., ст.) 1911 г. (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480).

31. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

<Москва. 23 сентября 1911 г.>

Дорогой Александр Александрович!

Я — в Москве. Мой адрес: Плющиха. Грибоедовский пер., д. 8, кв. 2¹. Скоро буду в Петербурге. Остановлюсь в гостинице «Пале-Рояль», на Пушкинской. Заходите. Очень хочу иметь Вашу книгу².

Сердечно Вам преданный Георгий Чулков

Открытка. На обороте — репродукция с видом Спасских ворот в Москве. Датируется по почт. шт.

¹ О приезде в Москву Чулков сообщал Конст. Эрбергу 10 сентября 1911 г.: «Я в Москве и как-то по-новому чувствую старое или, быть может, по-старчески переживаю прежнее юное, молодое, даже детское» (ИРЛИ, ф. 474, ед. хр. 285). В воспоминаниях «Годы странствий» Чулков писал: «После Парижа я поселился не в Петербурге, а в Москве, где я родился, где учился в гимназии и в университете, где сидел в тюрьмах, где женился, где напечатал первые мои рассказы и где лежит на кладбищах прах близких мне людей. (...) Приютил меня у себя мой верный друг, с коим я связан сердечным гимназическим скамьи, С. А. Четвериков, весьма ныне известный врач, специалист по детским болезням» (с. 265).

² Подразумевается книга Блока «Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме» (М., «Мусaget», 1911). Дарственная надпись на ней Чулкову датирована маем 1911 г. (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 139; «Прижизненные издания Александра Александровича Блока». Каталог. М., 1980, с. 18); Блок не мог тогда же передать книгу Чулкову, поскольку тот находился в Париже. По всей вероятности, именно эту книгу Блок вручил Чулкову в Петербурге 5 октября 1911 г., о чем последний в тот же день сообщил в письме к жене: «...пришел Блок (...) Он принес мне свою книжку» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 387). В комментарии к этому письму выказано предположение, что речь идет о книге Блока «Ночные часы», вышедшей в свет в конце октября, и в связи с этим авторская дата «5 октября 1911» сочтена опиской и исправлена на «5 ноября»; однако достаточных оснований для исправления датировки и выводов о том, что в письме Чулкова подразумевается книга «Ночные часы», не имеется. Наоборот, известно, что Чулков приезжал в Петербург в начале октября на короткое время (вторичная его встреча с Блоком состоялась у Вл. Пяста 6 октября, о чем Чулков сообщил жене

7 октября — ЛН, т. 92, кн. 3, с. 387) и в середине месяца вернулся в Москву: «Я выеду, вероятно, в среду» (т. е. 12 октября), — сообщал он из Петербурга Н. Г. Чулковой 11 октября (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 480); в письме к Конст. Эрбергу из Москвы от 31 октября он просил навестить справки о ходе его петербургских литературных дел. Никаких записей о встрече с Чулковым 5 ноября 1911 г. в дневнике Блока, в те дни очень подробном и почти ежедневно заполнявшемся, не имеется (см. VII, 81).

32. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

(Петербург. 27 января 1912 г.)

Дорогой Александр Александрович!

Я — в Петербурге. Дня через три уеду. Очень хочу Вас видеть, но к Вам не могу зайти: не хочу встречаться с Бугаевым¹. Мой адрес: Пушкинская, Пале-Рояль².

Любящий Вас Георгий Чулков

Передайте мой привет Любви Дмитриевне.

Телефон Пале-Рояля 107—54.

Открытка. На обороте — репродукция картины З. Е. Серебряковой «За туалетом». Датируется по почт. шт.: СПб., 27.1.1912.

¹ Андрей Белый во второй половине января 1912 г. приехал в Петербург, но остановился не у Блока (как, возможно, предполагал Чулков), а в квартире Вяч. Иванова. На следующий день, 28 января, Чулков писал жене: «Сегодня у меня был Зычеслав Иванович (<...> Расточал хвалы Бугаеву, меня провоцируя. К нему я все-таки не поеду, хотя он меня очень звал к себе и опять уговаривал мириться с Белым» (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481).

² Встреча Блока и Чулкова в эти дни не состоялась; в каждодневных дневниковых записях Блока, относящихся к концу января, о Чулкове нет упоминаний; внутреннее состояние Блока в эти дни — «тоска смертная», «слабость, тоска» (VII, 128). «Блока я так и не видел: он болен», — сообщал Чулков жене 30 января (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 392).

33. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

(Москва.) 15 апреля 1912.

Дорогой Александр Александрович!

Большое спасибо за книги, за подпись, за память обо мне¹. Ежели весною будете в Москве, навестите меня². Я живу одиноко — в глухом переулке близ Девичьего Поля и монастыря³. Останусь здесь, вероятно, до середины мая⁴. Я слышал, что Вы были нездоровы. Надеюсь, что Вы поправились. Где Вы будете летом? Вам надо в Рим ехать. Я теперь неожиданно, перечитывая Гоголя и о Гоголе, по-новому почувствовал Рим⁵.

Поезжайте, родной мой, в Рим.

Неизменно Вас любящий Георгий Чулков

¹ Имеются в виду книги Блока «Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная Радость» (М., «Мусaget», 1912) и «Собрание стихотворений. Книга третья. Снежная ночь» (М., «Мусaget», 1912). Надписи на них Блока Чулкову приведены в кн.: ЛН, т. 92, кн. 3, с. 139—140. В связи с надписью на «Снежной ночи», датированной апрелем 1912 г. («Милому Георгию Ивановичу Чулкову на память о пережитом вместе»), Чулков писал в очерке «Александр Блок и его время»: «Так это и было: самое страшное и опасное, что в те дни соблазняло души, воистину нам пришлось пережить вместе с ним» («Письма Ал. Блока», с. 117).

² Блок весной 1912 г. в Москву не приезжал.

³ Имеется в виду Новодевичий монастырь.

⁴ В мае 1912 г. Чулков с женой уехал в имение Покровское, близ станции Семлево Московско-Брестской железной дороги.

⁵ Чулков был в Риме в конце октября — начале ноября н. ст. 1910 г., где жил вместе с Вяч. Ивановым. См. воспоминания Чулкова «Годы странствий» (с. 241—244).

34. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

(Петербург.) 9 февраля 1914.

Дорогой Александр Александрович!

Двадцать третьего февраля я повторяю мою публичную лекцию «Пробуждаемся мы или нет?» — в сокращенной редакции¹. После лекции состоится диспут, и я надеюсь, что он не будет на этот раз носить такой случайный и

вульгарный характер, какой носят нередко модные теперь диспуты. Дело в том, что цель этого диспута — публичный спор об отношении общественности к символизму как миропониманию — цель определенная, как видите.

Я не приглашаю ни футуристов, ни акмеистов. Они неинтересны как оппоненты. Приглашены общественники-позитивисты и сторонники общественной религиозной. Мережковские с своей стороны предлагают как оппонентов Карташева и Мейера².

Я очень хочу также услышать Вас, Ваш голос, и узнать Ваше отношение к этой теме — насущной, на мой взгляд. Это важно и психологически, и принципиально. На этот раз, мне кажется, не надо брезговать публичным выступлением. Сегодня я участвовал в подобном диспуте в закрытом заседании (в Психоневрологическом институте). Там было много молодежи, и я убедился, что такие выступления имеют теперь реальное значение.

Не уклоняйтесь, дорогой Александр Александрович, от моего предложения. Дайте Ваше хотя бы *условное* согласие; т. е. оставьте за собою право отказать от Вашего слова, если прения не представятся Вам интересными. Этот Ваш отказ не будет явным для публики, потому что «полицейский» час положит фатальный предел диспуту и некоторые «как бы» не успеют высказаться. Но, разумеется, и я, и многие очень и очень пожалеют, если Вы не воспользуетесь Вашим правом и не пожелаете высказаться. Если Вы не захотите говорить, Вы, конечно, можете *прочесть* записку, что сделать Вам легко, т(ак) к(ак) Вы уже знакомы с моим докладом в Рел(и)г(и)озно- Фил(ософском) обществе³.

Жду Вашего ответа⁴.

Неизменно любящий Вас Георгий Чулков

Ждановская набережная, 3⁵. Тел. 634-94.

¹ В первый раз Чулков выступал с лекцией «Пробуждаемся мы или нет?» в зале Тенишевского училища 16 января 1914 г. В ней обосновывались символизм как мироощущение и связь с символизмом «истинного реализма» в искусстве. «Эти тезисы, — отмечалось в отчете о докладе, — г. Чулков подкрепил указанием на эстетическую теорию Вл. Соловьева („магическое искусство“) и идеи Достоевского о реализме. Признание относительности земных вещей, обнаружение в знаках сущности мира, взгляд на земную красоту как на знак красоты абсолютной — вот свойства истинного реализма (<...> Символизм делится, по докладчику, на идеалистическую и реалистическую грани; Ф. Сологуб, А. Белый, Вяч. Иванов и А. Блок — представители того и другого уклона в пределах символизма. Симпатии докладчика не на стороне крайнего субъективно-идеалистического мироощущения; свойственный крайнему идеализму пафос иллюзионизма опустошает душу художника». Вторая часть выступления Чулкова была посвящена критике новейших поэтических течений — акмеизма и футуризма. «После перерыва состоялись прения, очень краткие в силу наступления „полицейского часа“. На защиту реализма выступил г. Львов-Рогачевский, нападки на акмеизм отражали С. Городецкий и Н. Гумилев; возражали также из футуристов неизменный Н. Кульбин и молодой, страстный В. Шкловский» (Л. М. Доклад Г. Чулкова об искусстве. — «Речь», 1914, № 17, 18 января). Блок, присутствовавший на докладе, записал 16 января: «Лекция Г. И. Чулкова в Тенишевском зале („Пробуждаемся мы или нет?“) (<...> Все (почти!) на лекции было бездарно, путано, гнусно или просто глупо» (ЗК, 201).

² О Карташове см. п. 8, прим. 2. Александр Александрович Мейер (1875—1939) — религиозный философ и публицист.

³ Имеется в виду доклад Чулкова «Оправдание символизма», прочитанный на заседании петербургского Религиозно-философского общества 19 января 1914 г.; в прениях по докладу участвовали Вяч. Иванов, Д. С. Мережковский и др. («Речь», 1914, № 19, 20 января). Доклад «Оправдание символизма» был опубликован в журнале «Голос жизни» (1915, № 24, с. 13—17; № 25, с. 7—12), вошел в кн.: Георгий Чулков. Вчера и сегодня, с. 94—113. Предпринятые в нем обоснование символистской эстетики и критический анализ акмеизма и футуризма целиком соответствовали тезисам лекции Чулкова «Пробуждаемся мы или нет?» (см. программу лекции: «Речь», 1914, № 51, 22 февраля). Блок записал 19 января: «Религиозно-философское собрание: (<...> доклад Чулкова» (ЗК, 202).

⁴ На письме Чулкова — помета Блока: «Ответ(ил) по телеф(ону)». 10 февраля Блок записал: «Письмо от Г. И. Чулкова и телефон с ним — о диспуте» (ЗК, 206). О решении Блока можно судить по его записи от 23 февраля: «Повторение лекции Чулкова (на диспут после нее он опять звал меня). Мое имя поставлено на афише, „условное согласие“, — я предупредил, что, вероятно, не буду. И — не буду» (ЗК, 209); ср. записи Блока — от 18 февраля: «Некто заносил чулковские афиши с моим именем» (ЗК, 208); от 20 февраля: «Долидзе (по всей вероятности) заносил „почетные билеты“ (чулковские, где меня не будет)» (ЗК, 208); Ф. Е. Долидзе — ответственный распорядитель литературных вечеров и лекций; от 22 фев-

НГ

Дорогой Георгий Иванович, моя сестра
связала мне, что какин будущий начальник
не забыл о Вас и отжидавал, крестную
документы только по какин-то своим сообра-
жениям; кажется, потому, что у него
мало какин подобный, и он дожидается что
по очереди (по году). Сам он написал,
что Вам безвыгодно нечего.
27 II. Ваш А. Б.

ПИСЬМО БЛОКА Г. И. ЧУЛКОВУ 27 ФЕВРАЛЯ 1916 Г.

Автограф

Институт мировой литературы АН СССР, Москва

раля: «Телефон с Долидзе, — я отказался от завтрашнего» (ЗК, 209). «Афиша» — печатное объявление о лекции Чулкова: «Концертный зал Калашниковской биржи (Харьковская, 9). В воскресенье, 23 февраля состоится публичная лекция Георгия Чулкова „Пробуждаемся мы или нет?“ После лекции под председательством П. Е. Щеголева состоится диспут о современных литературных течениях, при участии Александра Блока, В. В. Гиппиуса, А. В. Карташева, П. С. Когана, А. А. Мейера, М. П. Неведомского, Л. И. Ортодокса, М. И. Туган-Барановского и друг. Начало в 8½ ч. веч.» («Речь», 1914, № 49, 20 февраля).

⁵ Адрес близкого друга Чулкова со студенческих лет, юриста и публициста А. С. Яценко (Ждановская наб., 3, кв. 22).

35. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

«Царское Село.» 17 марта 1915.

Дорогой Александр Александрович!

Время вовсе не умалило давней моей любви к Вам. Очень хочу увидеть Вас и с Вами побеседовать.

Я живу в Царском Селе — Малая, 47¹.

Приезжайте пораньше. В первом часу позавтракаем, потом — в парк, где сейчас безлюдно и снежно.

Дружески жму Вашу руку.

Сердечно Ваш Георгий Чулков

¹ 10 февраля 1915 г., по возвращении из Швейцарии, Чулков писал из Петрограда сестре, А. И. Ходасевич: «Кажется, обстоятельства так складываются, что придется остаться под Петербургом, в Царском Селе (...). Надо будет работать в газетах. Это возможно, живя в Царском, и совершенно невозможно в Москве» (ГБЛ, ф. 371, карт. 2, ед. хр. 29). Климат Царского Села более, чем петербургский, благоприятствовал Чулкову, страдавшему туберкулезом. «Швейцарские горы хотя и подкрепили меня, но исцелить меня не могли, — вспоминал Чулков. — Врачи посоветовали мне поселиться в Царском Селе. Я так и сделал. Мы наняли с женою квартиру на Малой улице. Я перевез сюда из Петербурга свои книги. Друзья навещали меня, но в то же время здесь не было городской суеты, и я мог работать» («Годы странствий», с. 308). Чулков прожил в Царском Селе до лета 1916 г.

36. БЛОК — ЧУЛКОВУ

<Петроград.> 17 марта 1915.

Спасибо Вам за доброе письмо, дорогой Георгий Иванович. Хочу непременно приехать к Вам — на праздниках, или после, не знаю, только хочу¹.

Душевно Ваш Ал. Б л о к

Ответ на п. 35.

¹ 6 апреля 1915 г. Блок сообщал Вл. Пясту (в ответ на его расспросы о Чулкове в письме от 25 марта 1915 г. — ЛН, т. 92, кн. 2, с. 218): «Георгий Иванович живет в Царском Селе рядом с Гумилевыми (Малая ул., 47, кв. 5). Я получил от него письмо и давно уже собираюсь к нему съездить» (VIII, 444); 26 апреля 1915 г. — ему же: «У Георгия Ивановича я все еще не побывал; но он был не так давно у Мережковских, у которых и я на днях сидел долго (по обыкновению)» (VIII, 446). Визит состоялся лишь 28 мая; в этот день Блок записал: «Днем с Пястом и Княжиным у Чулковых в Царском Селе (Яценки)» (ЗК, 264). «Вчера мы с Пястом и Княжиным провели весь день и вечер у Чулковых в Царском Селе, — сообщал Блок матери 29 мая. — Гуляли и обедали там с проф. Яценкой» («Письма к родным», II, с. 267). О совместной поездке с Блоком к Чулкову в Царское Село упоминает и Вл. Пяст в своих «Воспоминаниях о Блоке» (см.: «Александр Блок в воспоминаниях современников» в двух томах, т. 1. М., 1980, с. 393). Н. Г. Чулкова вспоминает: «В 1915 году мы жили в Царском Селе. Летом приехал к нам Блок вместе с поэтом Владимиром Алексеевичем Пястом и провел у нас целый день. Мы гуляли в парке. После обеда Блок читал нам свои новые стихи. Потом взял с полки томик Баратынского и сказал, что хочет прочитать нам те стихи Баратынского, которые он больше всего любит. Их было три. Прочитав их, он заложил страницы с этими стихотворениями бумажками, написав на каждой из них первую строку каждого стихотворения» (Н. Г. Чулкова. Воспоминания о моей жизни с Г. И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми. — ГБЛ, ф. 371, карт. 6, ед. хр. 1, л. 84). Эти стихотворения Баратынского — «Когда взойдет денница золотая...», «В дни безграничных увлечений...», «Наслаждайтесь: все проходит!...» — называет также Чулков в очерке «Александр Блок и его время» и пытается истолковать блоковский выбор («Письма Ал. Блока», с. 117—118).

37. ЧУЛКОВ — БЛОКУ

<Царское Село.> 8 ноября 1915 г.

Дорогой Александр Александрович!

Я вчера звонил к Вам по телефону, но Вас не было дома. Хочу с Вами побеседовать. З. Н. Гиппиус сказала мне, что у Вас есть какие-то сведения о призыве ратников нашего возраста¹. Я — призвён 1900 года. Надо, ведь, обдумать такое дело. Когда-то я был вынослив и сотни верст прошел пешком благополучно, а теперь дышу скверно и марширую худо. Не поступить ли нам в школу прапорщиков? Уж лучше офицером быть. Вы как думаете? Какие у Вас планы?

Во вторник² я уезжаю в Москву на неделю. Напишите мне туда: Смоленский бульвар, Б. Левшинский пер., д. 10, кв. 7. Зинаида Николаевна не без удовольствия говорила мне о Вашем отношении к войне, а я, признаюсь, не очень в этом Вам сочувствую³. Но «частное да подчинится общему», и разномыслие — я думаю — не мешает нам совместно изучить воинское искусство. Вместе иногда веселее. На миру и солдатчина красна.

Любящий Вас Георгий Чу л к о в

Я оставил для Вас у В. Э. Мейерхольда три мои новые книги⁴.

Р. С. А в Москву не хотите со мною ехать? Спальное место можно достать на Невском в «Международном Обществе» без малейшего труда. Я еду в 8 ч. 20 м. веч<ера> 10-го числа.

¹ Блок посетил З. Н. Гиппиус 6 ноября (ЗК, 276). Ср. записи Блока, относящиеся к этому времени: «Смутные слухи о призыве» (5 ноября); «Мама все хлопочет обо мне (война)» (9 ноября); «Новые слухи о призыве в декабре» (10 ноября) (ЗК, 274, 276).

² 10 ноября.

³ В отличие от Блока, решительно не принимавшего войну, Чулков считал, что борьба с Германней и германским милитаризмом является священным долгом России и имеет свой высший смысл: «Современная антихристианская культура Европы нашла в германской абсолютной государственности и в немецком империализме свое седалище»; «...мировая война приобретает значение известного нравственного состязания, поединка, некоторой внутренней борьбы за <...> Единую Душу. Встретились два понимания мирового единства. От исхода

этой борьбы зависит самое становление мировой жизни — и в частности судьба России» и т. д. (Георгий Чулков. Судьба России. Беседа о современных событиях. Пг., «Корабль», 1916, с. 30, 35). Впоследствии Чулков вспоминал: «По состоянию здоровья я не мог, конечно, быть забран в солдаты, но мысль о том, что сейчас на фронте решаются судьбы мира, нествязно меня преследовала. Я не склонен был к воинственности, и едва ли из меня мог бы выйти путный солдат, но мне казалось невозможным жить в тылу, не изведав вовсе трудностей и ужасов войны» («Годы странствий», с. 308).

⁴ В библиотеке Блока в ИРЛИ сохранилась одна из этих книг Чулкова — «Вчера и сегодня. Очерки» (М., «Северные дни», 1916; шифр: 94 2 212) — с надписью: «Милому Александру Александровичу Блоку в знак любви. Георгий Чулков. 1915». Две другие книги — «Сатана. Роман» (М., «Катва», 1915) и, видимо, «Люди в тумане. Книга рассказов» (М., «Северные дни», 1916).

38. БЛОК — ЧУЛКОВУ

〈Петроград.〉 9 XI 1915.

Спасибо Вам за книги, милый Георгий Иванович! В Москву сейчас не могу ехать, некогда, а после Вашего возвращения увидимся, наконец, непременно и обсудим свое положение.

Мое теперешнее чувство войны — одно, и оно, конечно, не важно; трижды согласен, что «частное да подчинится общему», и надо это сделать весело. Планы у меня приблизительно такие же, а относительно того, чтобы связать наши с Вами судьбы, я много раз думал¹. Я — 1902 года², позовут нас не раньше весны, а относитель(ельно) школы прапорщиков есть какие-то препятствия. За эту неделю я узнаю больше, чем знаю теперь. Вас-то, пожалуй, все-таки, не возьмут. — Во всяком случае, — до скорого свидания³.

Ваш Ал. Блок

Ответ на п. 37. Отправлено из Петербурга в Москву по адресу, указанному Чулковым в п. 37. См. отзыв Чулкова об этом письме Блока в письме к Н. Г. Чулковой от 11 ноября 1915 г. (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 455).

¹ В письме от 15 ноября 1915 г. Н. Г. Чулкова сообщала Чулкову, что Блок «все мечтает пойти служить» вместе с ним (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 456).

² Т. е. ратник призыва 1902 г.

³ Чулков посетил Блока 21 ноября (ЗК, 278).

39. БЛОК — ЧУЛКОВУ

〈Петроград. 27 февраля 1916 г.〉

Дорогой Георгий Иванович,

моя сестра сказала мне, что наш будущий начальник не забыл о Вас и откладывает присылку документов только по каким-то своим соображениям¹; кажется, потому, что у него много нам подобных, и он делает это по очереди (по году)². Сам он написал, что Вам беспокоиться нечего.

Ваш А. Б.

№2

24 II
1916.

Дорогой
Георгий Иванович.

Спасибо Вам за книгу;
а как. Как сидеть почитать
новые издания, тем же
наши плахи, побиты, не
осуществили, хотя в Ваши
документы уже были вписаны.
Все откладывает, побиты,
написаны, а, кроме того, есть
слухи, о которых сообщу
Вам при свидании.

Ваш Ал. Блок

ПИСЬМО БЛОКА Г. И. ЧУЛКОВУ 24 МАРТА
1916 Г.

Автограф

Институт мировой литературы АН СССР, Москва

Открытка. Почт. шт.: Петроград, 27.2.16; Царское Село, 29.2.16.

¹ Подразумеваются хлопоты о том, чтобы Блок и Чулков, в случае их призыва, несли вместе военную службу. В хлопотах участвовали сводная сестра Блока, дочь А. Л. Блока от второго брака Ангелина Александровна Блок (1892—1918) и ее мать Мария Тимофеевна Блок (урожд. Беляева; 1876—1922), имевшая связи в военной среде (ее брат, С. Т. Беляев, был командиром тяжелого артиллерийского дивизиона).

² Т. е. по году призыва (1900 — у Чулкова, 1902 — у Блока).

40. БЛОК — ЧУЛКОВУ

⟨Петроград.⟩ 24 III 1916.

Дорогой Георгий Иванович.

Спасибо Вам за книжку ¹; а наш командир получает новое назначение, так что наши планы, по-видимому, не осуществляются, хотя и Ваши документы уже были присланы. Все откладывается, по-видимому, надолго и, кроме того, есть слухи, о которых сообщу Вам при свидании ².

Ваш Ал. Б л о к

¹ Видимо, имеется в виду брошюра Чулкова «Судьба России». Дарственную надпись на ней Блоку см.: ЛН, т. 92, кн. 3, с. 140.

² 16 апреля 1916 г. Блок вновь упоминал про слухи «о новом призыве» (ЗК, 295). 11 мая он сообщал матери, что М. Т. Блок предложила ему и Чулкову «другой тяжелый дивизион, кот(орый) получил ее брат» («Письма к родным», II, с. 280); 2 июля 1916 г. Блок записал: «Звонил Чулков, который вчера был здесь и говорил с Любой — в хлопотах о воинской повинности» (ЗК, 296). Однако замыслы совместного несения воинской службы не осуществились (см.: «Письма к родным», II, с. 297—301). Блок по призыву в действующую армию в июле 1916 г. был зачислен (по протекции В. А. Зоргенфрея) табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского Союза земств и городов, а Чулков в августе того же года — в Первый передовой сибирский отряд Союза городов (см.: Георгий Чу л к о в. Годы страствий, с. 310). 3 августа он сообщал жене: «Я уже получил бумаги из Союза городов. Выезжаю из Петрограда в понедельник или во вторник» — т. е. 8 или 9 августа (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 481). В действующей армии Чулков служил в военно-санитарном отряде. «Во время войны <...> я отправился на фронт и в течение нескольких месяцев жил среди солдат и офицеров. Это был канун революции», — писал Чулков в автобиографии (ЦГАЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 243, л. 4). Вновь Блок и Чулков встретились в Петрограде в мае 1917 г. «Вечером сейчас сидел у меня Чулков, рассказывал кое-что интересное о фронте и об общем положении дела, — сообщал Блок матери 8 мая 1917 г. («Письма к родным», II, с. 358).